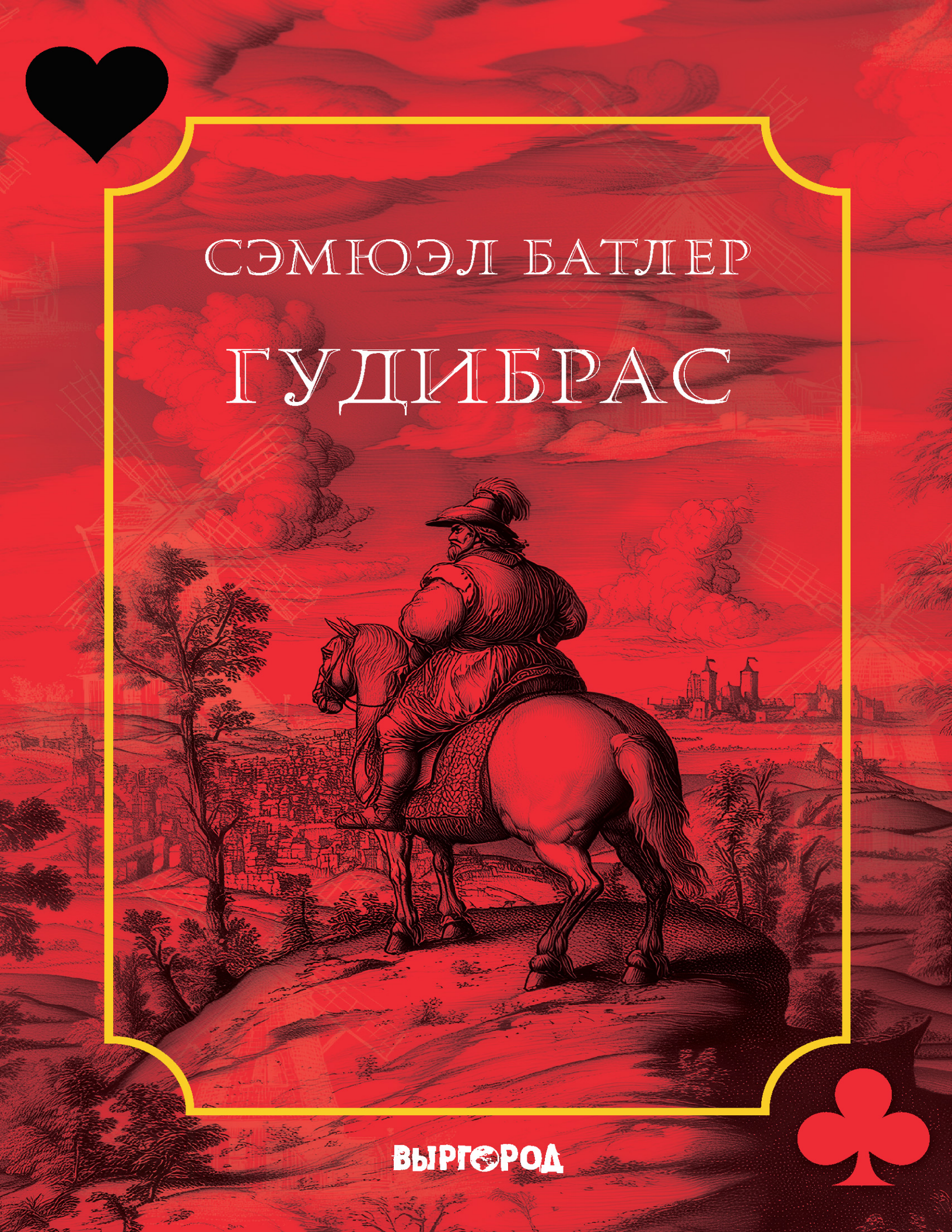
СЭМЮЭЛ БАТЛЕР

ГУДИБРАС



ВЫРГОРОД

Annotation

Сэмюэл Батлер – один из самых острых и блестящих английских сатириков XVII века. Поэма «Гудибрас» (1663–1678) в своё время стала настоящим литературным событием и до сих пор остаётся образцом политической и философской иронии. В бурные годы после гражданской войны в Англии рыцарь-пуританин Гудибрас и его оруженосец Ральфо странствуют по стране, попадая в нелепые переделки, споря о вере, власти, добродетели, и невольно разоблачают лицемерие, фанатизм и суетность идеологий. Своего рода бурлескный «Дон Кихот», «Гудибрас» сочетает в себе тонкую пародию на рыцарский эпос, сатиру на религиозные войны, гротеск и учёную игру с формой. Блистательные рифмы, каламбуры, театральные диспуты и неожиданная образность превращают сочинение Батлера в литературный фейерверк, где за шуткой скрывается глубокое сомнение, а за комическим прицелом – трагическая эпоха. На русском языке публикуется впервые.

- Сэмюэл Батлер
  -
  - Часть первая
    - Песнь первая
    - Песнь третья
  - Часть вторая
    - Песнь первая
    - Песнь вторая
    - Песнь третья
    - Героическая эпистола от Гудибраса Сидрофелу[332]
  - Часть третья
    - Песнь первая
    - Песнь вторая
    - Песнь третья
    - Героическая эпистола Гудибраса его Леди
    - Ответ Леди на эпистолу Сэра
  - Илья Кутик. Сэмюэл Батлер и его «Гудибрас»

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36

- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73

- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110

- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147

- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184

- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221

- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258

- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295

- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332

- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369

- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402
- 403
- 404
- 405
- 406

- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432
- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439
- 440
- 441
- 442
- 443

- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455
- 456
- 457
- 458
- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476
- 477
- 478
- 479
- 480

- 481
- 482
- 483
- 484
- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495
- 496
- 497
- 498
- 499
- 500
- 501
- 502
- 503
- 504
- 505
- 506
- 507
- 508
- 509
- 510
- 511
- 512
- 513
- 514
- 515
- 516
- 517

- 518
- 519
- 520
- 521
- 522
- 523
- 524
- 525
- 526
- 527
- 528
- 529
- 530
- 531
- 532
- 533
- 534
- 535
- 536
- 537
- 538
- 539
- 540
- 541
- 542
- 543
- 544
- 545
- 546
- 547
- 548
- 549
- 550
- 551
- 552
- 553
- 554

- 555
- 556
- 557
- 558
- 559
- 560
- 561
- 562
- 563
- 564
- 565
- 566
- 567
- 568
- 569
- 570
- 571
- 572
- 573
- 574
- 575
- 576
- 577
- 578
- 579
- 580
- 581
- 582

Сэмюэл Батлер
Гудибрас
Поэма

Оригинальное название:
Hudibras / Samuel Butler

© Кутик И. В., перевод, 2026
© Выргород, 2026

Часть первая

Песнь первая

Краткое содержание:
Сэр Гудибрас[1]*, великий воин,*
За подвиги хвалы достоин.
Его оружье, конь, он сам
Описаны. А также гам
Медвежьей травли, но забава
Сия уйдёт в другие главы.
Когда гражданский гнев объял
Страну, взъярились стар и мал.
Когда все стали крыть друг друга,
То лопнула её подпруга,
И за религию пошли
Друг дружку лупцевать земли
Сей уроженцы в кровь, не зная,
Зачем им эта пря чумная.
Трубач Завета гнал взашей
На бой ослов, до чьих ушей,
Чуть оттопыренных в молитве,
Дошёл призыв к последней битве[2].

Тогда наш рыцарь прекратил
Шататься и направил пыл
На роль полковника. И в малом,
И в большем рыцарским зерцалом
Он был и, кроме чести, знать
Не знал другую благодать.
Не сладостность ценил он паток,
А силу лишь людских лопаток,
Что вложена в удар. Картель[3]
Ещё как вызов на дуэль.
Смирен он на скамье был в храме
И прям в седле. Пройдя с боями
Страну всю, мир воспринял он

Как должное. Свой легион
Он распустил. Рекут, что крысы
По части ихней антрепризы
На водных или на земных
Все делятся. Наш рыцарь лих
В обеих был стихиях – мира,
Как и войны. Моя тут лира
Молчит, что было в нём важней —
Ум или сила. До корней
Волос он гневался, но всё же
Отходчив был. Таких вельможи
Зовут кретинами. Монтень
Играл так с кошкой[4]. Та ж за пень
Его держала. Гудибраса
Она б сочла за лоботряса,
Хоть этим именем владел
Вершитель многих славных дел.
Короче, не был он кретином,
А лишь стыдливым, не бесчинным.
Точней, употреблял свой ум
Лишь иногда и наобум.
С умом – точь-в-точь как с верхним платьем,
Мы лучшее своё не тратим
На будни, надевая лишь
По праздникам. Он не тупыш
Отнюдь. По-гречески кого ни
Уделал он. Визжат хавроньи
Вот так естественно. Латынь
Он знал, как дрозд своё динь-динь.
Своё он вежество в языцех
Не выставлял, но в разных лицах
Представить диспут мог любой.
Иврит он тоже знал, что свой
Секрет хранит от многих. Вкратце,
Обрезанным он мог считаться,
Когда б для истых христиан
Он не был бы так в вере рьян.

Он в логике поднаторелым
Считался. Мог он между делом
И аналитикой блеснуть.
Как волос расщепить, так суть
Он выставить мог антиподом
Самой себя. Он в спорах мёдом
Всех потчивал, мол, человек
Не лошадь, а канюк иль хек
Не птица с рыбой, даже Бога
Он звал совой за чашей грога,
Телёнком олдермена и
Гусыней правосудье. Дни
Он в преньях проводил, пленяя
Всех силлогизмами. Такая
Вот слава шла за ним, коль был
Он в настроенье: чуток, мил.

В риторике он не был силен.
Он часто ухал, словно филин,
Иль заходился в кашле на
Средине фразы, и слышна
Тогда была лишь брань, что это
В нём создаёт анахорета.
Он говорил, как остальной
Народ, но с разницей одной:
Нашла себе в нём, видно, лоно
Былая башня Вавилона.
Учёные так говорят,
В речах мешая склад и лад.
Смесь греческого и латыни
С английским, словно на сатине
Вельветовые латки, слух
Корёжила: засилье двух
Наречий убивало третье.
Так закрывают ствол поветья,
Так каменщики башни той,

Видать, общались меж собой,
Так Цербер говорит в Аиде
С тенями, в них людей не видя.
В своём заводе Гудибрас
Имел завидный слов запас,
Не делая меж них различий.
Язык был не людской, а птичий
Какой-то. И к тому ж охоч
До новых слов он был. Точь-в-точь
Как иностранцы, только в оных
Ума был нуль. Нет в эмбрионах
Ума. Неологизмы все
Окатыши на полосе
Морского пляжа. Ими можно,
Наверно, если осторожно,
Полировать прононс, как грек
То делал древний[5]. Но разбег
Он представлял себе всей фразы.
А Гудибрас под видом базы
Трёх языков всем выдавал
Не смысл, а просто слов обвал.

Он в математике коряги
Ворочал цифр, как Тихо Браге
Иль Эрра Патер[6]. Мог объём
Он эля счесть в один приём.
Коль не было на хлебе масла,
Он сразу знал, какая масса
Потеряна. Который час,
По звёздам мерил Гудибрас.

Он в философии начитан
Весьма был, не кончая Итон,
И всё на веру принимал,
Что б автор ни сказал, нахал.
Он на вопрос любой вопросом
Ответствовал. Как птицы просом

Питаются, так он был рад
Кормиться кашицей цитат.
Цитировал он где-то сорок
Философов, и каждый дорог
Ему был истиной своей.
Он пел их, будто соловей.
Не различал он, что который
Изрёк, но все ему опорой
Служили в преньях, где порой
Перевирал их наш герой.
Как представляют приведенья
Тот мир, мир этот бутетеня,
Он знал деяния людей
В абстракции. Что те ни дей,
Ему казалось всё правдивым
Их проявлением и дивом.
Метафизическим ему
Всё рисовалось потому.

Как плод духовных семинарий,
Он в отвлечённом был угаре:
Не то как бы второй Фома[7],
Не то впрямь выжил из ума.
Во всём нездешнюю изнанку
Он зрел, храня притом осанку,
Так что верёвки из песка
Он в спорах вил, того слегка.
Особенно он в полнолунье
Таким открыто был, не втуне:
Все комнаты в его мозгу
Пустели мигом. Он «угу»
Твердил невероятным самым
Теориям, что звать Бедламом[8]
Привыкли люди, будто Бог
Чесотку подхватил от блох,
А он знай скрёб Его, чтоб зуду
Усилиться. Но вера в чудо,

Что шарлатаны часто нам
Показывают, этот шрам
От десяти ногтей мгновенно
Затягивала. В гнилость тлена
Не верил он, и где Эдем,
Он знал назло компа́сам всем.
Он брался доказать, что или
Он здесь, иль где-то в звёздной пыли,
Что там Адам томился, чтоб
Явилась Ева из чащоб,
Что дьявол языком тевтонов
Владел, им сердце Евы тронув[9],
Что у обоих был пупок,
Что музыку ввёл молоток
На кузне[10], что, хоть дьявол змеем
Предстал, он был с копытом. Клеем
Молитв он доводы скреплял
Пустые. Этот буревал
Он разгрести не мог, однако
Не различал, где суть, где врака.

Что до религии, она
Была герою врождена,
Под стать его уму. Небесным
Он пуританином был, безднам
Противным ада. Церкви наш
Герой воинственной был страж.
Вместо священных текстов пику
С мушкетом прижимал он к лику,
И богословских прений вал
Он артиллерии вверял.
Апостольская их доктрина —
Удары в пах, удары в спину,
Огонь и меч. Так без конца
Шла Реформация, свинца
На пустосвятов не жалея.
Чем дольше шла, тем только злее

По ходу делалась. Видать,
Религиям существовать
Друг с другом в мире невозможно.
Их секта объявила ложной
Доктрину прочую, вспылив
На мир весь, так что вышел взрыв.
Как ни гнобила всех, а правой
Не стала так, залив всё лавой,
Безумной псицей покусав
Тех, кто не приняли устав.
Где были праздники святые,
Там пост теперь, и клонят выи
Сторонники её, кляня
Тех, кто лишь адского огня
Достойны за – с ней – несогласье.
Они так Бога хвалят в массе,
Как будто бы Ему назло
Лишь действуют. Они крыло
Свободы воли обкорнали:
Предопределено в начале
Судьбы, мол, всё. А прочих всех
След покарать за этот грех.
Они всё запретили, даже
Любимое, в сектантском раже:
Минс пай[11], к примеру, иль овёс
Со сливами. Свиней и коз
С гусями разрешили, вроде.
Ислам им ближе по природе:
Там многого нельзя. Пророк
Их тоже чтил ослов. Глубок
Союз был Гудибраса с ними.
Всё ханжествó там, хоть во имя.

Короче, это всё герой
Впитал под кожною корой.
Теперь нам обсудить пристало
Героя вид и причиндалы

Его лица. Украсил свой
Он лик игреней[12] бородой.
Она была вся цвета глины
Горшечной, хоть наполовину
И поседела. Метеор
Сей красный предсказать был скор
Паденье тронов, ну а, может,
И новой власти. С ней был прожит
Весь взрослый век. Он, как Самсон,
Растил её – до тех времён,
Когда монархии все сгинут,
Иль сам он не умрёт. Подвинут
Он был на бороде. Она
Ещё всплывёт, когда он дна
Коснётся. В общем, он монаха
Напоминал. Её до паха
Хотел он отрастить, как у
«Верёвочников»[13], кто нужду
Воспринимают благодатью.
Он с детства был готов к проклятью
И смерти мученика от
Рук государства. То, что ждёт
Его война, не знал он, ибо
Предполагал скорее дыбу,
Под ногти иглы и сапог
Испанский. Мучеником мог
Он пасть, когда б не каша эта.
Он не боялся конца света
И до монархии конца
Готов растить был цвет лица,
Но так привык к своей патлатой
Он бороде, что даже платой
Он не польстился б, чтобы сбрить
Её. В войну ушла вся прыть
Его, а борода спасала
Частенько от врагов металла.
Он ждал, что вместе с бородой

Серп времени его, со ржой
На нём, однажды скосит. Плоти
Он не щадил. Талиакотий[14]
Уже ко времени тому
Использовать успел корму
Простолюдинов, нос вельможи
Творя из самой нежной кожи
На ягодицах. Если тот,
Кто дал ему свой зад, помрёт,
То нос отвалится, вестимо.

Был согнут наш герой. Не схима
Его согнула, словно он
Энеем был, кто нёс сквозь стон
Троянцев всех отца Анхиза.
Нет, части те, что в теле снизу
Располагаются, гнели
Герою спину. До земли
Порой склонялся он от груза
Сего. Попробую рейтузы
Его я ниже описать.
Любил поесть он и в кровать
Не шёл без трапезы обильной.
Чтил сыр и мясо из коптильной,
Какие в сёлах подают.
Но я вернусь к еде, а тут
Мы скажем пару слов, как эти,
О жёлтом кожаном дублете[15].

Итак, дублет. Его храня
Не от меча, так от коня
Ляганья, сэру Гудибрасу
Он был бронёй. Он встретил массу
Мечей, но не был всё ж готов
Терпеть на теле синяков[16].

Его штаны иль бриджи были

Ужасно широки. Их шили
Не на него. И слух ходил,
Что при Булони их носил
Король наш неуёмный Гарри[17].
Другие возражали баре,
Считая, что в них сыр и хлеб
Сэр Гудибрас хранит. Потреб
В тех много для того, кто в страшной
Участье принял рукопашной.
На самом деле он таскал
Тех в шоссах иль чулках. Оскал
Свой тут являли мыши в поле,
Грызя в них дыры. Поневоле
Тех станешь проклинать, когда
Особо ранен. Мышь всегда,
Если её не тяпнуть, будто
Защитница стоит редута.
Считалось людом в старину,
Что рыцарь, идя на войну,
Не пьёт-не ест. По регионам
Он проезжает истощённым
Войной, где нету ничего,
Что может прокормить его,
Ну разве что трава. Отсюда
Люд сделал выводы, что блюда
Желудку сэра ни к чему.
Довлеют, мол, его уму
Лишь битвы. Это мненье – ересь.
Король Артур, сто раз уверясь
В том, что равны все, изобрёл,
Круглей, чем фижма, круглый стол,
За коим сидя, сэры в деле
Усердствовали, то есть ели.
Другие говорят тишком,
Что круглый стол был сундуком
Для оленины холодильным.
Суют фантазию иль быль нам,

Не знаю, только каждый сыт
Был рыцарский там индивид.
Лирическое отступленье
Прерву я. Гудибрас на сцене
У нас солирует. Пора
Оружье выдать на-гора.

Меч Гудибрас носил подмышкой
Привязанным. А гарда с крышкой
Была, точь-в-точь сковорода.
Он пули лил в ней, иногда
Постреливая в кур. В Толедо
Был сделан меч, но для обеда
Себе его избрала ржа,
Съев часть клинка. Его держа,
Сэр Гудибрас не знал, какая
Часть отвалиться может с края.
В тех ножнах, где он обитал,
Дна не было: он чуть торчал,
Показывая видом бравым,
Что нет конца его управам.
Но извлекаться целиком
Из них он не любил. Влеком
Он тем не менее был в сечу
Время от времени. Переча
Своей природе, он разил
И тут же возвращался в тыл,
Смел, как констебль, кто при аресте
Плечо вам мнёт в развязном жесте.
Сей меч пажа имел – кинжал,
Что не по возрасту был мал.
Глядел он карликом на стати
Меча, у сэра на подхвате.
Он был хорош для ерунды:
Почистить ногти иль плоды,
Порезать сыр для мышеловок.
Короче, он был мал, но ловок.

Он грязь счищал с подошв и лук
Выкапывал. Одним из слуг
Он доводился пивовару[18],
Кто поимел их всех на шару,
Но бросил барина. Теперь
Уж все повадились за дверь.

К седлу крепились Гудибраса
Два терцероля[19], ну и мясо,
Что не вместилось в шоссы. Крыс
Оно влекло. Он сверху вниз
Стрелял их, что надёжней было,
Чем все ловушки иль страшила.
Не спал он по ночам. Бивак
Его был еженощным, враг
Четвероногий чтоб не спасся,
Напав на пищу Гудибраса.

Вооружённый до зубов,
В дни мира был он в бой готов.
Но мало лишь вооружиться,
Сперва он должен водрузиться
На своего коня. Одно
Лишь стремя было, и оно
Так высоко притом висело,
Что вставить ногу – сэра тело
Не позволяло. Кое-как
Взобрался он в седло, башмак
Оставив в стремени, и тут же
Чуть не упал под весом туши
Своей, хватая хвост. Тот был
Ему заменою удил
Так же, как грива. Сэр наш сбрую
Всему предпочитал такую.

Но прежде, чем идти вперёд,
Нам надо рассказать, кто тот

Был конь, что нашего героя
Вёз в бой, а также с поля боя.
Он крупен был, высок, со ртом,
Для пищи развитым, притом
Он крив был; многие твердили,
Что слеп совсем. Когда он в мыле
Галопом мчался, предсказать
Было нельзя, в какую гать
Он вляпается. Шпоры мало
Влияли на него. Закалу
Его завидовали: сбит
Он крепко был, а вид копыт
Похож на пальцы человечьи,
Он был наследником предтечи
Его у Цезаря[20], ступал
Он мягко, если не скакал.
Он приседать умел и низко,
Чтоб мог хозяин сесть без риска
Упасть, и сэр наш Гудибрас
Тем пользовался и не раз.
Под чепраком была вся кожа
Коня истёрта, рёбра тоже
Торчали, словно кто-то, хвост
Минуя, напахал борозд
Достаточно на конском теле.
С хвоста на всадника летели
Лишь грязи брызги, когда тот
Пинался пятками в живот,
Верней в бока. Одна лишь шпора
Была у сэра, чтобы споро
Послать коня в аллюр, чей круп
Брыкался, если он был груб.

У сэра был оруженосец,
Не хмурьте ваших переносиц
При имени его простом.
Он звался Рафом, все гуртом

Его зачем-то звали Ральфо.
В повествованье нашем альфа
Он и омега. Буду я
Звать так и так его. Руля
Взамен нам рифмы, как в минуту
Припрёт их, так и звать я буду.
Он по рожденью был швецом.
Дидоне Карфаген трудом
Швеца достался: бычью шкуру
На ленты тот разрезал[21]. Хмуро
Глядел наш Раф, но добрым слыл.
Его далёкий предок, сил
Набравшись, «корточников» секту
Образовал, и этот некто
Бил сарацинов[22]. Сквайр наш ад
Не раз видал[23]. Он, говорят,
Энею был подобен, копи
Златые зревшему там. Копий
Он навидался их: парчи
Златой, что носят богачи.
Он тоже много знал, не мене,
Чем рыцарь наш. Он *просветленье*,
Наверно, получил иль *дар*
Небес. Как барин-пивовар,
Книг не читал он. Это знанье
Пришло само. Мозги в рыдване,
Разбитом сплошь, к нему с небес
Спустились: с ними, словно без.
Дарёному коню – мне любы
Пословицы – не смотрят в зубы,
И Ральфо не подозревал,
Что мозг его не то, чтоб мал
Был слишком, но с одним дефектом:
Он впитывал всё, словно ректум.
Он пользовался мозгом, как
Свободный человек, и брак
Его не замечал. Святые

Живут так: в полуамнезии.
Когда он говорил, то речь
Мутил он кашлем, ибо течь
Там не было чему. Как нитку
В иголку, продевал он прытко
Все умозаключенья, не
Стремясь остаться в стороне.
Себя всегда считал он правым,
Хоть отличался светлым нравом,
В том смысле, что сей свет знаком
Лишь тем, кто чтутся фонарём.
Его, что больше свойствен овнам,
Чем людям, мы зовём духовным.
Он *ignis fatuus*[24], болот
И кладбищ житель, нас влечёт
В трясину, христианства ради,
Чтоб мы ныряли в этом смраде
За искуплением грехов,
Как утки. Сей огонь таков,
Что в нос святым вдувает, вроде
Волынок, бред шальных мелодий,
В душах пустых живёт он, им
Внушая шёпотом, что зрим,
На языке, который, греем
Огнём, знаком лишь иереям.
Так Феб или одна из муз
Поэтам сваливает груз
На сердце, чтоб, назло всем пеням,
Освободить их душу пеньем.

Так Ральфо, вследствие огня
Сего, стал вещуном, дразня
Хозяина тем, что он гадко
Порой, но резал правду-матку.

К мистическому знанью шла
С того момента каббала,

Как смог зелёными штанами
Обзавестись Адам. Есть в хламе
Мистическом зерно, есть ум,
Идеи есть, и даже шум,
Который называют верой,
По поводу той вечной *Terra*
Incognita, что ждёт всех нас,
Не вовсе пуст. Оккультный глас
Ирландцев или же Агриппы[25]
Известен, несмотря на хрипы,
Почти что всем. Антропософ
И Якоб Бёме[26] силой слов
Довольно многих убедили,
Зла не творя. На этой силе
И розенкрейцеры взошли.
Порфирий, кажется, с земли
Мог слышать, чтó болтают птицы[27].
Мы скоро будем все гнездиться,
Подобно им. А Ральфо мог
Вступать в открытый диалог
С каким-нибудь карминным ара[28],
«Дур-р-ак» кричащим. Эта пара
Всех привлекала. Но он был
Против того, что он дебил.
Он мог бы, как иные, числа
Снабдить душой[29]. Чтоб та не скисла,
Хранить её в графине, как
Простую воду. Капнуть в зрак
Её достаточно, чтоб стали
Все люди совами. В детали
Он не вдавался. Сей пострел,
Однако, утверждал, что зрел
Первоматерию нагою
И что её познал. Такою,
Мол, та была до форм своих.
Он хаос тоже зрел. Он лих
Был врать, сам веря в сказки эти.

На ярмарке так верят дети
Марионеткам. Старший брат
Всей Реформации – парад
Библейский кукол. Впрочем, детки
Её все сплошь марионетки.
Раф был на предсказанья скор —
Кого убьют, чей пышный двор
Осиротеет, кто в сраженье
Потерпит крах. Его прозренья
К затменью солнца и луны
Не относились, но должны
Свидетельствовать были людям
О свете внутреннем. Мы судим
Ведь часто по раскладу звёзд
О мире. Ральфо же был прост
И от души вещал, но в точку
Порою попадал. Цепочку
Загадок представляет свод.
Мол, всё планеты наперёд
О том, что происходит, знают.
По ним вот люди и вещают.
Венера с Марсом с неких пор
Ответ дают, кто ложку спёр.
Они хоть немы, но по виду
Их судят, кто нанёс обиду.
Так Марс в ответе за разбой.
Ему известен, де, любой,
Кто в мыслях лишь грозит обманом
Грабителя часам карманным.
Меркурий тоже воровством
Заведует – тем, чем влеком
Как бог он. В общем, их миганье
На небе – путь к житейской тайне,
Что будет с тем, кто сгоряча
Вместо таблетки счёт врача
Сжевал, к примеру, иль ребёнок
Кем станет, выйдя из пелёнок.

Астрологи по пульсу звёзд
Вам скажут про падёж, прирост
Овец, а коль у вас чесотка,
Они вам провещают кротко,
К чему она – к богатству иль
К рогам. Тут важен скромный стиль
Пророчеств, без любой бравады.
О будущем услышать рады
Почти что все, и так они
Всех надувают сыскони,
Нам говоря, что звёзды это
Мудры, а не они. Планеты
Раф игнорировал, избрав
Религиозный курс. Был Раф,
Как я сказал, устами Бога,
Хоть и подвинутым немного.

Так сэр и сквайр сошлись, кто был
Из них главней, я б не судил,
Они равны во всём, друг друга,
Бесспорно, стоя. Их потуга
На ум взаимною была.
Их благочестью похвала
Лишь надлежит. Отвагой тоже
Были они весьма похожи.
Итак, усевшись на коней,
Они поехали, верней
Миль пару бойко протрусили.
Но тут судьба, что вечно в силе
Нагадить, им преподнесла
Сюрприз. О том, как их дела
Пошли, я расскажу, лишь музу
На помощь призову. Союзу
С ней нашему давно грозят
Зоилы[30], говоря, что лад
Хромает мой, как у жонглёра,
Кто ловит шарики не споро.

Не спорю, но тогда мой стих
Пусть будет разбитным, как псих,
Как слог Уизера[31], кто еле
На двух своих стоит от эля.
Зоилы любят тех, кого
Всем обделило божество,
Кто без конца строчат сатиры,
Как бы для пользы нас и мира.
Они высóко ставят ум
Того, кто туп, предвзят, угрюм,
Кто славит сам себя, понеже
Вокруг него, мол, все невежи,
И выставляет свой портрет
С рифмовкой, коей хуже нет.
Остались на Парнасе те, кто
Убоги в смысле интеллекта.
Нельзя писать так, чтоб язык
Нуждался в переводе. Тик
Начаться может от усилий
Понять, что милю там за милей
Они строчат. О муза, дай
Мне сил, и я скажу: «Прощай»!

На западе есть городишко,
На этом всё[32]. Тот болтунишка,
Кто тó речёт, что ясно всем.
Краткость есть благо. Буду нем
Я лучше. Коль поймут, прекрасно,
А нет: что говорить напрасно?
Съезжались люди в город тот
На рынок с ярмаркой. Народ
Любил подёргаться под скрипку,
Что допускало даже сшибку
Пар в танце. Но теперь всех там
Ждал спорт, что всем известен нам
Как *беар-бейтинг*, то есть травля
Медведя. Я своих направлю

Туда героев. Говорят,
Что этот весь пошёл обряд
От греков, от Истмийских или
Немейских игр. Медведь по силе
Не уступает льву. Есть те,
Кто утверждают: в мерзлоте
Медведь лишь выживает, полюс
Ему как столб. Короче, полис
Весь этот занят был одним:
Медвежьей травлей. Аноним
На поле вышел и, как даве
Ведётся, предпослал забаве
Предупрежденье от лица
Медведя: близко от кольца
Его цепи не находиться.
Отмерена сороковица
Была земельных футов от
Его столба. А коль народ
Не сдержится, есть риск медведем
Быть покалеченным. Мы бредим
Героикой, конечно, но
Такая травма всё ж пятно
На репутации и чести.
Зверь на цепи ярится вместе
С собаками, его судьба —
Не отдаляться от столба,
Давая им отпор. Он рьяным
Становится, тяжёлым ранам
Всех подвергая. В этот миг
Ему равно: ты пёс, мужик
Иль рыцарь. Гудибрас наш миром
Решил окончить то, что пиром
Кровавым было стать должно.
В нём совесть говорила, но
И пуританство, ибо травель
Те не выносят. «Вы не вправе ль, —
Тут Ральфо встрял, – вмешаться, чтоб

Люд от медведя не огрёб?
Констебль, кто горд курульным стулом[33],
Нас ниже по уму. Все гулом
Встречают травлю, но Фарос[34]
Ума нас выше их вознёс.
Власть перед пролетариатом
Пасует, диким и лохматым.
Медведя диспут и собак
От человеческих никак
Не отличается: коль первый
Кровав, второй всё кроет червой.
Quantum in nobis[35], обойтись
Без христианской крови высь
Нас призывает. Надо как-то
Свести к нулю наличье факта
Дуэли между псами и
Медведем, избежав их при».

Ответил Гудибрас: «Ужели
Свободы наши, наши цели
И жизни не подчинены
Завету все? С концом войны
Между людьми пришёл потехе
Медвежьей *fin*[36]. В зверином мехе
Собачьим нечего клыкам
Копаться. Эти гул и гам
Суть происки иезуитов,
Извечных папских фаворитов,
Макиавеллиевский план,
Nare olfact[37] у христиан.
Стравить собак с медведем значит
Нас разделить. Нет, здесь маячит
Великий заговор. Врагов
У нас *plus satis*[38]. Нету слов!
Cane et angui peius[39] злоба
Их против нас. Мечта их, чтобы

Вцепились мы друг в друга, как
Собаки в зверя. Хочет враг
Кинарктомахией[40] кровавой
Смутить навеки наши нравы.
И так святые долго нас
Водили за нос. Нюх не спас.
Хотел бы я псевдо-пророка,
Не так бы было одиноко,
Volumus delere[41] всё зло,
Коль Провиденье б помогло.
В чьих интересах, чтобы в зверя
Другой вцеплялся, пасть ощеря?
Они ведь не воюют, тьмы
Прислужники, как бились мы, —
За церковь нашу, за доктрину,
За совести свободу, и на
Погибель шли мы скопом для
Того, чтоб свергнуть короля,
Чтобы никто, подобно греку,
Не поклонялся человеку.
В Египте поклонялись псам
И лили кровь за них. Сиам
Слоновьим бивням пел осанну,
Цейлон обожил обезьяну,
А кто-то славил крыс. За них
Прияли люди смерть. Сей свих
Был верой тоже. Этот бурый
Так слаб, что стать кандидатурой
На бога вряд ли может. Он
При всём убожестве умён
И знает нас получше многих.
Он добр, а мы в четвероногих
Вселяем ярость, это наш
Они перенимают раж.
Философы не зря твердили,
Что звери, кои в дружбе были
С людьми, все стали, как они.

У сучки есть кобель, свиньи
Осеменитель хряк. Но стадо
С другим дерётся до упада,
Как мы. Нерон велел людей
Христа – вот кто был всех злодей
Злодеев! – зашивать в медвежьи
Пустые шкуры, да, воеже
Травить их псами. С тех-то пор
Всё и пошло. Мой приговор
Нехристианскому занятью —
Конец, чтоб не срамить Распятье».

Тут Ральфо рёк: «Ясна мне суть
Суждений ваших. Травля – жуть,
Антихристьянская забава.
Что значит *беар-бейтинг*, право?
Таких двух слов в Писанье нет.
Есть, скажем, суета сует,
Но эта пара агрессивно
Груба, сиречь – богопротивна.
Потворствовать ей грех уже,
Как выйти к людям в неглиже.
А во-вторых, коль нет в Писанье
Такого, значит, это тщанье
Есть пи́санье нам в душу всем,
Кто чтит Христа. Сих слов тандем
Изобретенье, сатаною
Внушённое, сиречь – пустое.
И в-третьих, будь сто раз медведь
Противен псам, сия комедь,
По сути, демоноговенье,
Идолатрия[42]. Здесь, на сцене,
Медведь, хоть и в оковах он,
Чтим людом, словно бог Дагон[43]».

Рёк Гудибрас: «Ты, Ральфо, верно
Всё описал. Я чую скверну.

Твой тезис, *ad ammusim*[44], ров
Копает под народный рёв.
Травля должна *jure divino*[45]
Одобрена быть. То, что Сыну
Неведомо, вредит Отцу.
Синод продажен. Не к лицу
Поддерживать его. Я, барин,
Totidem verbis[46] солидарен
С тобой. И всё ж ошибся чуть
Твой *гомеозис*[47]: травли суть
Порочна, но не беззаконна».

Ответил Ральфо: «Время оно,
Евангельское то есть, знать
Её вполне могло. Печать
Законности на ней, к несчастью,
Провинциальности и властью
Своею упоенья. Но
Коль две сравнить, они в одно
Сольются зло. Какое хуже,
Не скажем мы. Грех обнаружа
Такой, бороться нужно с ним,
Хоть для закона он и мним».

Рёк Гудибрас: «Сказал ты много.
Mira de lente[48], только Богу
Судить грехи. *Id est*[49], порей
В капусту превратить скорей
Возможно, чем с грехами сладить.
Ты, Раф, горяч. Нелепо гадить
Синоду, заявив, что тот
Медвежьих травель всех оплот.
Чем *беар-бейтинг* схож с делами
Церковными? Ничем. Но в раме
Такой испытывает криз,
Мой сквайр, *ejusdem generis*[50].

И есть ли *genus*[51] в мире, чтобы
Понять, где совпадают оба?
Коль зверь, на сей раз он медведь,
Рассматривает мир как снедь,
То мы, едя их, тоже звери
С одним отличьем только – в вере.
Но, Ральфо, здесь не место гать
На хлюпкой теме настилать.
Арена близко. Надо делом
Нам доказать, кто в свете целом
Решительней других. Сей спор
Не выиграть словами, створ
Коснувшись правды красноречьем.
Давай же эту хворь излечим
Атакой! Истина за нас!
Сквайр Ральфо и сэр Гудибрас
Восторжествуют. Хоть атаки
Не все успешны, мы в ней, аки
Орудья два, что взял Господь
В обе руки, чтоб зло колоть.
Унынью – нет, нет – вечной лени.
Я верю в предопределенье,
Что суждено нам на роду,
То сбудется. Один пойду
Я, если надо. Все деянья
Великие вершатся втайне,
Подспудно, но не все они
Доводят дело до резни,
Не все они приводят к цели
Такой, как мнится нам в постели,
Бывает, замысел велик,
А на поверку – только пшик,
Когда отказывает смелость,
А руки сводит онемелость.
Мы Богом определены
Попрать потеху старины.
Не первые мы в этом: были

До нас герои, кто убили
Медведя, не спросясь толпы[52].
Не сбить нас со своей тропы.
У нас две цели: это бурый
Зверюга их, ну и де-юре
Скрипач, кто разжигает страсть
Толпы и псов. Тебе я часть
Отдам своей великой славы,
Что ждёт нас от победы бравой.
Есть за границей мамелюк,
Которого зовут сэр Люк[53],
Меня с ним сравнивают часто
По сходству, а не по контрасту:
Мы оба сильны, с бородой,
Что отливает краснотой.
Мы оба в армии служили
И оба были в ней двужилей
Других. Предпринял он разгон
Медвежьей травли. Осенён
Он лавром был за битву эту.
Так что – вперёд! Покажем свету,
Что мы не хуже. Честь – вдова,
Которую берут раз, два
И три, а то есть – лишь нахрапом.
А постепенность, тихим сапам
Подобная, она для дев
Годится, я же в битве лев».

Ударил тут он ржавой шпорой
Коня. Лаокоон, который
Копьё в Троянского коня
Послал, сравним с ним. Семеня
Едва, конь побежал галопом,
Живот отдался гулко, топом
Перемежаясь. Сэра хвост
Теплом обдал, каким зюйд-ост
Здесь славен. Чем он гнал конягу

Быстрей, тем та сбивалась с шага.
Песнь вторая
Краткое содержание:

Здесь будет целый каталог
Характеров военных. Рок
Решит, кому взять верх. Талгола
Наш встретит рыцарь. Будет соло
Медведя. Скрипача пленит
Наш сэр. В Бастилию, на вид
Довольно хлипкую, из брёвен,
Запрёт. Рассказ мой многословен.

Читал ли Эмпедокл – вопрос, —
Что Александр писал наш Росс[54]?
Что мир стоит на тяготенье
Друг к другу и на прях. Всё чтенье
Романов – это битвы и
Любовь. Чтоб защитить свои
Права любовные, герои
Сражаются, а остальное —
Так, между прочим. Да, важна
Страсть на блажные имена
Ещё. Все рыцари, кто нынче
Живут, им подражают в клинче
И страсти. Как тот лорд, кто стёр
Всю улицу, чтоб свой шатёр
Поставить в камне[55]. Эти сэры
В убийствах всё ж не знают меры,
Не думая о матерях,
О жёнах, детях. Лишь бы страх
Не заподозрили. Считали
Чтоб всех их монстрами из стали.
И всяк из этих страшных бар
Жрёт души многих. У татар
Обычай есть: коль зрят кого-то
Красивого, вся их забота

Убить его, чтоб силу, стать,
С душою вместе, перенять.
Вся радость тех и этих в горле
Чужом, чтоб бросить сверху орлий
Взор на лежащий труп. Расклад
Другой, коль бьётся наш солдат,
Допустим, с великаном. Сила
Нужна громадная, чтоб брыла
Его отвисла, когда с плеч
Башку ему отрежет меч.
Мозги, по слухам, великаньи
Врачуют, коль прижать их к ране,
Но это слух, как у бобров
Бальзам внутри семенников[56].
Пора бы мне и возвратиться
К своим героям. Ягодицы
Они набили скачкой. Мой
Сэр Гудибрас стремился в бой.
Я никогда вам лгать не стану,
Что он угробил великана,
Цель сэра – мишка и скрипач.
Итак, он с Ральфо мчится вскачь.

Когда пишу я «вскачь», аллюром
Каким, не знаю. К встрече с бурым
Несла их иноходь иль рысь.
Читатель, право, не ярись,
Не знаю я. Пусть рысью будет.
Народ гудит, рядит и судит
О том, как бой пойдёт, пока
Наш сэр наяривал конька.
Животные, согласно куче
Философов, вот так живучи,
Поскольку представляют ряд
Моторов. Весь их вид и лад
Механика без божьей искры,
Поэтому они так быстры.

Их перводвигатель нам дал
Для управленья. Кто сказал
Такое, мог бы аргументы
Привесть, что от пингвинов генту[57]
Британцы все произошли.
Они скакали, как могли,
Пока моторы их домчали
К арене, к полю при Фарсале[58].
Всё к битве шло. Наш сэр привстал
В седле, чтоб видеть весь овал
Его. Так карлик на гравюре
Стоит и смотрит, брови хмуря,
На великановых плечах,
И зрит, испытывая страх,
Яснее всё, чем тот. С коняги
Сэр видел и войска, и флаги,
Но недостаточно, чтоб знать
Число, с которым вышла рать.
Он Ральфо, кто был в битвах редко,
Велит скакать к ней на разведку,
Чтоб выяснить число и как
Вооружён для боя враг,
Чтоб соответствовать в сраженье
Ему в своём вооруженье.
Оружья оба вида он
Осматривает. Из ножон
Не достаёт меча покамест.
Плацдарм пред ним довольно ямист
Для верхового боя. Хмур,
Он терцероли[59] из кобур
Их вынимает. Пули в дулах.
Вспушилась борода на скулах,
Когда он попытался меч
Свой ржавый из ножон извлечь.
Ну, наконец, извлёк. Готово!
Он в стремени одном, по зову
Отваги в нём, привстал, как мог,

Держась за гриву. Тут восток
Был должен весь бы озариться
Кометой, что войны истица,
Ан нет. Вернулся Ральфо. Скор
Он был сгонять к врагу. Филёр
Из Ральфо был отличный. Фланги
И центр во вражеской фаланге
Он описал подробно, склер
Не пожалев. Встал фиделер[60]
Там во главе. И фиделера
Того все звали Краудеро[61].
На бой труба иль барабан
Обычно кличут. С глаз дурман
Слетает сразу. Звук их зычен,
Как гром, что, говорят, затычин
В бочонках пива не щадит,
Те вылетают вмиг. Гоплит[62]
Наш нынешний под барабанный
Бой в битву прёт походкой бранной.
Свою скрипицу тот подпёр
Щекою левой к шее. Вздор,
Конечно, но палач в том месте
Петлю накидывает. Вести
Принёс такие Ральфо. В шок
Его повергли из кишок
Овечьих струны, что тот ухом
Своим касался. Ратным духом
Так веяло от скрипача,
Что запыхался Раф, скача.
Кишки, когда они сырые,
Идут на колбасу. Но вые
Его сушёные как раз
Все были. Ноги сами в пляс
Пускались. Слыл он менестрелем,
Каких уж нет. Чудным изделье
Был и смычок: из бороды
Такой же длинной, как ряды

Торговые, скрипач волосьев
Надёргал для него, отбросив
Обычай мастерить смычки
Из конского хвоста. Таки
Он виртуозом был. С ним рядом,
С хвостом и бородой, со взглядом
Довольно диким, впал в азарт
Хирон, четырёхлапый бард.

Обряд такой был в Стаффордшире
При Ричарде II: кто в мире
Прославится как менестрель,
Давать быка. Вернее – цель
Бык выбирал. (Так конь в державе
Персидской ржал пред тем, кто вправе
Потом был трон занять). Обряд
Сей выжил до сейчас. Солдат
Скрипицы должен был короной
Венчаться, но толпой влюблённой
Повергнутый, сломал, упав,
В колене ногу. Костоправ
Помочь не смог. И путь свой тяжкий
Земной дубовой деревяшкой
С тех пор он мерит, ей стуча.

Вторым, ну после скрипача,
Шёл Орсин. Был он знаменитым
На войнах и ни разу битым.
Великий лидер, он теперь
Заведовал медведем. Зверь
Был чемпионом. Орсин споро
Тряс головою шестопёра,
Суров лицом, словно Перу
Вице-король. Его нутру
Привычны были и атака,
И отступленье. Ждал лишь знака
Его медведь, чтоб размотать

Всю цепь иль на́ две лапы встать.
Юристы, будь медведь ответчик,
А псы истцами, мёда глечик[63]
Ему бы дали, а потом
«Ату» вскричали б всем гуртом.
Как Ромул вскормлен был волчицей,
Так Орсин медведихой. Вице-
Король толпы всосал и нрав
Медвежий нападать стремглав,
И отступать, круша всё. Движим
Он дисциплиной был, Парижем
Воспитанной. Здесь ни при чём
Столица Франции. Мечом
Владел он с лагеря, что звали
Парижем. Раньше там давали
Медвежьи травли, а с войной
Он стал ристаньем с сатаной.
Париж был изначально садом,
Но сорняками в нём и рядом
Произросли солдаты. Их
Не выполоть, пустив на жмых
Для лошадей. У Боккалини[64]
Описано, как Феб из сини
Сулил награду за патент,
Что выдумал бы инструмент
Для избавленья от осота.
Такой нашёлся. Древний кто-то
Его уже придумал. Взрыв
Уничтожал сорняк, но жив
Цветок при этом был садовый.
Феб рёк: «Увы, друзья, такого
Не может быть». «Что значит „нет“?! —
Вскричали принцы. – Вы сам свет,
Вам всё легко!» Сказал Аполло
На это: «Барабаны долу
Пусть бьют – исчезнут сорняки».
Добавив: «Звук мне не с руки,

Он слишком громкий». Принцы взяли
С собою барабан и в дали
Английские попёрлись, чтоб
Патент продать. Какой-то жлоб —
Клерк, парл., пал. общин – вывел лихо
На нём. Хоть удалась шумиха —
Бил очень громко барабан, —
В саду лишь пуще рос бурьян.
Вернёмся к Орсину. Обычно
Писатели поры античной
Таких изображали как
Всепобеждающих вояк.
Историки б его назвали
Вождём и воином, детали
При этом опустив. Он был
Высокородным: сын светил
Небесных или кто-то вроде
Того. Хранится миф в народе,
Что полубоги знать имён
Отцов не могут. Так Ион
Не знал, что был он сыном Феба[65].
Обычно те приходят с неба
В окно, как Зевс, и матерей
Творят из жён, кто всех милей,
А сыновья идут в герои.
Гомер их высмеял у Трои.
У Орсина же в предках был
Наверняка арктософил[66].
И имени его значенье
Такое подтверждает мненье[67].
Он сведущ был в лекарствах. Так
Носил кисет он, что набряк
Волшебным порошком. Тот раны
Подобьем матовой мембраны
Затягивал, так говорят.
Кто медикус был, мы навряд
Узнаем. Я надеюсь, чтó он

Не шарлатан. Кристаллизован,
Мол, порошок был, дома вне,
На прометеевом огне
И прочая. Мы все слыхали
Такое от заезжей швали,
Что вам всучит дерьмо с мочой
По плате самой небольшой.
Ещё порой они слюною
Торгуют, что своей льняною
Прохладой воспаленье от
Фекалий прежних перебьёт.
Короче, Орсиново зелье
Целило всё, что те сумели
Попортить. Орсин был умён
И знающ. В этом точно он
Превосходил других. Гомером
Врачи воспеты. Ихним сферам
В подмётки не идут те, кто
Скопленье мышц. Я б отдал сто
Бойцов за эскулапа. Впрочем,
В пылу был Орсин наш охочим
До жизней недругов и брал
Их множество, от крови ал.

С ним рядом Бруин. Зубы скаля,
Он словно улыбался. А-ля
Какой-то смуглый сарацин
Он выглядел. Такой один
Он среди всех. В носу, как будто
Раджа, носил кольцо он. Тута
Черней он был, местами сер.
Не пёс, а носчик *de la guerre*[68].
У горла он двойным горжетом
Был укреплён, точнее в этом
Ранимом месте мех был густ
Особенно. Как златоуст
Сказал бы, он вооружённым

Был до зубов. Клыкам хвалёным
Его поэт бы отдал дань.
Клыки идущему на брань
Взамен меча, хотя в дни мира
Лишь средство кости грызть. Задира
Он был, по слухам – московит,
Хоть буен, но и мозговит.
Казаки, де, его взрастили,
О коих мы в газетном мыле
Читаем что ни день, а там,
В России, кружат по степям.
У Бруина был брат, германец,
С ним не один те брали шанец,
Кормясь отбросами. Когда
Не стало их, пришла беда:
Германец когти сгрыз до мяса.
Его сородич, гунн, припасы
Свои хранил под чепраком
И задницею грел. В таком
Он виде ел их. Но героя
Сказанья моего сырое
Мясцо устраивало, коль
Такое попадалось. Воль
Он навидался в разных странах.
Леблан, француз, оставил данных
Об оных множество, жену
Аж в Индии найдя. Войну
Наш Бруин лучше знал Леблана,
Напутешествовавшись рьяно.
Мой Орсин и Талгол всегда
Сражались, не разлей вода
Друг с другом были: пас медведя
Один; другой, о славе бредя,
Гражданский получить венок
Мечтал за то, что друга смог
Спасти[69], а так он был кинолог,
Наставник псов. Обоих долог

Был к славе путь. За пуритан
От сябров натерпелись ран
Они премного. От бурёнок
Талгол особенно, был звонок
Собачий лай, когда готов
Он был крушить их меж рогов.

Талгол хоть бился часто, чаще
Он побеждал, чем бился, аще,
Как олимпийский чемпион,
Натёрт льняным был маслом он.
И всё же много вдов оставил
Он на земле. Военных правил
Не нарушал он, кабанов
Травя. Особенно суров
Он был с коровами, пугая
Их кулаками. Дублем Гая
Его народ считал. Убил
Гай из Уорвика, кто сил
Имел во множестве, корову
Буланую, поддавшись зову
Народа[70]. С войском наш боец
Сражался блеющих овец,
Вроде Аякса с Дон Кихотом[71].
Мух над говядами, на вотум
Доверия от мясников
Ссылаясь, бил он, как врагов.
Он был бы повстречать в восторге
Дракона, как Святой Георгий.
Ни мор, ни доктора́ числа
Такого, как Талгол, хоть зла
Он не творил, в ад не сослали.
Он полубогом был, в серале
Зачатым олимпийском, чтоб
Героем стать. Он бил то в лоб
Врага, то в пах. Познали тыщи
Его кувалды-кулачища.

Как Цезарь и Помпей, он брал
Количеством. Из них справлял
Триумфы каждый, людям лица
На двухколёсной колеснице
Показывая. А Талгол
Был скромен, хоть в бой многих вёл.

Итак, теперь черёд Магнано.
Он воин был великий, рано
Познавший славу. Бился он
И с Орсином, но тот сражён,
Как остальные, не был. Вепрем
Он слыл во пре, что свой лишь дебрям.
Аякса семислойный щит
Держал он, что легко крушит
В сраженье все щиты другие,
Как будто мощью из куги и
Соломы те. Его кулак
Медь пробивал и гнул, как злак.
В оккультных сведущ он науках,
Как Роджер Бэкон[72], в тяжких муках
Создавший медную башку,
Что знала всё. Я нареку
Его здесь Мерлином. Он магий
Друг, как и тот, хоть крут в отваге.
Он знал всё про небесный свод
И ничего про жизнь, забот
Исполненную. Цвет различный
Он принимал и свекловичный
Любил особенно. Святым
Прикинуться мог. Зря мы льстим
Себе, что личность постоянна.
Как дьявол, лик менял Магнано.
Он автором был всех машин
Убийства. Пушка, карабин
И бландербасс[73] – изобретенья
Его. Страну всю взбутетеня,

Он изобрёл доол[74], с концов
Обоих громкий. Медник шов
На олове с его подачи
Паяет, блюда все портача.
Он здесь вооружён копьём
И пикой. Мы второю бьём,
А первое бросаем. В войске
Он стал своим, дерясь геройски,
Когда же драпало оно,
Он вбит был в землю, как бревно.

Любил он Труллу. Той прикрасы
Сияли посильней кирасы.
Ей был известен произвол,
Как Жанне д'Арк и нашей Молл[75].
Она прошла с Магнано трубы
Все медные. Такой голубы,
В несчастьях верной, свет не знал.
Она, короче, идеал
Собой являла. Если дело
В осаде было, то терпела
Она все трудности и в брешь
Стремилась первой. Если флешь[76]
Магнано брал, она с ним рядом
Сражалась. В общем, всем отрядом
Командовала вместе с ним.
Об амазонках мы вершим
Свой вывод по Пентесилее[77].
Так вот она сражалась злее.
Я знаю, критики вскричат:
«Какой позор!» С голов до пят
Быть женщины должны примером
Домашности, а их манерам
Противоречит меч. Знал Рим,
Мол, много разных дам, но им
Всем воспрещалось Геркулесом,
Коль надо, клясться[78]. Страшным весом

Лежит сей предрассудок на
Английских дамах. Ни одна
Не станет биться против турок.
Сидеть на спинах их каурок
Ногами в сторону одну
Их научили. На кону
Когда стояла жизнь, скакали
Они, как все[79]. Для тонких талий
Меч упражненье лучше всех.
Армиду вспомните, не грех
Напомнить и про Фалестриду[80]
Иль Родалинду, кто сильфиду
Являла, захотев возлечь
С героем Гондибертом. Меч
Всегда при ней был. Тот же верен
Остался Бирте, бич царевен[81].
Там сэр Уильям написал
Ещё, что никакой вассал
Не может править без вниманья
К поэзии. Снять одеянья
С природы можно и нагой
Её оставить, но герой
К поэзии обычно нуле-
Вым всё ж горит пристрастьем. К Трулле
Вернёмся. Вам придётся всем
Принять на веру то, что вем,
Поскольку верят без изъятья
Все вракам, если те в печати.
А если нет, мои слова
Жизнь подтвердит, она права.

Шёл следующим Цердон бравый,
Себя покрывший бранной славой.
Великий Цердон, так народ
В балладах Цердона зовёт,
Как Геркулес, всегда вступался
За слабых он. Коль обувь с галса

Сбивалась, он её чинил
Набойками, что было сил.
Начитан мало, он баллады
Те игнорировал, и смлада
Носил с собой сапожный нож,
Что пробивал щиты из кож.
Он в этом равен был Аяксу,
Хоть чтил и шило он, и ваксу.
Его далёкий предок был
Под Троей, и немало шил
Его ступилось с той осады.
Победам греки были рады,
Но больше обуви, когда
Она, словно кремень, тверда.
Когда сапожник был в ударе,
То мог чинить крыла таларий[82].
Он, как его потомок, зван
Был сразу в лагерь пуритан,
Но обувь, что он правил, вскоре
Из моды вышла. Траекторий
Судьбы нельзя предугадать.
Тогда он записался в рать.
Он грамотным был, даже, вроде,
Был силен в устном переводе,
Но больше в проповедях. Те
Его тянули к высоте.
Он в диспутах всегда был первым,
Когда их не было, он нервам
Давал немного отдохнуть,
И кротче овна был, что в путь
На алтаре идёт последний.
Чужих не принимал он бредней
И мнение своё с ножом
Отстаивал, колясь ежом.

Последним Кóлон шёл, конюший
По должности. Изрядной тушей

Он обладал. Жесток с людьми
Он был и мягок с лошадьми.
Кентавром должен был родиться
Он в древности, свои копытца
Направив на порочный люд.
Он слит с конём был. Он свой кнут
Давно забросил. Конь любого
Движенья слушался и слова.
Но люди говорят, что тот
Ел человечину. Речёт
Народ наверняка пустое.
А если ел, что в том такое?
Плоть, как известно, лишь трава[83].
Мог Колон наш на счёт раз-два
Конюшни расчищать, как прежде
Сам Геркулес, что по одежде
Заметно было. Чрево он
Порвал, когда стремился вон.
Его родительница соли
Немало пролила и в стойле
Его вскормила, плюс коня.
Специалисты, оценя
Последнего, решили, чтó он
Так несусветно избалован,
Поскольку, как и Колон сам,
Pertinet[84] к голубым кровям,
А, значит, тёлки все и свиньи
Аналогичны с ним отныне,
Ведь звери, пока глины ком
Не стал Адамом, чернозём
Обжили первыми и знатью
Являются на нём как братья.

Все эти воины, кого
Я описал, стояли во
Главе своих соединений,
Готовы, если что, свой гений

Военный в битве применить.
Чернь тоже проявила прыть,
Туда сбежавшись отовсюду.
Перечислять её не буду,
Но много было там толпы.
За Геркулесовы столпы
Дошло известие о травле.
Все языки там были. Прав ли
Тот был, кто их семь тыщ нашёл?
Из городов, поместий, сёл
Они сошлись. Там люди Книги
Присутствовали, и религий
Не меньше ста. Пришли одни
Из любопытства, но брони
Не пожалели там другие.
Толпа, вытягивая выи,
Гудела, когда в гущу масс
С разгона въехал Гудибрас
Со сквайром и, сраженье чуя,
К ним обратил всем речь такую:

«Сограждане! Какой здесь гнев
Довлеет, раз вы, озверев,
Хотите крови? *Ойстрос*[85] некий
Владеет вами. В человеке
Сей френетический[86] угар
Непозволителен. Вы чар
Хлебнули чьих-то. На арене
Сей всё витают приведенья
Неотомщённые[87]. Вам бы
Его направить для борьбы,
А вы глядеть на кровь чужую
Здесь собрались, траву трамбуя.
Окститесь же! Святые не
Хотели бы, чтоб мы в резне
Гражданской вновь погрязли. Разве
Не бились мы, чтоб этой язве

Не воспалиться? Вы ж сейчас
Швыряете в былое нас.
Мы ссоримся порой и матом
Ругаемся, но коррелятам
Таким, как верх и низ, должны
Мы быть, сограждане, верны.
Вы Троицу, как и Писанье,
Срамите травлей. К лету сани
Никто не ладит. Лили кровь
За то мы, чтобы зла морковь
Такая, как король, на грядке
Не выросла опять. Зачатки
Её семян досель живут.
И *беар-бейтинг* общий труд
Наш устраняет. Пуритане
Все против сатанинской брани,
Что собрала вас на плато.
Шла Реформация за то,
Чтоб Бог с религиею были
Очищены от вредной пыли.
Неужто ваш огромный сход
К чертям её прогресс пошлёт?
Её святые наших сказок
Навроде свадебных подвязок
На шляпах все носили в миг,
Когда король как еретик
Арестовал шесть лордов[88]. Люди
Тогда орали, правосудья
Взыскуя, требуя убрать
Епископов. Притихла знать,
И виселицы возводили
Раз в месяц. Наш парламент в силе
Всё больше был. Желал реформ
Народ церковных. Новых норм
Лудильщики хотели, чтобы
Их чайники латать. От злобы
Ветеринары хрипли, но

Не чтобы холостить руно
Иль кошек, а чтоб перемены
Произошли скорей. Джентльмены
Ярились. Рыбница свой стенд
Закрыла устричный, на Стрэнд
Пришла и подняла там писк, чтоб
Скорей низложен был епископ.
Крыс изводители свои
Капканы бросили, бои
Ведя за то, чтоб все министры
Ушли в отставку быстро-быстро,
А мясники, сорвав с себя
Передники, шли в бой, рубя
Не туши, а доктрину. Кто-то
Дворцового переворота
Хотел заместо колбасы
Кровавой. Утерев носы,
Народ попёр в парламент, тыча
В глаза свой хлам. Своё величье
Все вспомнили вдруг, хлопоча
О чистой вере. Им моча
Ударила в мозги. Хотели
Без книг богослужебных щели
В религии они заткнуть.
И что теперь? Закончен путь,
Выходит? Всё напрасно было?
Чернь наша, значит, позабыла,
Как нужды армии своей
Поддерживала всем, верней
Последним? Как несла тарелки,
Горшки ночные и безделки
Любые для драгун? А для
Пехоты – риса бушеля,
И чтобы накупить мушкетов —
Всё до напёрстков и люнетов,
До ложек и булавок, чтоб
Их бросить в горн. Вещей потоп

Обрушился тогда, и зубы
Драконьи проросли. Вы губы
Свои поджали, а ведь он
Нас спас тогда. На миллион
Мы злата с серебром в горниле
Из ваших вкладов получили.
Пред этим золотым тельцом,
Словно евреи, нагишом
Поверглись ниц святые ваши.
А вы хотите, чтоб панаши
Слетели разом с наших шляп
Потехой этой! Цап-царап
Здесь будет дьявольский; за псами
С медведем мчась, вы только сами
Все покалечитесь. Притом,
Они ведь нечисты. Сором
Какой! Коль здесь в помине нету
Екклесиастов[89], чтобы к свету
Вас привести, готов я стать
Витией. Божья благодать
Не сходит просто так. Приманки
Нет для неё ни в виде ланки,
Ни в виде женщины. Слонов
Индусы начинают лов,
Пред ямой выставив слониху.
Но Бог – не слон. Эй, стойте тихо!
На всё есть Провиденье, вас
Оно всех зрит и в травли час,
И после. Противостоянье
Оно врагам. Коль вы ристанье
Начнёте это, вас оно
Покинет, церковь – заодно.
Вы ведь молились все ретиво
Ему. От этого прилива
Петиций ваших нам дало
Оно сломить в сраженьях зло.
Святые в кущах ликовали,

Что вы тому сказали *vale*[90].
Из-за медведя и собак
Готовы вы попасть впросак
Навеки? Даже в ад, быть может.
Пусть совесть вас за это сгложет.
Парламент наш за вами шёл
Стезёю городов и сёл,
Брал лошадей у вас, скакали
Драгуны на врага в запале,
Им было нечего терять,
Кроме подсудности. Печать
На всём была последней схватки.
Velis et remis[91] те лошадки
Стремились в бой. И кто посмел
Вершителей великих дел
Теперь отвергнуть, что стояли
За вас? Я, граждане, в печали,
Что вы швыряете в дерьмо
Тем Провидение само.
Неужто мы, кто на Завете
Клялись, и впрямь паскудства эти
Допустим, не деря власы?
Неужто вам медведь и псы
Важнее ваших душ спасенья?
Воспрянут роялисты, звенья
Все рухнут враз. *Videlicet*[92],
Загонит дьявол всех в клозет,
Чтоб там вам жить. Реформы наши
Все канут в мерзостной параше,
И станет церковь червяком
Ползучим, коль мы так ведём
Себя. Церковной дисциплины
Не будет больше, коль бесчинны
Вы так. Быть проклятым сперва,
Чтобы потом понять, что два
Плюс два четыре? Так хотите?
Вся Реформация на прыти

Стоит людской, и скоро сей
Задор дойдёт и до церквей
Всех заграничных[93]. Вы ж позором
Покрыли нашу. Этим спорам
Размножиться недолго. Вы
Тех предали, кто головы
Своей в гоненьях не склонили,
И на Писанье утвердили
Великое *et cetera*[94].
Французы ждут, когда пора
Придёт напасть. Вы с ними, что ли,
Объединились? Этой роли
Народ вам не простит. Потех
Медвежьих кровь есть страшный грех.
Безумье ваше для Бедлама,
А не для укрепленья храма.
Берусь я не позволить вам
Его порочить. Я не дам
Вам травлю здесь начать, и паки
Принять в междоусобной драке
Участье. Разойдитесь! Вас
Всех заклинает Гудибрас
Идти домой. Но я аресту
Подвергну скрипача, кто вместо
Того, чтоб веселить народ,
Его на тяжкий грех зовёт.
Друзей разлучник, он из скрипки
Лишь искры высекает. Липки
Его персты, на нотах тех
Застыв, что поощряют грех.
Его игра запретна. Актом
Таким он тщится, *dictum factum*[95],
Поднять восстанье. Кара ждёт
Его. Свой завершайте сход!
Коль подобру вы поздорову
Не разойдётесь, я вам слово
Даю, что силу применю!»

Сказав сие, наш сэр коню
Что-то шепнул и меч свой славный
Достал, чтоб показать, кто главный
На поле и что силу слов
Мечом он подтвердить готов.

Талгол, молчавший долго, больше
Не мог таить свой пламень. Голь же
Притихла. Он, почти рыча,
Вступился так за скрипача:
«Ты кто такой? Ты глист обычный
В кишках свиней, хоть голос зычный
Имеешь. Хвостик, что крючком
Растёт на корпусе реформ.
Как ты посмел махать оружьем
В собранье пред достойным мужем?
Твой конь костляв, с дыханья он
Совсем уж сбился за твой гон
Без мундштука и без поводьев.
Ты меч свой ветхий поднял против
Нас всех. Что, не боишься ты
Быть поколоченным? Круты
Характером простые люди.
Они все встретят словоблудье
Твоё дрекольем или крик
Такой поднимут, что твой лик
Осунется мгновенно. Звать их
Врагами церкви подло. В платьях
Они все чёрных, пуритан
Достойных. Не боишься, вран
Облезлый, что твой спич безумье
Усилит их? Ты ведь не в умме
Турецкой, где не ждать беды.
Святые суши и воды[96]
За них. Чего ты прячешь рыло
Своё за меч? Народа сила
Тебя сметёт. Зачем, бахвал,

Ты к нам на кляче прискакал?
Чтоб помешать их спорту, в коем
Дурного ничего? Запоем
Они читают твой Завет,
А там про травлю слова нет.
Они не собрались, чтоб, целя
Друг в друга, обрезать кошели,
Чтоб хрюшек воровать, гусей
И прочий скот, а лишь для сей
Потехи, но тебя, коль надо,
Они легко повяжут, гада,
Верёвками и запихнут
В какой-нибудь гнилой закут.
Они не пили эля даже,
Кустов не портили в пейзаже,
Но чучело твоё вот-вот
Народ опилками набьёт
И выставит на обозренье,
Как дьявола, кто сеет пренья
И разногласья. Комитет
Не заседал[97], чтоб свесть на нет
Их удовольствия. Святоши
Ни слова не сказали тоже
Против потехи. Лучше уж
Ползи отсюда, скользкий уж!
Ты не иначе как лазутчик
Их, недруг кобелей и сучек.
Не провоцируй нас, не то
Каменья полетят в манто
Твоё. Нам, здешним, не до смеху.
Коль ты останешься, потеху
Сорвав, то я за жизнь твою,
Наглец, полпенни не даю».

На это рыцарь, вздевши очи
И руки, принял что есть мочи
Тройной удар в живот, и тот

Слова такие выдал в свод:

«Не для того зовусь я сэром,
Чтобы сдаваться маловерам,
Особенно тому, кто здрав
Лишь для того, чтоб портить крав[98].
Ты весь раздулся от гордыни,
Подобно тухлой оленине,
Наверно, чтоб считали твой
Смрад мерзкий пищей ходовой.
Будь магом ты, владей ты средством
Одаривать всех малолетством,
Сединам вопреки, и то
Не сдался б я, пускай мне сто
Лет и не светит. Будь ты магом,
Естественною смертью, благом
Таким всех одаряя, ей
Гангрену лучше у свиней
Лечить, поскольку я и глазом
Не поведу. Владей ты разом
Ножом, клещами, топором,
Не вздрогну я и во втором
Единоборстве слажу, чтобы
Тебя судили. Меч особый
Держу я, он прошёл со мной
Весь путь, навязанный войной.
Ты разразился не словами,
А пуком смрадным. Это знамя
Всех много жрущих. Ты в живот
Меня ударил, чтоб народ
Поаплодировал отваге
Твоей, но было в этом шаге
Презренье к рыцарству, каким
Горжусь я много лет и зим.
Свои слова, источник смрада,
Сожрёшь ты, как своё говядо.
Перчатку я бросаю. Мой

Кинжал и так уж рвётся в бой.
Ещё такого не бывало,
Чтоб сдался я чьему-то жалу,
Чьим-то словам, что горше, чем
Полынь. От бед стал Иов нем,
Но он взбодрился бы при виде
Моём. Изыди, бес! Я гниде
Не дам себя поработить!»

Сказав так, рыцарь во всю прыть
Достал свой терцероль и в череп
Талгола ствол направил. Вере б
У всех такой же крепкой быть,
Как тот. Паллада совершить
Ему не разрешила щёлка:
Между кремнём его и полкой
Пороховой она свой щит
Простёрла. Тем он знаменит,
Что обладал эгидой. Сразу
Зael курок. Талгол эмфазу
Продемонстрировал, в удар
Дубины весь природный дар
Вложив, но сэр наш пистолетом
Прикрылся, как щитом, и в этом
Он преуспел, хоть терцероль
Был мал играть такую роль:
Он вывалился из ладони.
Но Гудибрас не сдался: конь и
Ездок слились в одно, свой меч
Он выхватил, успев извлечь
Его в ту самую минуту,
Когда Талгол обрушил люто
Дубину на́ голову и
Потом на спину. В забытьи
Тут оказался б каждый, только
Не Гудибрас. Держался стойко
Он и парировал мечом

Удары все. Параличом
Скрутило б сэра, будь он позже
Чуть извлечён. Он хвост, как вожжи,
Схватил и задом наперёд
Сражался. В ступоре народ
Глядел на схватку двух героев.
Талгол, усилия удвоив,
Старался выбить меч. Наш сэр
Являл и мастерства пример
Владенья им, и силы. Стали
Тут оба выдыхаться. Стали
Не может даже дуб сломить.
Народ гадал, кого им бить
Из них, кого вязать, не знали
Они, кто прав в своём накале.
Тут Гудибрас решил, что сил
Осталось мало, и вложил
В один удар всю мощь, которой
Он обладал. Талгол матёрый
Был воин и успел нырнуть
Под меч, иначе стали жуть
Его бы рассекла (вот стали
Приоритет) по вертикали.

Тут Колон, наблюдая бой
Издалека, решил судьбой
Рискнуть, придя на помощь другу.
Но Ральфо знал: придётся туго
Тогда хозяину, и с ним
Схлестнулся. Сталь опять с блажным
Схватилась дубом. Та – для крови,
А этот – синяков. Надбровья
Обоих сдвинулись. Удар
Один шёл за другим, как хмар,
Грозой беременных, сраженье.
Никто не ведал, чьё движенье
Другого свалит с ног. Но тут

Магнано, воин, но и плут,
Решил вмешаться, видя: дело
Не клеится. Он оголтело
Туда помчался, где росли
Чертополохи. Из земли
Один он вырвал, стебель этот
Был весь в шипах. Магнано метод
Был прост: стегнуть коня под зад
Чертополохом. Без преград
Он подобрался сзади к крупу
Кобылы Ральфо. Та лишь тупо
Стояла, вздрагивая чуть,
Когда рубил тот, целясь в грудь.
Ей от шипов чертополоха
Вдруг стало нестерпимо плохо:
Она заржала, на дыбы
Вдруг поднялась, и Раф, судьбы
Такой не ожидавший, мигом
Скатился из седла, интригам
Фортуны удивляясь. Бит
Он был к тому ж пинком копыт
Своей кобылы. Внемля звуку
Паденья, сэр нагнулся, руку
Подать чтоб Ральфо, но Талгол,
Который был ужасно зол
На всё, и увернувшись еле
От нового удара, в теле
Противника нашёл пяту
Ранимую. Схватив за ту,
Он поднял сэра Гудибраса
Легко над крупом, хотя масса
Его значительной была,
И шмякнуть уж хотел. Стекла
Подобье черепа иные,
Мозги он вышиб бы, но выю
Тут от подушки оторвал
Сам Марс и в этот интервал

Меж взмахом и шлепком об землю
Послал медведя. Мишка, внемля
Приказу бога, втёрся меж
Противников. Наш сэр медвежь-
Его посередине меха
Упал, как на тюфяк, доспеха,
Сказали б, даже не помяв.
Сервантес был, конечно, прав,
Когда на одеяле Санчо
Пружинил, милости не клянча[99].
Медведь гораздо больше был
Напуган этим, чей настил
Спас сэра нашего от смерти,
Чем Гудибрас. Он взвыл, поверьте,
Как сто людей, точнее рык
Его был страшен в этот миг.
С клыков своих ронял он пену,
Рыл землю, кувыркался, сцену
Являя паники, в какой
Он не был никогда, и вой
Поверг всех в ужас. Он паденье
Воспринял сэра как сведенье
К нулю всех правил боя. Век
Весь свой он знал, что человек
Есть друг, а недруги – собаки,
Кто никогда доселе в драке
Его не побеждали. Зверь
Растерян был. Допрежь потерь
Он шерсти не считал, коль висли
Все псы на нём. На коромысле
Болтаются так вёдра. Он
Ведь бился для людей, а звон
Оружья их погнал медведя
Прочь от столба. Аз, буки, веди
Его смешались, сэр когда
Свалился с неба, как гряда
Гор, тяжеленный. Так он яро

Крутился на цепи, что тара
Её ослабла, из ноздрей
Кольцо вдруг выдернулось. Ей
Не ограниченный в движеньях,
Он ринулся бежать. В броженьях
Толпы вдруг хаос начался,
Она аж задохнулась вся,
Когда помчался бедный мишка
В людскую гущу. Хоть умишко
Его и невелик, одних
Он сбил, кому-то дал под дых,
Но никого не покалечил.
Он сэра избегал, перечил
Тот всем его повадкам. В бег
Он бросился, раз человек
Предстал в таком ужасном свете,
И скрылся, обломав поветья.

Остался Краудеро лишь
На поле. Воцарилась тишь,
Все убрались. Бежать он тоже
Хотел, но подломилось ложе
У деревяшки, где культя
Покоилась. Он пал, пыхтя,
На землю, обмочившись даже
При этом. Он в ажиотаже
Всеобщем крах обрёл. Протез
Держал в руке он. Был он без
Ноги воинственным, как с нею.
Готов отпор он дать злодею
Протезом был своим, коль тот
На Краудеро нападёт.
Он мог бы встать на деревяшку
И прочь уйти, но сэр так тяжко
Его поранил душу, что
Решил он драться, как все сто
Бойцов и псов, хоть был медвежьей

Потехи он здесь главным вежей
И скрипку долго приучал
Звучать так, чтобы зверь урчал.

Но Ральфо, кто в паденье сильно
Ушибся, стороною тыльной
Ладоней от копыт лицо
Своё прикрыл, заподлицо
С землёй. Теперь он встал на ноги
И поле обозрел в тревоге,
Нет ли на нём бойцов. Узрел
Он Краудеро, кто был смел
Настолько, чтобы в одиночку
Оборонять себя и дочку
Свою, скрипицу. Впал он в гнев
И к сэру подбежал, кто, сев
На землю, синяки на теле
Подсчитывал и на пределе
Держался. Череп целым был,
Хоть враг его почти разбил.
Полз Краудеро и на темя
Протез нацелил. В это время
Раф подбежал, и весь удар
Пришёлся в руку Рафа. Жар
Не лижет так в печи поленья,
Как тот озлился. Всею жменью
Он врезал скрипачу, и тот
Протез свой выронил. Идёт
В сравненье лишь удар перчатки
Железной. Раф, почти в припадке
Безумья, навалился на
Вторую ногу и сполна
Готов был отомстить бедняге,
Но отошёл, как после браги
Похмелье ощутив, и так
Ему сказал: «Какой дурак
Попрётся против нас? Мы с сэром

Противовес всем ложным верам —
Таким, как музыка твоя.
Мутил народ ты, звук лия,
Не понимая ни в политик
Раскладе, ни в народе. Нытик
Ты, фиделер, протез сломав.
Но Гудибрас и верный Раф
Дубин в бою не пощадили.
Неужто думал ты, что или
Падём мы, иль отступим? Нет!
Ты будешь брошен в карцер, свет
Дневной забыв, или прикован
К столбу для порки. Арестован
Ты, Краудеро!» Так сказав,
Вернулся к Гудибрасу Раф
И поднял сэра с кочки. Бравый
Наш рыцарь был контужен, в правой
Руке сжимая меч. Стоял,
Шатаясь, он. Раф зá нос взял
Хозяина и трижды ловко
Его подёргал. Обстановка
Чуть разрядилась: сэр вздохнул
Вдруг глубоко. Хоть был он снул,
Как рыба, всё он слышал внятно.
Возрадовался Ральфо, пятна
Счищая крови носовой
С дублета своего. С такой
Он к сэру обратился речью:
«Вы победили, сэр! Отмечу
Тот факт, что разбежались все
Иль смылись прочь на колесе,
За исключеньем Краудеро,
Из-за которого чуть вера
Не пострадала наша. Он
Лежит вон там. Велит закон
Карать бунты́. Решайте сами,
Что делать с ним. К позорной яме

Приговорить его в земле
Или к болтанию в петле.
Мигните глазом, если трудно
Вам говорить, куда мне трутня
Тащить: на виселицу иль
В тюрьму. Сломал он свой костыль,
То бишь протез. Его скрипица
Не будет более резвиться,
Поскольку вам принадлежит
Отныне. Жалкий реквизит,
Но всё ж трофей. Как диссентéры
Считают, он котла из серы
Достоин, а земли клочок
Отобран должен быть[100]. Смычок —
За скрипкой вслед. Святые право
Имеют только на забаву
С собаками и лошадьми,
Со шлюхами и с нотой «ми»
Иль «фа»; все скрипачи на свете
Играть для них должны, все сети
Для них ловить, все яса[101] им
Лишь подноситься. Коль храним
Кто Провиденьем, то имеет
Он всё. Мой левый бок немеет,
Но мысль я всё же доскажу.
Вы покоритель, и ежу
Понятно, что теперь все земли
В округе ваши, и не тем ли
Лорд должен озабочен быть,
Чтоб арендатор стал любить
Его превыше всех, поскольку
Даёт тому он счастья дольку?»

Услышав это, Гудибрас
Приободрился. Сил запас
К нему вернулся. Поле взором
Окинул он, бил на котором

Врага, и убедившись, что
Толпы нет больше на плато,
Остановил его на теле,
Лежащем навзничь. Мы уж зрели
Его: то Краудеро был.
Вскипел тут в сэре прежний пыл,
Решил он: должен расплатиться
За всё тот, что его десница
Не довела здесь до конца.
Но Ральфо, цвет узрев лица
Хозяина, промолвил здраво:
«Великий сэр! Сия расправа
Подходит больше палачу,
Чем рыцарю. Вам по плечу
Дела огромные, не надо
Себя вам пачкать кровью гада,
Ломать скрипицу тоже не
Достойно рыцаря в броне,
То бишь в дублете. То, что в шалом
Бою свершили вы, на малом
Сём вам негоже повторять,
Теперь земля ему кровать.
Ужели меч вы свой, что шибко
Рубил, употребите, скрипку
Чтоб раздраконить вместе с тем,
Кто здесь лежит, безног и нем?
Я сам сражался, не балясы
Точил, во имя Гудибраса,
Поскольку полководцу щит
И меч врага принадлежит,
А не солдату. Краудеро
И так уж скрипача карьеру
Закончил, надо пощадить
Его. Не враг он вам, а сныть
Ничтожная. Дрожит и так он
Пред вашей силой, не оплакан
Никем, а он ведь труп почти.

Негоже рыцарю идти
Природы против. Все на то мы
Из плоти, а не из соломы,
Чтобы щадить другую плоть,
Что вас не может побороть.
Он близок к смерти. Вам не стоит
Беднягу добивать, чтоб поед
Испытывать душевный. Пусть
Его прикончат стыд и грусть.
Ведь доблесть в чём? Лишь равных силой
Спознать с безвременной могилой.
Убить калеку вряд ли даст
Вам к прежней славе новый пласт.
Вас рыцарем назвали, ибо
Вы доблестью, сэр, без прогиба
Блистали, так ведь? Лучше в плен
Взять фиделера вам взамен
Его без выгод умерщвленья.
Суд вынесет пускай решенье,
Как поступить с ним. Если он
Придёт на суд, отягощён
Гордыней, то жизнь фиделера
Ждёт высшая, наверно, мера,
А если судьям борода
Вдруг не понравится, тогда
Он обречён определённо.
Найдётся и статья закона.
Хотя гарантий не могу
Я дать, что вашему врагу
Петлю пропишут. Может статься,
Что суд освободит паяца.
Поэтому, коль вправду вы
Его хотите головы,
Берите! Поступали часто
Так победители. Контраста
Вас с величайшими из них
Я не хочу, сэр. Гнева вспых

Имеет право на расправу.
Коль посудить об этом здраво,
Все обещания – ярмо,
Которое трещит само,
Словно верёвки на Самсоне.
Про милосердие в законе
Войны молчок. Оно лежит
На личной совести. Кто бит,
Тот либо умереть обязан,
Либо помилован. Не связан
Ваш враг, но обездвижен. Сэр,
Вам знать, чем кончит фиделер».

От Ральфо бархатного гласа
Остыло сердце Гудибраса,
Ниспала гневная рука.
Велев связать бунтовщика,
Он дал приказ протез на место
Тому поставить. Как подеста
Британский, сэр лишь клятву взял
Со скрипача держать запал
Свой при себе, не прибегая
К оружью для возврата края.

Был очень рад такому Раф.
Протез приладив и связав
Того, он дал конец верёвки
Хозяину, чтоб в упаковке
Такой вести в триумфе вдоль
Округи пленника. Юдоль,
Долина то есть, разбросала
Коней. Их Раф поймал у вала,
Её делившего. Взвалил
Он скрипку и футляр, что был
Ей домом, на плечо, как будто
Пернач. Поехали. Сэр бунта
Зачинщика вёл сзади. Шаг

Коня был мерен. Бывший враг
Напоминал, глаза топыря,
Чёлн завалящий на буксире,
Что супротив теченья плыл.
Так прибыли они, без сил
Все трое, в городишко. Вымер,
Казалось, тот. Вдали, как кливер,
Маячил замок[102], а точней
Строенье не из кирпичей,
А сплошь из дерева. Лишь ступ нам
Тут не хватает. Неприступным
Он сделан ведьмами был лет
Так сто назад. Других примет
В нём нет: ворот, к примеру, или
Бойниц с решётками. Бастильи
Он родственник при этом. В нём
Держали узников, причём
Низка была так крыша зданья,
Что встать под ней нельзя. Пейзане
И горожане, кто туда
Вдруг попадали, без труда
Могли лежать. Колдуньи кругом
Магическим, под стать яругам
Окрестным, обвели его.
Короче, это волшебство
Коснулось и столба позора,
Что во дворе был. Руки споро
К нему приковывали, чтоб
Всех провинившихся особ
Потом пороть. Был шпиль на крыше
И башенка. Наш рыцарь рыжий
Приказ дал Ральфо привязать
К нему скрипицу, чтоб видать
Трофей всем горожанам было.
Он это сделал. После в виллу
Сию, то есть в тюрьму, он ввёл
И скрипача. Скрипучий пол

Того привёл в испуг. Он ликом
Отшельника, на мёде диком
Живущего, напоминал.
Помиловать лишь трибунал
Его отныне мог. Не буду
Рассказывать, какому чуду
Свершиться дóлжно было, чтоб
Он в заточенье не усоп.
Об этом в следующей песни.
Остались ведь друзья, чудесней
Иных волшебств. Что ж до суда,
Он ведь карает иногда
Совсем невинных, давши волю
Злым. Я закончить здесь изволю.

Песнь третья

Краткое содержание:
Вернётся чернь и замок наш
Осадит. Сэр познает раж
И будет биться. Краудеро
Освободит толпа, а сэра
Посадит вместо скрипача,
Его смирению уча.
Вот это да! Порой железо
Холодное жжёт жутко безо
Всех хитростей нагрева. Наш
Герой влез в сущий ералаш.
Фортуна ведь, казалось, шибкой
Его поздравила улыбкой,
Но после подложила вдруг
Подлянку хуже адских мук.
Все знают ведь сию балладу:
«Что если день успеха – чадо
Мучений будущих?..»[103] Герой
Уверен был, что вражий строй
Рассеял весь, но не учёл он,
Что грозен люд и мести полон.
Он думал, что военный пыл
Ему «добро» церквей купил,
Что подвиги его парламент
В своих газетах всех обрамит
Печатной рюшей, – не учтя,
Что для Фортуны он дитя,
С которым надобно резвиться.
Он обнаружил вдруг, что лица
Враждебные стянулись вмиг
К узилищу, куда проник
Он полчаса тому в надежде
Мир сделать не таким, как прежде.

Чернь вправду разбежалась, чуть
Медведь с цепи сорвался. Жуть
Её объяла, но собаки
Надрать ему мечтали баки.
Так пуритане норовят
Диссéнтеров гнать, всякий рад
Попить их кровушки. Увидя
Медведя мчащимся в обиде
На человечество, они
Вслед погнались. Такой возни
Меж псов давно не наблюдалось.
Они хотели крови. Жалость
Не свойственна собакам. Враг
Их, мишка, ждал любых атак,
Но не таких совместных. Впрочем,
Он был готов чернорабочим,
Псам то бишь, выволочку дать.
Остановился он, дышать
Продолжив шумно, и ударом
Смёл первых псов, что шли по парам.
За то, что преградили путь
Они ему, хотел он пнуть
Ещё двоих, но коридора
Для бегства мишку эта свора
Лишила, и решил медведь
Уж лучше с честью умереть,
Чем сдаться. Поднялся на лапы
Он задние, свой рык и храпы
Смешав в одно, и поджидать
Атаки стал, но те, лишь стать
Его завидев, временили
С ней, лая громко. В сём эндшпиле
Лазейку он нашёл и сам
Метнулся вдруг навстречу псам.
Но может чтó один отважный
Поделать с сотней? Рык протяжный

Издав, он тотчас окружён
Был псами. Пёрся на рожон
Медведь, но что, я повторяю,
Один напротив целой стаи?
Обстали псы его, спина
Его была обнажена
Для тех, кто подбирались сзади.
Он вновь на лапы встал. В раскладе
Таком одно лишь средство есть
Не потерять в сраженье шерсть —
Это давить их ростом. Дюже
Огромным был медведь. Оружье
Его клыки и рост. Собак
Он этим напугал. Что враг
Такой величины, не знали
Они, когда гнались в начале.
Но ужас свой перемогли
И бросились. Медведь земли
Коснулся четырьмя и плюхи
Им раздавал. Звенело в ухе
У псов, но на́ спину его
Они повергли, торжество
Испытывая. Оставалась
До полной их победы малость.
И в положении таком
Зверь отбивался. Был он хром
Уже, и всем Уиддригтона
Напомнил бы во время оно[104],
Будь кто-то рядом из людей.

Он бы погиб, не подоспей
Тут Трулла с Цердоном. Камилле
Вергилия подобна, в силе
Она была летать быстрей
Парфянских стрел по злакам[105]. Ей,
Видать, знакомы были мази
Колдуний, чтоб парить в экстазе.

Она узрела битву псов
С медведем издали и зов
На помощь зверя услыхала.
Был Цердон рядом. В два дыхала
Они помчались. Я не мог
Оставить зверя без подмог
На поле умирать, отсюда
И Трулла, и спасенья чудо.

Сказал так Цердон: «Я б отдал
И руку, чтоб от вышибал-
Собак спасти медведя. Надо
Спешить нам, а не то бригада
Их – косолапого сожрёт.
Бежим!» Они успели. Взвод
Собак, узрев оружье, коим
Махала Трулла, с диким воем
Пустился наутёк. Скуля,
Остались лишь два кобеля,
Но и они отстали скоро
От мишки: Трулла шестопёра
Пустила в ход металл; за хвост
Их Цердон оттащил. Был прост,
Как видите, разгона метод.
Медведь едва дышал. Хоть этот
Манёвр его и спас, он хил
От ран был. Хоть крещён Ахилл
Был в водах Стикса, он пятою
Нехристианскою средь боя
Был слаб. И нехристь наш, медведь,
Хоть шерсть на нём густа, слабеть
Заметно начал: псы отгрызли
Ему пол-уха. Был наш гризли
В крови. Так, ухо потеряв,
Эрцгерцог, хоть был в битве брав,
Стыдился этого до смерти[106].
Юристы так, кто слишком сети

Свои раскидывают, чтоб
Ловилась рыбка, часто – хоп! —
Лишаются ушей, как те, кто
Строчат лишь пасквили[107]. Их секта
Безуха, как и мишка наш.
В нос зверю, пока тот типаж
Являл собой иссякшей силы,
Кольцо обратно прикрепила
С длиннющей цепью Трулла и
Его свела, всего в крови,
На травку под древесной сенью.
Поэты любят наслажденья
Описывать на ложе трав
С кустами роз. Медведь, устав
От битвы, *urbi* ждал *et orbi*[108]
От струн, натянутых в теорбе[109],
Что там прислонена к кусту
Была. Он песен красоту
Любил, а до-ре-ми-фа-соли
В нём притупляли чувство боли.

Куда же Орсин, спросят нас,
Девался? Когда Марса глас
Позвал медведя, он далёко
Стоял. Медвежьего утёка
Не видел он сперва. Потом
За ним погнался, но гуртом
Толпы был сбит. Вскочив, медведя
Догнать не смог. Он клял свой медью
Обитый шестопёр и люд,
Что лишь на вид так смел и крут,
А на поверку трус. Разбилось
На части сердце. Когда Гилас
Исчез, так плакал Геркулес[110].
Хотя медведь и не исчез
Совсем, был Орсин безутешен:
Рвал волосы, кричал, что грешен

Теперь навеки он. И стон
Его был эхом повторён
По всей округе многократно.
Поэты рифмы так творят, но
Бездарны в большинстве они.
Какую рифму ни вверни,
Она подобна будет эху.
По мишкиному плачась меху,
Он повторял: «Медведь, медведь…»
А эхо отвечало: «Ведь».
Он причитал: «Куда пропал ты?»
А эхо отвечало: «Балты».
Он говорил: «При чём здесь те,
Кто покорил нас в темноте
Веков? При чём тут даны, эхо?»
И эхо отвечало: «Эко!»
Он продолжал: «Народ труслив»,
А эхо отвечало: «Слив».
Наш Орсин раздражался очень
На эхо, бегством озабочен
Медведя, и стонал: «Зачем
Умчался ты? Ведь твой ярем
Отнюдь не тяжек. Я твой верный
Товарищ, а не враг, кто скверной
Пропах геенской. Претерпел
Я за тебя десятки стрел
Дразнилок. Где ты, друг мой ситный?
Паду ничком я с челобитной
Творцу, чтоб Он тебя вернул.
Тебя людской доселе гул
Ни разу не пугал, братишка».
И эхо отвечало: «Ишь-ка!»
Короче, горе в нём в момент
Вскипело злостью. Инцидент,
Достойный плача, обернулся
Страшнейшим гневом. Ритмом пульса
Он изумил бы докторов.

Теперь он люду мстить готов
За недогляд был мишки. Также
Убить хотел он в диком раже
Того, кто на него упал.
В запале, а его запал
Велик был, он пустился снова
На поиски. Медведь – основа
Их, но на месте был втором
Наш Гудибрас. Его хорьком
Зарыть он в землю обещался.
Корабль его чуть сбился с галса,
Когда он рыцаря искал
В округе. Не сулил оскал
Его добра совсем. Но тут он
На группку налетел, маршрутом
Своим бредущую, чьих зол
Хлебнул наш Гудибрас. Талгол
Был в ней с Магнано, также Колон
И Цердон. Страшным гневом полон,
Так Орсин обратился к ним:

«Ношусь я вихрем грозовым,
А вы бредёте преспокойно.
Ищу я Гудибраса, война,
Который в битве посрамил
Дубины ваши. Где ваш пыл?
Он и его помощник Ральфо
Уйдут, коль мы не снимем скальпа
С них за позор. Свою башку
Сложу я, но их извлеку
Из-под земли. Медведь мой бурый
Рискнул в бою густою шкурой,
А вы дрожите за свои.
И жив ли он? Из всей семьи
Один я у него. Я папы
Не больше знаю, косолапый
Мой цел иль нет. Лишь Гудибрас

В том виноват. Всех метастаз
Он хуже. Будь он дьявол, скрыто
Орудующий, за копыто
Его я вырву из тех мест,
Где он сидит. Даю вам крест!»

Тут Цердон так ответил: «Бравый
Наш Орсин, все мы бранной славой
Гордимся, и пойдём с тобой,
Куда ты скажешь. Вперебой
Мы рвёмся в битву. Шелудивый
Пёс этот Гудибрас, с наживой
Ушедший с поля. Шкуру снять
С него хочу я, перемать!
А также с псевдо-голиафа
Его, оруженосца Рафа.
Медведь в порядке, бился он
Со псами, сильно повреждён
Мех у него, и нету уха.
Не бойся, Орсин. Всё, спокуха!
Он жив! Мы с Труллой отвели
Его в тот уголок земли,
Где всё английским дышит раем.
Он отдыхает, овеваем
Прохладным ветерком, она
Ему поёт. На грани сна
Он был, когда я их оставил.
Псы все дрались без прежних правил,
Чуть не задрав беднягу. Мы
Турнули их, исчадий тьмы».

Тут впятером все порешили
Объединиться, чтоб по силе
Не уступать врагу. Искать
Пошли тогда всех наших пять
Героев главного героя
Поэмы. Я пока в покое

Оставлю их. Как Гудибрас,
Важней мне во сто крат сейчас.
Покинули мы с вами сэра,
Когда в темницу Краудеро
Сажал он. Лавры ни одни
Не зеленели так. Кивни,
Читатель! Правда ведь, достоин
Их был наш пуританский воин?
Так, в мысленном венке, чуть-чуть
Решил наш рыцарь отдохнуть
И внутрь вошёл. Что ж, обозначим
Ещё раз: можно там лежачим
Лишь было находиться. Враз
Прилёг наш храбрый Гудибрас
И с помощью целебной мази,
Втираемой им в безобразье
Покрывших тело синяков
Оттенков разных и цветов,
Расслабился. Её герою
Дала смотрея[111], что порою
Его лечила, если стал
В бою полученный фингал
В четверть лица совсем павлином.

Герою не спалось. Картинам
Сраженья шло наперекор
Лицо вдовы, кто с неких пор
Была той раной, кою лону
Наносят стрелы Купидона.
Любовью он горел такой,
Что жар по телу тёк рекой:
Стрела та аж до половины
Вошла пониже чуть грудины.
Отвергла гордая вдова
Ухаживанья и слова
Любви. Но страсти жар был жуток,
Переместившись весь в желудок,

То есть в живот, в который, зов
Унять чтоб, яйца муравьёв
Он пичкал сотнями[112] и, кстати,
Едва не умер в результате.
Короче, мучился так он,
Что даже сам Пиг-ма-ли-он —
Диктую по слогам я – в камень
Влюбившись, знал навряд ли пламень,
Подобный этому. Была
Она брыкастее осла.
Должны вы были быть подонком,
Чтобы в её устройстве тонком
Задеть струну. Таким самцом
Наш не был сэр, и всё ж лицом
Её он бредил и всем прочим.
Кто был до той вдовы охочим,
Того она ко всем чертям
Мгновенно посылала. Хам
Надменный ей лишь был по вкусу.
Наш Гудибрас лишь Иисусу
Так поклонялся до неё.
Сидело в сердце остриё
Стрелы: чем больше презирала
Она его, тем глубже жало
Входило в сердце. Как солдат,
Бегущий с поля, лишь назад
Всё время смотрит, иль на вёслах
Сидящий, иль в своих ремёслах
Поднаторевший балансёр,
Так Гудибрас смотрел в упор
На брак, хоть в противоположном
Вдова шла направленье. Ножнам
Так не покорен меч, как он
Был ей позорно покорён.
Она его отшила сразу,
А он отвесть не в силах глаза
Был от неё, забыв про честь.

Я не хочу уж слишком лезть
В героя душу. Он, короче,
Решил посередине ночи
Оставить глупую мечту
И утвердиться на посту
Простого рыцаря удачи
В буквальном смысле слова. Паче
Всего он захотел прослыть
На мир весь, как и волчья сыть
Его, коняга. Как мы знаем
Уже, с Талголом-негодяем
Он справился. Но спать, увы,
Не мог. Опять лицо вдовы
Пред ним предстало, и надежда
В нём вспыхнула: чтó если между
Им и вдовой, когда она
Узнает, что его страна
Вся славит, разгорится пламя?
Мысль о прекрасной этой даме
Рот пересохший вдруг ему
Наполнила слюной. Во тьму
Он пялился, о ней мечтая.

«Опасней я, чем волчья стая, —
Он думал, – и необорим.
Слух до неё дойдёт, и им
Она, конечно, поразится.
Не сможет гордая вдовица
На сей раз устоять, как враг
Не смог. Но как мне сделать, как,
Чтобы она в меня влюбилась
Навеки, словно тёлка в силос?
Я добродетелен, что грех
В её глазах, но мой успех
Заставит даже добродетель
Стать плюсом. Мне Господь свидетель.
Умён я и безумно храбр.

Крючок дойдёт до самых жабр:
Два этих качества блесною
Её смутят, чтоб спать со мною.
Ведь доблесть – это лучший крюк
Для всех увесистых севрюг.
Не бойся, Гудибрас, собою
Быть, ибо ты сродни герою!
Ты *audax*[113] более других,
Быть *timidus*[114] постыдный штрих
Характера. Своё удило
Забрось, а остальное милой
Фортуны дело. *Felix sum*[115]».
Такие мысли шли на ум
Герою нашему, хоть блохи
Кусались дико. У эпохи
Всегда есть выразитель. Наш
Сэр стал им за стихов листаж.
Как филин ждёт, когда в амбаре
Наестся мышь, в ночной чтоб хмари
Её схватить, и пучит под
Двумя бровями, что вразлёт
Идут, глаза, что так же рыжи,
Как наш герой, покамест мыши
Хвостатый корпус не мелькнёт,
Тогда он на него с высот
Своих бросается, – так рыцарь,
Сей заколдованной дыры царь,
Не спал, а мысленно когтил
Вдовы сердечко. Тут, хоть гнил
Был пол, вскочил он, руша доски,
И закричал, чтоб Ральфо, носке
Их сёдел преданный, седлал
Коней обратно. Жуткий шквал
На замок надвигался: толпы
Отвсюду шли. Так дух из колбы
Алхимика в густом дыму
На свет является тому.

Наш рыцарь понимал: осадой
Хотят те замок взять. Тут надо
Переключиться нам на тех,
Кто шли, впав в многоногий спех.

Чернь вправду замок взять спешила,
Неся с собою вилы, пилы,
Но вдруг остановилась, чтоб
Решить, что лучше: рыть окоп
Осадный или лезть на стены.
Наш Гудибрас, не ждавший смены
Удачи быстро так, призвал
К оружью Ральфо. Тот ведь спал.
Фортуна, каверзная дама,
Его сразила в сердце прямо,
А, может, ангел из блажных
Дать вознамерился под дых,
Прогнав хранителя. Доселе
Не знал наш рыцарь дрожи в теле,
Но вид один сих толп был так
Ужасен, что он весь обмяк.
Они отнять хотели славу,
Принадлежащую по праву
Ему лишь. На серёдке грёз
Его их чёрт сюда принёс.
Так думал он. Меж тем он живо
Воображал и дефензиву.

Но выбор сделан был: врага
Пред замком встретить. Вот нога
Уже занесена, на спину
Коня он влез, была скотина
Ему покорна. Ральфо вслед
Вскочил на своего. Конь блед
Ему мерещился средь черни.
Час был уже вполне вечерний.
Сэр враз почувствовал: горьки

На теле ныли синяки,
И приуныл. Но вид народа
Скопившегося возле входа
В нём ярость тут же пробудил,
И так сказал он: «Чернь в распыл
Решила нас пустить. Так жниво
Стоит в снопах. Она труслива,
Мы раз уже её пугнуть
Сумели, Ральфо, и наш путь
Лежит к победе. Как Вергилий
Писал, *quocunque trahunt*[116], или,
По-нашему, что б нам судьба
Ни уготовила, раба,
Добавлю от себя, тупого
Из нас не сделать. Толпы снова
Нахлынули, чтоб взять реванш.
За нами между тем карт-бланш:
Они всё те же, что бежали
От нас сегодня. В идеале
Они все сразу убегут,
А нет – дадим мы бой. Наш люд
Пуглив, как я сказал чуть раньше,
Не утвердиться им в реванше!
Мы лишь взмахнём мечами, как
Рванёт отсель бессчётный враг.
Они, как молнии из стали,
Не зря им всем в глаза блистали
Сегодня днём. Не гнев, а страх
В их превалирует сердцах.
А если вдруг упрутся люди,
Свершим с тобой мы правосудье
И покараем их: от ран
Они, как будто кегельбан,
Полягут, а другие, это
Увидев, смоются, и смета
Их распадётся. Знай же, голь!»

Сказав сие, свой терцероль
Достал он. Был на месте порох
И пуля в нём, столь на которых
Рассчитывал наш сэр. Клинок
Потом он из ножон извлёк.
Велел скакать он Ральфо первым,
Как делают стратеги, к нервам
Стальным приученные, и
Пристроился чуть позади.
Потом вонзил в конягу шпору,
И конь помчался.

В эту пору
Враг не дремал, готовясь свой
Заход затеять штурмовой.
Когда они узрели наших
Героев вдруг, то страх в папашах
Семейств обширных вмиг взыграл.
Тут Орсин, кто возглавил шквал,
С земли приподнял каменюку
И в Ральфо, напрягая руку,
Швырнул её. Был камень тот
Не так велик, как скол пород,
Каким при Трое сшиб Энея
С ног Диомед, но мог он, вея
Погибелью, свалить с копыт
Коня, послав врага в Аид,
Где дважды кщёные святые
Находятся[117]. Пригнул Раф выю,
И камень мимо пролетел,
Но сдал коня назад он. Смел
Был Гудибрас, кто на подмогу
К нему подъехал. Он немного
Переживал за Ральфо. Взвёл
Он терцероль, но целить ствол
Не стал, поскольку Орсин слишком
Был далеко. Он ведь по книжкам

Воспитан был и полагал,
Что меж врагами интервал
Обязан быть ничтожно малым.
Помчался он, чтоб интервалом
Таким смутить врага[118]. Со школ
Мы знаем (те, кто в них прочёл
Гомера), что единоборство
Всегда лицом к лицу. Фрондёрство
Здесь неуместно. Гудибрас
Хотел врага узреть *en face*[119].
Но Колон тут, узрев, что к другу
Тот близко, тоже каменюку
С земли поднял, потяжелей
Той, предыдущей. С силой всей
Её метнул он в Гудибраса.
Фортуны мерзкая гримаса
Чуть не сработала: наш сэр
В седле качнулся, как шпалер
Рисунок, когда ветер силен.
Но в нём достало всё ж извилин
За гриву ухватить коня,
Но меч он выронил. Браня
Себя за нерадивость, гуся
Напоминал он, что бабуся
Его колола к Рождеству:
Тянул тот лапы. Силы у
Героя нашего хватило
Курок нажать, и угодила
Шальная пуля в сход зевак.
Там был Талгол, его армяк
Она пробила, небольшую
Дыру оставив в том ошую,
И вылетела вновь, попав
В Магнано. Тот был очень брав
В своём старинном хауберке[120],
На нём сидящем, как по мерке.
О грудь расплющилась свинца

Частичка, но он спал с лица
И заорал: «Хирурга! Быстро!»
Толпу зажёг он, словно искра
Стог сена, закричал народ:
«Убийство, братцы!» Ну а тот
Упал на землю от удара.
Казалось, Гудибрас дал жару
Повторно. Если б Ральфо тут
Помог, то в несколько минут
Всё б рассосалось. Но наш альфа
С омегой занят был. На Ральфо
Почти свалился Гудибрас
От камня брошенного. Спас
Его он, подхватив в паденье
В миг после выстрела. Тут к сцене
Внезапно Цердон подбежал
И с Ральфо в бой вступил. Не знал
Никто, чем сватка завершится.
Обоих были мрачны лица,
Удары сыпались, как град.
Но услыхав, что пал собрат
Его, метнулся Цердон в гущу
Толпы – ей паника присуща —
И мигом растворился в ней.
Герои наши от камней
Хотя изрядно пострадали,
Но были бодры, как в начале.

Сказал тут Ральфо: «Сэр, удар
Предательским был. Колон яр,
Но не посмел сойтись в дуэли.
Враги ослабли. Вы сумели
Их обездвижить. Пуля в грудь
Пришлась Магнано и чуть-чуть
Его не кончила. Вороны
Так слабнут, порох чуя. Звоны
Мечей у них над головой

Произвели эффект. Но свой
Злодейский замысел противник
Не бросил. Меньше, чем крапивник,
Их мужество, но нас числом
Берут они. Нам нужно слом
Врага усугубить, иначе
Он грянет скопом и даст сдачи».

Так Ральфо произнёс, но сэр
Был в мыслях далеко. Нукер[121]
Его старался зря. Огромен
Синяк был на груди и омен
Являл зловещий. Гудибрас
Тут отвечал: «Мой сквайр, на нас
Напали люди, кто без правил
Сражаются. Синяк оставил
На теле камень столь большой,
Что я вот-вот прощусь с душой.
Мне не до боя. Мне Фортуна
За что-то мстит. За то ль, что юно
Я слишком выгляжу, точней
Сражаюсь, как в расцвете дней.
Боль нестерпима. Я весь стыну.
Нельзя сражаться паладину
С такою раной. Может быть,
Нам стоит в замок отступить
С почётом. Рана не смертельна,
Но нужен мне режим постельный.
Тебе не сладить одному
С такой толпой, а посему
Отход нам надлежит. В отходе
Honoris causa[122], по моде
Великих, нет стыда. К концу
Учёбы всех нас на плацу
Ретироваться так учили,
Чтоб враг почувствовал бессилье
Вас уничтожить и ушёл.

Пора идти: *occasum sol*[123]».

Послушав сэра, с кобылицы
Раф спрыгнул и пошёл возиться
В пыли, пока не отыскал
Меч рыцаря, и, как шандал,
Держа его, не отдал сэру,
Презрев вдали толпу-мегеру.
Потом вновь на кобылу он
Хотел вскочить, но трижды вон
Был из седла он выбит ею,
Поскольку задом был пышнее,
Чем, собственно, седло. Тут Раф,
Всю выдержку в кулак собрав,
Предпринял новую попытку.
Но Орсин, справившийся прытко
С царапиной Талгола и
С грудиною Магнано при
Посредстве зелья из мешочка,
Всё бросил и бегом, как квочка,
Полулетя, помчался враз
Ко сквайру. У того Пегас
Брыкался, не даваясь. Рядом
Уже с ним, Орсин слов каскадом
Обдал его: «Ты, сквайр, и я
Не ранены. Сталь острия
Я отражу своей дубиной
И проучу тебя. Руиной
Ты станешь, как хозяин твой.
Я так зову тебя на бой».

Произнеся всё это, словно
Орёл, что прядает на овна,
Обрушился на Ральфо он,
Пытавшегося на амвон
Седла хоть как-то взгромоздиться.
Одной ногой он был, как птица

Фламинго или цапля, на
Земле, другая взнесена
Была наверх, минуя стремя.
Удар поверг его на время
В тяжёлый ступор. Орсин тут
Ударил вдругорядь. Салют
Он вышиб из очей кобылы:
Удар пришёлся выше брылы
Её, кобыла начала
Брыкаться вновь и понесла
По полю Ральфо, кто был полу-
Лежач на ней. К мужскому полу
Пылая ненавистью, та
Его, не видя ни черта,
На землю скинула. Так было
И с третьим Ричардом: кобыла
Его повергла тоже в грязь,
А сразу после унеслась[124].
Наш рыцарь между тем нащупал
Синяк: тот вздулся, словно купол,
И мокр был. Он сперва решил,
Что это кровь. Как вязкий ил,
Была она, но, ярость волчью
Вдруг ощутив, он понял: жёлчью
Дублет весь пропитался[125]. Зря,
Как Ральфо пострадал, а пря
Вновь разгоралась, он из луки
Достал второй пистоль и суке
Орсину этому хотел
Стрелять уж в голову. Тот цел
Остался потому лишь, чтó тут
Явился Цердон, весь свой опыт
Вложив в удар дубины. Тот
Пришёлся сэру в руку. Взлёт
Её был неудачным. Где-то
Так с неба падает комета,
Как опустилась вдруг рука,

На спуске находясь курка.
Пистоль на землю грянул. Выстрел
Пришёлся в высь. Идя на вы, стрел
Других сэр не имел. Лишь меч
Остался, чтоб врага засечь.
Но Цердон был готов к удару
Вторичному. Тут сэр наш пару
Своих обрушил на него,
На череп прямо. Колдовство
Иль что-то родственное душу
Спасли того. Наш сэр, обруша
Свой меч, смотрел, как кровь текла
По голове бойца, кто зла
Ему хотел. Отсёк он ухо
Тому, но Орсин на макуху
Посыпал порошок свой, и
Закрылась рана. В забытьи
Был Цердон, но очнулся. Чувства
К нему вернулись от искусства
Врачебного. Тут Орсин взял
С земли дреколье, как штурвал,
Двумя руками, прибамбасу
Сию направив Гудибрасу
В живот, но об его дублет
Она сломалось. Он был сед
Частично от боёв, но чтобы
Двум сразу, бешенным от злобы,
Противостать – такого он
Не знал доселе. Цердон стон
Издал, но к Орсину, хоть сбился
С дыханья, присоединился.
Тут Орсин подобрал с земли
Ещё дреколье, слово «пли»
Крича, и, целясь в Гудибраса,
Заехал Цердону в мордасы
Им. Цердон тут же рухнул, как
Подкошенный на поле злак.

Наш сэр приободрился сразу
И в стремени привстал. Без глаза
Остался Цердон. Сэр вскричал:
«Победа! Я таких кончал,
Как вы, во множестве. Второго
Прикончу я, даю вам слово!
Но прежде отдышусь». Скорбел
Над другом Орсин. Был он бел
От причинённого увечья,
Но врачевать пытался речью
И порошком. Сэр Гудибрас
Всё поле обозрел и пасс[126]
Коня привёл в аллюр, чтоб, битым
Быв трижды, Орсина копытом
Сшибить, а после затоптать.
Был Орсин занят другом, рать
Свою оставив. Не заметил
Он, что наш сэр летел, как петел.
Узрев его, успел он свой
Насыпать тальк на синевой
Покрывшийся лик друга. Споро
Вскочил он на ноги, напора
От сэра ожидая. Тот,
Узрев, что дело оборот
Нежданный принимает, вяло
Сдержал за гриву буцефала.
Решил найти он Ральфо, чтоб
Вдвоём сражаться, и галоп
Направил в поле. Раф тем часом
Лежал, как тюк. Он Гудибрасом,
Так думал он, совсем забыт.
Всё тело ныло – от ланит
До пят. Паденье в странной позе
Заставило почить бы в бозе
Кого другого. Когда сэр
К нему подъехал, Ральфо сер
Лицом был и сказал: «Великий

Вы воин! Надо б в базилике
Вам памятник поставить, но
Нам лики зреть запрещено».
Ответил сэр: «Мы победили.
Враг, драпая, наелся пыли,
А кто-то в ней простёрся. Сам
Великий Цезарь, хоть там-сям
Одерживал победы, дважды
За день один победной жажды
Не утолял. Нигде о том
Упоминаний нет. Щитом
С мечом разил он многих в блице,
Но дважды *veni, vidi, vici*[127]
Подряд не произнёс». «Вы, сэр,
Его уделали. В карьер
Пустили вы коня, чтоб Рафа
Спасти. Уже звенела арфа
Небесная в его ушах.
Спасибо, сударь! Вы и шах,
И мат врагу. Да, *vincerere*[128]
Врага непросто. Дело в вере,
Скорей всего». Ответил так
Наш сэр: «Был множествен наш враг,
Но верой слаб. Затем *perire*[129]
Он умудрился. Но задире
Не всякому нашлась здесь смерть.
Враг может заново посметь
Напасть на нас. Вставай! Нам надо
Быть начеку». Тут Ральфо, смлада
Привыкший подчиняться, рёк:

«Я не могу. Я как мешок
Костей. За вас я, сэр, страдаю.
Я меч принёс вам, чтобы стаю
Врагов окоротить. Взамен
Я синяки стяжал. Мой член
Любой бесстыдно синь. Но если

Дадите руку вы, то в чресле
Воскреснет жизнь. А если нет,
Останусь тут я, смогут вред
Мне причинить те, кто остались
На поле». Оценив анализ
Такой событий, сэр сказал:

«Мой меч от крови вражьей ал,
Но чтоб *servare civem*[130], спину
Нагну я. Хоть Отцу и Сыну
И Святу Духу ты чуть-чуть
Другому веришь[131], я согнуть
Тебя в дугу не дам». Он руку
Ему подал и сгрёб на луку
Седла, точнее поперёк
Него втащил. Но рок есть рок,
Тут Трулла на него напала,
Как говорится, с тыла. Мало
Сэр Труллой озабочен был.
Скорей, её девчачий пыл
Был мил ему. Но та Магнано
Искала, услыхав, что рана
Его опасна. Увидав,
Что Гудибрас в седле, а Раф
Лежит, словно тюфяк, на холке,
Она, начхав на люда толки
Про мощь их, исхитрилась свой
Удар обрушить роковой.
Обычно после схватки дюжей
Она у пленных их оружье
Брала, не лезя в битву с тех
Аж пор, как мир коснулся стрех.
Но тут не выдержала. Сзади
Удар её был, в спину. Ради
Него она вся напряглась,
И сэр с коняги рухнул в грязь.

«Сдавайся, – Трулла тут вскричала, —
Не то умрёшь ты! Для начала
Отдай свой меч и пистолет,
Коль прочего оружья нет.
Я гарантирую, что руки
Не стану связывать. Коль муки
Захочешь претерпеть ты, в бег
Ударься, и тебя, кто пег,
Схвачу я вновь. Ты слишком грузен,
Чтобы бежать. Мы отмутузим
Тебя, как следует, поймав».
Сэр лёжа отвечал: «Твой нрав
Мне по душе. Бери оружье,
Но не мутузь меня. Мне хуже,
Чем нынче, не было давно:
Всё тело отбивной равно.
Мне пособи подняться. Меч я
Свой отдаю, другим увечья
Он доставлял во многих прях.
Не верю я в трёх жутких прях,
Что нити жизни ткут и режут.
Но, поборов зубовный скрежет,
Скажу: удар твой был мощней
Мужских, но силы он моей
Не отменяет, ты ведь только
Девица хрупкая. Буколька
Вон как вспотела. Я сломил
Здесь трёх отважных воротил,
И перначом своим исхода
Ты битвы не изменишь, взвода
Хоть стоишь целого. Совет
Хочу я дать: победы, нет,
Моей ты не отменишь, двое
Здесь нас. Решение простое —
Тебе уйти. Лицом к лицу
Коль мы сойдёмся, будет у
Тебя проблем довольно. Сзади

Бить трусость. При другом раскладе
Тебя бы я не пощадил,
Хоть женщин отродясь не бил».

Вскричала Трулла: «Ты комичен,
Пора тебе додать затычин!»
И свой похлопала пернач,
Чтоб показать, что нрав горяч
У ней, и что способна сэра
Она отделать. «Офицера
Не одного я в плен взяла.
Ты думаешь, я из стекла,
А я из стали. В поединке
Лицом к лицу я все кровинки
Из тела вышибу, и ты
Падёшь, как прочие скоты!»

Сэр встал. Тут Трулла булавою
Своей, вертя над головою
Её, как пёрышко, врага
Три раза приложила. «А! —
Вскричал наш сэр, два сделав шага
Назад, – Сражаться? Молодчага!
Тебя придётся мне осечь!»
Сказала Трулла: «Брось свой меч!
Не то ты будешь кверху задом
Лежать через минуту!» Градом
Ударов ей ответил сэр,
От злости чёрный, как бербер.
Любой из них мог нашу Труллу
Расположинить, но нырнула
Валькирия три раза под
Удары сэра. «Меч сечёт
Твой воздух!» – Трулла прокричала
И стала ждать, пока запалу
Его придёт конец. Герой
Наш поднял меч над головой

Двумя руками и всю силу
Вложил в удар. Так выходило,
Что он решал весь бой. Но та
Вновь уклонилась. Сэр и рта
Открыть не смог, как сила взмаха
И пустота пред ним, без страха
Рубившего, его почти
Повергли ниц. Его спасти
Сумело равновесье, но лишь
На миг. «Ты мне теперь позволишь
Ударить?» – вопросила тут
Валькирия, всего на фут
Отпрянув, и ударом новым
Его повергла наземь. Словом,
Наш сэр упал, откуда встал.
Используя как пьедестал
Его живот, стояла Трулла
На теле сэра и ввернула
Такое: «Мерзкий клоп! Испил
Ты крови нашей. Не твой тыл
Атаковала я, а перед.
В то, что ты слаб, народ поверит,
Когда предстанешь ты пред ним,
Чтоб суд принять, что мы творим.
Ты нé дал мне своё оружье,
Хоть обещал. Нет чести в муже,
Кто нарушает слово. Тот,
Кто своё слово предаёт,
Не рыцарь. Ты меня заставил
Сражаться, не соблюдши правил
В плен сдачи. Ты татаркой счёл
Меня, наверно, кто в подзол[132]
Готова лечь, но в плен другого
Не брать. Но если надо, снова
Тебя отделаю я так,
Что выскочит из лба твой зрак».

«День твой, – сказал наш сэр покорно, —
Ты обмолола славы зёрна
Моей, сбив с ног меня, а лавр
Венчает мой полукадавр,
Каким я стал. Тебе по праву
Принадлежит он, как и слава.
Что же до слова чести, я
Её лишился, как змея
Лишается узорной кожи.
Шпынять упавшего негоже.
А, впрочем, ниже пасть нельзя,
Чем пал я. Поросла стезя
Моя быльём, и твой понятен
Сарказм при виде стольких вмятин
В моих доспехах, а точней
В дублете дыр от перначей.
Античные герои были
Все милосердны, а не крыли
Поверженного в прах врага.
Их сталь иль медь была нага,
То бишь остра, а не словечки.
Мой терцероль дал две осечки
Сегодня и промазал, но
Судьбой так было суждено».

Сказала Трулла: «Ты достоин
То получить, ничтожный воин,
На что хотел меня обречь,
Возьми ты верх. Пистоль и меч
Мои, как и твоя свобода.
Но делать из тебя урода
Не собираюсь я: ни рук
Не буду я рубить, ни тук
Твой выпускать. Живи, паскуда,
И уповай на Божье чудо».

Ответил Гудибрас: «Прошло

То время, когда мне везло.
Я подчиняюсь всем законам
Войны, сиречь тебе. Пленённым
Не довелось мне раньше быть.
Учти, что я ведь мог убить
Медведя иль взять в плен, однако
Я не какой-то кожемяка,
Я отпустил его на все
Четыре стороны, в росе
Купаться, нападать на ульи,
Охотничьей чураясь пули».

Сказала Трулла: «Мог медведь
Тебя задрать, но вся комедь
Осталась в прошлом. Краудеро
Однако ты пленил. Карьеру
Его бы ждали муки иль
Петля, предстань он вдруг, бобыль,
Перед твоим судом. В темницу
Его ты бросил, чтоб возиться
Не надо было. Глад и хлад
Его там ждут, а ты и рад,
Гадёныш. Ну так вот: замену
Произведём мы – будет пленный
Скрипач отпущен, а в тюрьму
Ты сядешь, кто вредил ему».

Иссяк их диалог на этом.
Сэр меч свой вместе с пистолетом
Сложил к её ногам, на нём
Стоявшим. Свой дублет потом
Он лёжа снял и сдался. Трулла
Взяла их все, причём нагнула
Свой ладный корпус, с живота
Героя спрыгнув, как с шеста
Сигают куры. Тут накидку
Она сняла с себя и прытко

Набросила на сэра. «Вот, —
Она сказала, – новых мод
Начало». Правда! В мире моды
Французы правят, и погоды
Не делает тот факт, что мы
Владели Францией[133]. Умы,
Известные мне, панталоны
И бриджи носят; дамы, стоны
Издав восторга, парики,
Стоячие воротники
И каблуки, ещё корсажи.
Накидка Труллы, точно в саже
Кого-то вывалять, была
Так унизительно смела.

Меж тем сбежались в место это
Все прочие апологеты
Отважной Труллы, мастерством
Её гордясь. Сперва дубьём
Они избить хотели сэра,
Но Трулла, не страшась размера
Толпы, тут встала за спиной
Его (опять!) и меч стальной
Трофейный извлекла из ножен,
Сказав, что ей, де, невозможен
Разлад ей данных слов и дел,
И если б кто-то вдруг посмел
Напасть, его бы зарубила
Она. Не для того пленила
Де, рыцаря она, чтоб тот
Толпой был пущен в оборот,
А для того, чтоб Краудеро
Был ею выменян на сэра.

Толпа узрела, что настрой
Серьёзен Труллы. Наш герой
Во власть её был отдан, силу

Раз уж его та сокрушила,
Чтоб Краудеро обменять
На сэра. Кто-то смог поймать
Кобылу Ральфо в чистом поле.
Вдвоём, решили, им в неволе
Отныне пребывать. Верхом
Их усадили, но лицом
К хвостам животных, а не к гривам,
Что сделало народ счастливым.
Вёл Орсин под уздцы, что он
Приладил к морде, сыспокон
Узды не знавшей, лошадь сэра.
Талгол же лошадь, из карьера
Вновь перешедшую на шаг,
Бедняги Ральфо. Цердон, зрак
Свой потерявший, шёл чуть сзади.
С ним Колон и Магнано, пряди
От пота слиплись их, ведь бой
Им стоил сил. Всех за собой
Вела здесь Трулла, кто шагала
В колонне первой. Так помалу
Они до замка добрались,
Что шпилем устремлялся ввысь
И был, как знаем, заколдован.
Скрипач был в подполе, оков он
Не испытал – верёвки снял
С него наш Раф, закрыв подвал.
Толпа маршировала сзади
Процессии, как на параде
Лорд-мэра, что частенько прёй
Собак с медведем годовой
Заканчивался. Тут все встали.
Как в замок им войти? Не знали
Они, как круг преодолеть
Магический. Очерчен ведь
Он ведьмами был. Но Магнано,
Кто в чёрной магии был рано

Натаскан, с детства то есть, взял
Свой шестопёр и им овал
Проделал в колдовском заборе.
С коней спустили пленных. Вскоре
Толпа уже внутри была,
В дыру пролезши. Из котла,
Подвала то есть, фиделера
Достали, Ральфо же и сэра
В него спихнули, люк над ним
Закрыв. На шпиле всем был зрим
Футляр со скрипкой. Сняли с крыши
Они и скрипку. Всюду мыши
Сновали. Было решено,
Что сэр и сквайр, пока темно,
Побудут в подполе. На этом
Все разошлись. Наш сэр поэтом
Хоть не был, но чужих стихов
Знал уйму на латыни. Кров
Был низок. Вспоминал, короче,
Он, горбясь, их в теченье ночи.

И так сказал: «Хоть мы теперь
И узники, ум – это дверь
Всегда открытая. Понурясь
Сидим мы, Раф, но *sui juris*[134]
Мы остаёмся. Можно нас
Распять, но сквайр и Гудибрас
Свободными умрут, поскольку
Свободен ум. Нам даже койку
Не дали – лишь мышиный пух.
Был Александр когда-то вслух
Отчитан Диогеном. Целый
Он мир имел, а тот для тела
Лишь бочку. Но не плакал, не
Печалился совсем, зане
Две разных доблести на свете,
Раф, существуют, *duo seti*[135]:

Одна активная, в бою
Ей блещут. Но я говорю
О доблести пассивной, коя
Нужна при пораженьях. Стоя
Немало воспитала тех,
Кто ей прославились. Успех
Нам изменил сегодня. Можно
Теперь нас понукать безбожно
Иль, как предпочитает люд
Твердить, дубиной бить. Статут
Наш не изменится, и чести
Ущерба в том не будет. Бестий
Я разных навидался, кто
Хотели к чести долото
Своё приставить. Честь – аренда
Пожизненная, Раф, невредно
Порой и пропустить клочок
Земли, паша. Коль изнемог
Кто в битве, чести то нимало
Не навредит. Честь не кружало[136],
Где бочки пива иль вина
Пустеют. Люди смотрят на
Затменье солнца без боязни
Ослепнуть. Доблесть так вот, блазня
Народ, пассивная когда,
Берёт подкопом города».

Ответил Ральфо: «Мне неведом
Такой расклад. Привык к победам
Я за́ день, мы сидим во тьме,
Свободны, разве что, в уме.
Вития наш церковный часто
Цитировал Екклесиаста
И говорил, что в бедах есть
Прозрение. Но разве честь,
Сэр Гудибрас, не пострадала,
Когда на вас та девка встала?

Вы разогнали чернь и псов
С медведем. Подвиг ваш не плёв,
Но то, что нас пленила девка,
Приять как будто в сердце древко.
Возможно, есть за этим план,
Как принято у пуритан».

Сказал тут Гудибрас: «Ты злиться
На мир изволишь, как зегзица[137],
Что накликает смерть. Синод[138]
Назвал ты прежде сбродом. Сброд
Был бы медведем изувечен,
А наш синод и благ, и вечен.
Он против травли, как и всяк
Христианин, кто тоже благ
Быть должен. Внутреннего света
Дождись, и ты поймёшь всё это».

Ответил Ральфо: «Мне понять
Такое трудно. Есть печать
На всём лукавого. Зависло
В нас здравого начало смысла.
Но коль хотите, мысль свою
Я тут немного разовью.

Велик в народе нашем рейтинг
Медвежьей травли. *Беар-бейтинг*
Синоду равен иль синод
Ему, не знаю. Только тот
Плодит старейшин, депутатов,
Церковных старост, кто развратов
Не пресекают, и сам чёрт
Крепит сей вавилонский спорт.
Синода спикер и медвежий
Натасчик – те ж ухватки, те же
Слова, по сути. Нет, слова
Другие, суть одна. Сперва

Увещевают нас, но локти
Всё ж в ход идут, потом и когти.
Синод и травля меж собой
Язык находят. Люд любой
Стравить так же легко, как свору
Науськать. Люди раньше к спору
Склонялись, а теперь, как псы,
Грызутся или рвут власы.
Медведя тренер занят зверем,
Давая сахар. Мы же верим
Синоду, что нас кормит всех
Посулами. Он душу – грех
Тягчайший! – прилучает нашу
И совесть. Я всё в чёрный крашу,
Поскольку наш видал пророк
Медведя тоже[139]. Он жесток
И силен. Впрочем, как и люди.
Чтó их законы, правосудье,
Их отлученья, ордена
И прочее, как ни длина
Цепочки той, что держит тыщи
На расстоянье от кострища?
Синод надсмотрщиков своих,
Как псов, поставил грызть нас. Штрих
Ещё такой: синод премного
Всего позапрещал от Бога
Святого имени, лишив
Народ на радость перспектив.
И потому лишь травля эта
Ему, как малышу конфета.
Смотрите сами, что синод
Наделал: церкви укорот
Свершил, евангельские главы
Поставив выше Божьей славы.
Убийствами, насильем он
Того добился, что и трон
В руках его стал лишь игрушкой,

А вся страна – его кормушкой.
Людей он, против воли их,
Решил всех превратить в святых.
В торговле были люди исты,
Но те теперь монополисты.
Лишь пуритан Господь на путь
Наставил, так что ль? Обмануть
Людей легко: им, чтущим Бога,
Одна предложена дорога.

Короче, ваш синод ничем
Не отличается от схем
Той инквизиции, что тыщи
Тел превратила в пепелище,
Так эмиссаров расплодив
Своих, что недовольства взрыв
Не за горами. Он ведь судит
По лицам с бородами, будет
Тот или этот человек
Блаженным в Боге[140]. Пуст сусек
Народа нынче, и в итоге
Его церковные налоги
Добьют. Вернёмся чуть назад:
Коль лик кого-то красноват,
То это значит: он опасен
Для общества. Что хуже басен
Про то, что глиняный горшок,
Чтобы понять, какой он срок
Прослужит, де, по звуку можно
Определить. Синода ложно
Ученье. С некоторых пор
Мы носим головной убор
С подкладкой белой, хоть он чёрен[141].
Свет Божий, сэр, отнюдь не флорин
Серебряный[142], а белизна
Души, хоть от грехов черна
Она бывает. Покаянье

Её всю белит. Пуритане
Господню милость меж собой
Распределили, и подбой
Диссéнтеров им не по вкусу.
Лишь им одним, ещё зулусу,
Чернь хороша, воротнички
У них все белые таки[143].
Они лоснятся от гордыни,
Что всё правительство отныне
Лишь их, а править – значит быть
Отмеченными Богом. Прыть
Зашкаливает их в контроле
Души и тела. Мол, пороли
Вас мало всех, дабы снискать
В юдоли Божью благодать.
Они нацелены богатство
Стяжать лишь, наплевав на братство
Церквей, а если беден люд,
Налоги на спину кладут.

Их жертвы все лишь мясниками
Творимы – не, как встарь, жрецами.
Их лозунг резать, даже в дни
Спокойствия, а не резни.
И не животных, а обычных
Людей, привычно горемычных.
Коль раньше этой жертвой был
Бык, то теперь ребёнок. Сил
Всех требует кровавый Молох.
Надежда вся на новый всполох.
От папской власти эта власть
Не отличается. Всё в пасть
Её идёт, село любое
Теперь добыча для разбоя.
Грабёж идёт ещё какой:
Коль денег нет, плати свиньёй;
Пресвитер каждый, как и дьякон,

Прокорм народа ставит на кон.
Епископов лишь двадцать шесть
Насчитывалось прежде. Есть
Теперь пресвитеров аж сорок
Тыщ в Англии, и каждый морок
Усугубляет. Хуторок
Теперь любой их трон. Урок
Мы отмели дискредитаций
Пап, как Григорий, Бонифаций[144],
И движемся к тому же. Зверь
О многих головах теперь
Вся церковь наша, с ним слюбиться
Лишь вавилонская блудница
Смогла, как это Иоанн
Обрисовал[145]. Пример нам дан
Того, что будет. Меч во чреве
Прияли Симеон и Левий[146].

Мирян[147] старшой, мизинец чей
Тяжеле будет перначей,
Голосовал, чтоб принц прелатом
Стал, облечён епископатом
Не воцерковленный чтоб был[148].
Это вполне мятежный пыл
Мирян производить в священство.
Льна с шерстью смесь[149], а где смиренство?
То и другое, ордена
И те, и эти. Суть одна
Причём – амфибии. То овны,
То волки все они. Греховны
Что и святые даже, их
Глава провозглашает. Свих
Всё абсолютный это. Дряни
Всё ж нахватались и миряне,
Творящие сии дела.
Чин клириков толпа дала,
Руководясь лишь чувством или

Прикосновеньем. Полонили
Так, сэр, и нашу плоть глисты,
Поскольку руки нечисты.
Мы скоро, словно кардиналы
Их папам, вылижем аналы
Церковной власти у себя».

«Постой, постой! – сказал, грубя,
Тут Гудибрас. – *Festina late*[150],
А ты спешишь, как будто латы
Снимаешь на бегу. Ты, Раф,
В своих всех выводах неправ.
Майевтика[151] ведь на вопросах
Стоит как путеводный посох,
А ты довольствуешься тем,
Что весь во власти энтимем[152].
Попробуем взглянуть, как надо,
На то, что ты сказал. Тирада
Твоя насчёт синода и
Медвежьей травли ни в одни
Ворота, Раф, не лезет. Этот
Подход способен только метод
Диалектический разбить.
Что хуже, наш синод иль прыть
Медвежья? Вот вопрос, которым
Задаться стоит. Так лишь шорам
Мы скажем «нет». Итак, вопрос,
Что хуже, а не лучше? Взнос
В копилку логики нам вчуже
Взглянуть велит. Что *оба хуже*,
Ответ мой. То есть и медведь,
И наш синод, уразуметь
Ты это должен, оба *idem*[153],
В сравненье с идеалом. Видим
Мы также, что коль так, то ни
Один не лучше. Болтовни
Твоей, что оба плохи, разум

Не принимает мой. Я разом
Берусь всё опровергнуть. Так
Могу я утверждать: червяк
Мне идентичен, оба ибо
Мы *animalia*[154] и к сгибу
С разгибом склонны. Только он
Не мыслит, как, к примеру, слон
Иль я. Так что на что похоже?
Тогда сказать возможно то же
Про моего коня: Сократ,
Де, как и он, одно. Что сад
Медвежьей травли схож с синодом
Такая ж глупость. Мишка мёдом
Питается, вот схожесть вся.
Он рукополагать, неся
С собою миссию, не вправе,
А также отлучать, Варавве[155]
Давать свободу и т. д.
Софистика твоя в узде,
Как видишь. Вся твоя свобода
В сопоставлении синода
С медведем сведена на нет.

Кто лучше из двоих? Ответ
На это твой, импровизатор,
Что мишка лучше, мной *negatur*[156].
Медведь ведь хищник, ну а член
Синода – Божий манекен
На двух ногах. Медведи ж, хапы
Творя двумя, четырёхлапы.
Что правда: зубы есть у всех.
Но докажи, что клирик мех
Иль хвост имеет, иль что рожа
Медведя на его похожа.
Рождается медведь без форм,
Куском мохнатым. Языком
Медведицы прилизан только,

Он обретает вид и стойку[157].
Что клирика вид от слюны
Чужой зависит, болтуны
Способны лишь ввернуть. Все дни и
Года он ждёт хиротонии[158].

Но самый твой большой просчёт
Считать пресвитеров и мёд
Дающих тренеров медведей
Похожими. Я в этом бреде
Ни доли правды не нашёл.
Химеру[159] ты родил, чей пол
Неясен, состоявший в членах
Ну полностью гетерогенных,
In eodem subjecto[160] хоть:
Кусать, бодать и жалить плоть.
Все аргументы остальные
Гипотетичны, как на вые
Льва, скажем, козья голова,
Иль вроде этого. Едва
Могу я спорить. Помню как-то
Я с рантером[161] на тему акта
Супрематии[162] спорил, он
Был так всем этим разозлён,
Что проломил башку мне, выдрав
Клок бороды. Лягушкам, выдрам
Живётся хорошо в воде,
А нам, крещёным ей, в труде
Приходится горбатить спину.
Спор тоже труд. Коль всё едино
Тебе, тогда я промолчу».

Ответил Ральфо: «Вы мочу
Произвели на свет из знаний.
Три языка, как цвет фазаний,
Смешались в них. Вы остальных
За дурней держите. Мой вспых

Оправдан светом, что даётся
Иным из Божьего колодца
Как драгоценное питьё.
Саул Давиду дал копьё
И свой дублет[163]. Тот был нелепым,
Наверно, в нём. Так свет, что скрепам
Ничьим никак не подчинён,
От знаний лишних меркнет. Тон
Учёный полон наставлений,
Он ум мрачит, стесняя гений.
Ошибочен он в спорах. Тот,
Кто поучает, сам речёт
Белиберду. Лишь в свете Божьем
Есть правда. В спорах мы лишь множим
Неправду. Мысли все просты
Должны быть. В споре красоты
Нет никакой, хоть кучерява
Вся ваша речь. Имею право
На мненье я своё. Хоть нет
В нём логики, но есть в нём свет.
Да, говорю я хоть без правил,
Но Бог меня зато наставил,
А правда правилам претит,
Как глазу нашему петит».

Ответил Гудибрас: «Дружище,
Ты мне подкидываешь пищу
Для новых споров. Только нам,
А каждый здесь в сужденьях прям,
Они не к месту. Только чтó ты
Сказал такое, что красоты
Твои былые все к нулю
Свело. Я ведь тебя не злю:
Те вещи, что ты рёк когда-то,
С такими *mere disparata*[164].
Пресвитеры, которым свет
Известен тоже, с малых лет

Вкушали знанье, что в гордыне
Своей презрел ты громко ныне.
Но это в следующий раз,
Когда в нас будет сил запас
Чуть больше, и не в сём подвале.
Закончим. Мы с тобой устали.
Пора нам малость отдохнуть,
Чтоб завтра встать на новый путь».

Часть вторая

Песнь первая

Краткое содержание:
Герой наш, угодив в тюрягу
Почти случайно, всю отвагу
Вложил теперь в любовь, и та
Ему открыла все врата.
Здесь будет про визит той леди,
О коей грезил он. К победе
Придёт всё: из дыры, волшбой
Хранимой, выйдет рыцарь мой.
Пришла пора внести в поэму
Романтику. Читатель, все мы
Устали от мечей, дубин,
Ран, синяков. Способны в сплин
Вогнать они. Смысл песни этой
В любви, премного раз воспетой.
Вздохни, читатель, ну а я
Путь проложу в её края.

Не странно ль, что мужские грёзы
Всегда одни, хотя угрозы
Прямые грезящему есть
Вокруг? Писатели, кто в честь
Любви слагают гимны, часто
Изображают дам без наста
Грехов, а рыцарей, кто их
Хотят добиться, вихревых
Подобьем натисков. Порою
Утрачивают ум герои
От ревности. Как слух речёт,
Кровь ведьм обороняет от
Их пакостей. И часто дамы
Теряют кровь в теченье драмы
Любовной, чтоб охолонул

Их рыцарь. Рыцарь же, в разгул
Впадая страсти, пластырь с раны
Срывает[165]. Христарадник драный
Так милостыни просит, как
Флиртует тот. Он взять в кулак
Аж целую страну способен
За миг, хоть до неё колдобин
Должна быть уйма, коль судить
По картам. Нежной страсти прыть
Выказывает к той он, кто не
Жила в ту пору[166]. Оболони[167]
Под стать поэты: мысли все
Идут за рифмой. В полосе
Такой неясно, что важнее,
Мысль или рифма. Я за нею,
Ей Богу, не гонюсь, но всё ж
Чуть меньше с ней в коленках дрожь.

Наш рыцарь – помните? – лишь блага
Желая, угодил в тюрягу
Со сквайром вместе. Синяков
Вкусили оба. Не таков
Наш сэр, чтоб унывать. Но ныне
Устал от споров он, латыни
Своей включительно, плюс всей
Медвежьей травли. Одиссей
Не напрягал так ум, как пленный
Наш Гудибрас, чтоб из презренной
Дыры освободиться. Пал
Он ниже некуда. Оскал
Фортуны был так явен сэру,
Что та должна была и меру
Знать, поворотом колеса
Вновь взмыв его под небеса.

Есть дама, кою кличут Славой,
Она была бы величавой,

Когда б не в воздухе жила,
Хамелеоны словно[168], зла
Двуногим не желая. Ела
Она свои слова, а тело
Крылато, но, как рукава,
Крыла с него свисают два.
На них глаза и уши, кроме
Того, и языки. В плероме,
Как мистики нам говорят,
Подобных нет других. Наряд
Весь крылья, правды так разноской,
Но чаще лжи, она по плоской
Поверхности земли свой век
Весь занята, а человек
Их потребляет, издавая
«Меркурий» свой[169]. С ней вместе стая
Почтовых голубей. Висит
На шее сумка для обид
И восхвалений в виде писем.
Нрав Славы, в общем, независим,
Но подчинятся порой
Вестям сомнительным, что рой
Пчёл поселился в теле зверя,
К примеру, что мертвец, ощеря
Зубёшки, из гробницы встал,
Что град величиной в овал
Яиц на поле выпал, или
Что сука разродилась, мили
Пройдя, вернуться чтоб в семью,
Щенками с лапами восьмью,
Что видели по крайней мере
Семь человек, как в атмосфере
Зажглась вдруг новая звезда.
У Славы две трубы всегда,
Но с разными тонами. Звуки
Одной как нервные мяуки,
Другой как громы. В них дудит

Она поочерёдно. Стыд
Одна дурной, недоброй славы,
Другая – громкой. Люди правы,
Боясь её, но, как уже
Сказал я, злость в её душе
Отсутствует.

Что Гудибраса
В тюрьму упрятали, и часа,
Пожалуй, не прошло, как весть
Распространилась. Только лесть
Вдова привыкла слышать ране,
А тут такое. Смех в гортани
Её забулькал. Демокрит
Так не смеялся[170], как на вид
Приличная вдова, нимало
Не покраснев, захохотала.
Она обычно весела
На всех похоронах была,
Так что простим ей слабость эту.
Смеялась долго, пока где-то
В спине не щёлкнуло. Прострел
Болезнен был, и смех сомлел.
Решила тут вдова, что сэра
Увидеть нужно ей. Афера
Такая показалась ей
Полезной в смысле новостей
Из первых рук, чтоб после сплетни
Вещать другим в прохладе летней.
Его освободить из тьмы
Подвала замка, из тюрьмы
Она без всяких там решила
За выкуп, или как громила-
Толпа захочет. Вмиг она
Переоделась и, красна,
Как утро, прихватив служанку,
Отправилась в тюрьму к подранку-

Герою нашему. Нашла
Она его мгновенно. Мгла
Была в подвале. Он у стенки
Сидел на корточках, коленки
Согнув, упав в них головой
С руками на затылке. Вой
Она бы подняла, но рыцарь
Спал. Ральфо рядом был. Мне рыться
В деталях ни к чему. Как круг
Магический, велик испуг
К которому среди народа,
Прошла она, не знаю. Входа
В тот замок не было, могло
Помочь здесь только помело
Иль та дыра в стене, что рьяно
Пробил дубиною Магнано.

Не сразу сэр наш в темноте
Признал вдову. В своей мечте
Ясней её он видел: стёкла
Мечты прозрачны. Но как свёкла
Весь покраснел, признавши. Стыд,
Что та его пленённым зрит,
Залил лицо. Башкой об стену
Ударился он, чуть Елену
Прекрасную увидел. Вы
Представить можете: совы
Он был подобьем, пуча очи,
Не отличая дня от ночи.
Его мозги поплыли, чуть
Уста смогла та разомкнуть.

Вдова сказала: «Место это,
Шепнули мне, запретно. Вето
Каких-то ведьм на нём лежит.
Здесь духи тех, кто как бандит
И тать прославились, по слухам,

Витают. Этим страшным духам
Привольно здесь. Я вижу двух
Перед собой. Который дух
Из них, а кто из плоти, трудно
Определить во тьме. Так судно
Плывёт в ночи и все на нём
Как приведенья. Даже днём
Черно здесь. Дьявол бьёт набатом
В свой барабан тут. В мрачноватом
Я месте нахожусь. Звезда
На этом фоне – борода,
С которой я была знакома.
Досталось ей, видать, вне дома
Прилично: выдран целый клок.
Её хозяин раньше мог
Легко гонять врагов по полю.
Я, может, духа зреть изволю?»
Когда услышал Гудибрас,
Что дама хвалит из прикрас
Его любимую, он сразу
Приободрился весь и фразу
Такую выдал: «Госпожа,
Да, борода хоть несвежа,
Она моя, а я из плоти,
Хоть духом вы меня зовёте».
«Не может быть! – произнесла
Вдова. – Вы раньше ремесла
Воителя не посрамляли.
Узнала вас я по детали
Одной. Но что вас привело
Сюда, какое сверглось зло
На вашу голову?» Ответил
Так Гудибрас: «Ваш образ светел
В глазах моих, тьме вопреки.
Я пал на землю от руки
Валькирии, но прежде дважды
Я победил, что может каждый

Из черни местной подтвердить».
«Я верю вам. То, что вы жить
Остались, главная удача.
В чужой победе, видно, кляча
Виновна ваша. Кто в бою
Был изувечен, на свою
Имеет бороду любую
Права. Я с вами не флиртую,
Она растрёпана, но мне
Приятней гривы на коне.
Будь стриженой она по-русски
Иль напомаженной, утруске
Подвергшись конскою ездой,
Гордиться б рыжей бородой
Вам не пришлось. Она похожа
На знамя порванное. В дожи
В Венеции произвели б
Вас с нею, сэр. Как ваш ушиб?
Верней, ушибы? Мысль об оных
Мне доставляет боль, калёных
Щипцов достойную, а столб
Позора во дворе, что толп
Любимец, вызывает муку».
Ответил сэр: «Мне больно руку
Поднять – грудная клетка как
Один раздувшийся синяк.
Боль, древним стоикам согласно,
Хоть часто и изводит нас, но
Ни хороша и ни плоха,
Как почва, а на ней соха.
Земле, возможно, больно тоже
От вспашки, как сдиранья кожи,
Но разве это не субъект
Плодов? Бессмертный интеллект,
Избавленный от всех ошибок
Людских, в сравненье с нашим, гибок,
Мы боль воображаем, он

От боли крепко защищён,
А также от любых увечий.
А, значит, разум человечий
Не может быть уверен в том,
Что боль реальна. Нам гуртом
Довлеет мнимость, сдвиг по фазе,
Тогда как боль – полёт фантазий.
Одни от них прияли смерть,
Другие перестали сметь
Воображать, и чувство боли
Прошло. Я вспомнить здесь позволю
Себе такой пример: был дюк
В Саксонии, кто так свой тук
На теле нарастил, что мышки
Прогрызли плоть его в подмышке
И ей питались по ночам,
А, может, то был задний срам.
Короче, днём он их не видел,
А ночью спал. *Id est*[171] свой выдел
Не надзирал он жировой
И жил без боли. Если б свой
Он зад узреть мог, то от рези
Ужасной взвыл бы. Не в железе
И не в дубинах боль, а в нас».

Вдова сказала: «Гудибрас,
Вы правы: кто так толст, иммунным
Быть должен к боли. Но как струнам
Душевным боль свою бороть?
Коль честь задета, в нас не плоть
Болит, а сатанеют разум
С душой». Ответил сэр: «Безглазым,
Как видели мы, не страшна
Любая боль. А честь, она
Такая штука, что ей шрамы
На пользу лишь. Нет в ранах срама.
На войнах бьют покрепче, чем

Народ дрекольем. От экзем
Страдаем мы, от пуль, от палиц.
Порой вывихивают палец
Иль руку всю вам булавы.
Дуэли часты, коль уж вы
Про честь упомянули, нé на
Мечах, а кулаках. Колена
Простреливают тоже. Тот,
Кто выжил, храбрецом слывёт,
Верней, тот, кто приял раненье.
А в Риме при освобожденье
Раба ему положен был
Удар рукой иль палкой[172]. Вил
Удар ничто. Царь Пирр силёнку
Имел ударом селезёнку
Лечить[173]. А негус[174], если кто
Из эфиопов был на сто
Процентов виноват в измене,
Его прощал и тем не мене
Сначала избивал в кисель.
Вставал тот на ноги, модель
Покорства, и царя поклоном
Благодарил, что был прощённым,
Хоть рёбер пару у него
И были сломаны. Всего
Я не припомню, как удары
Во благо шли. Тот, кто кошмары
В том видит, что обрёл фингал,
Тени бежит, как Буцефал[175].
Да, я побит, но я смиренно
Сношу побои. Как из плена
Мне вызволиться – вот, что ум
Гнетёт. Быть может, выкуп, сумм
Которого не знаю, черни
Придётся по душе, а терний
Я не страшусь. Мрак и тюрьма
Свели не одного с ума.

Бьют пушки поверху, коль ниже
Свои мы опускаем бриджи:
Намерен я удар судьбы
В дар превратить. Но вот кабы
На волю выйти, это б стало
Мне приближеньем к идеалу».
Вдова сказал так: «Вы, сэр,
Преодолели тот барьер,
Что служит большинству преградой.
Жалела вас я, но не надо
Жалеть такого смельчака.
Любить его мой долг, пока
Не станет он наглеть. Что слава
И стыд? – Восток и Запад. Браво
Вы сделали из них одно.
Раджа индийский так в окно
На казнь глядит, хотя громила
Его поклонник главный. Было
Неясно раньше мне про боль
И честь. Но коль битьё вам ноль,
Что скажете вы, сэр, про порку?
Вы помните ведь поговорку,
Что леди надо соль на хвост
Насыпать, чтоб поймать[176]. Внахлёст
Удары не страшны вам. Соль же
Из глаз ещё способна больше
Меня влюбить в вас, Гудибрас».
Признанье услыхав, потряс
Сэр мысленно руками, ими
Пригладив бороду. С такими
Словами был он незнаком.
Сглотнув возникший в горле ком,
Сэр произнёс: «Я поколочен
Был люто, но смотрю с обочин
На это всё. Мне вражий кнут —
Пустяк. Лишь страсть моя – маршрут,
Которым я идти намерен.

Я жеребец ещё – не мерин,
Мой лавр чуть подувял, но вы
Его сорвёте с головы,
Коль я не одержу победу
Над вами и в свой рай не въеду».

Вдова сказала: «Упыри
Лишь мерзкие всё на пари
Бездумно ставят. Не хотела
Я вас подначить. Мне омела
И поцелуйчики под ней
Прямого шутовства смешней.
Я не могу тому отдаться,
Кто страстью пышет. Он паяца
Напоминает. Так что вас
Я побеждаю, Гудибрас».

Ответил сэр: «Пускай доселе
Отпор давали вы постели
Совместной, это лишь каприз.
Я вас до положенья риз
Однажды доведу. Вы страсти
Своей не верите. Нет, здрасьте
Скажите ей, что, вроде ламп
У древних римлян, даже вамп
Таким, как вы, в гробах светили[177].
Любовь игра вам, так ведь? Или
Неправ я? Воздух вряд ли в грудь
Возможно сразу и вдохнуть
И выдохнуть. Нельзя любовью
Шутить. Иль так вы в участь вдовью
Свою влюбились, что вам брак
Подобен смерти? Из вояк
Нет никого, кто встать со мною
Способен рядом, бородою
Своей клянусь. Исподтишка
В брак не тяну я вас. Замка

Лишённый ключ он без взаимной
Любви. Страсть, словно лампа, дымной
Становится. В насилье акт
Любовный превращён. Мне такт
Природный не даёт, в чём *iuro*[178],
Сказать всего. Не стойте хмуро!
Насилье с женской стороны
Ещё ужасней, чем штаны
Спустить. Вам Бог дал всё, за то, что
Прекрасны вы, какого кошта[179]
Хотите вы, чтоб презирать
Мужчин и дальше? Коль вы дать
Любви не можете, хотя бы
Тот факт признайте, что вы слабы
В таком пути; позвольте тем,
Кто любит вас, познать эдем.
Коль вы шарахаться хотите
И дальше от меня, я прыти
Своей другой маршрут найду.
Нельзя достать с небес звезду,
Но можно наступить на горло
Любви, коль ту к стене припёрло».

Вдова рекла тут: «Коль вы мне
Сказали правду, что к стене
Я вас припёрла, то чуждаться
Меня должны вы. Ламентаций
Я не терплю. Любовь дана,
Чтоб мозг кружить, как залп вина».

Ответил сэр: «Ретироваться
Я не привык. В пределах плаца
Могу, но не в любви. Сказать
Не биться пульсу легче, стать
Вдруг безбородым легче, уши
Не напрягать – всё будет душе-
Полезней, чем любовь свою

Предать. На этом я стою.
Скажите мне луну струёю
Своей полить, и я устрою
Так, что её собью. Любовь
Из нас высасывает кровь,
Но если вы мне, как Омфала
Гераклу, скажете, чтоб стала
Убитого им шкура льва
Пред ложем ковриком, слова
Такие восприму приказом
Я, Гудибрас. Дубину разом
Я в прялку превращу. Был Рим
Позорищем не раз: к своим
Пылал его властитель сёстрам
Сластолюбивым жаром острым,
Блудливый жирный кардинал
С пажами в салочки играл.
Наш вождь в сенате по мордасам
Дал за распутство многим рясам[180].
Он нацию освободил
От самых масленых бузил.
Святой Франциск, кого лукавый
Пытался сбить с пути красавой,
На снежной бабе, вечно прав,
Пыл выместил, её обняв».

Вдова сказала: «Если жёны
Греховны так, то как препоны
Нам не поставил Бог, а дал
Нам развернуться, кто скандал
В себе скрывают априори?
Мы вечно то поём, что в хоре
„Всех турок против и всех пап“[181]
Воспринимается как ляп.
Зачем нас любят, если нужно
Нас ненавидеть всем и дружно?»

Ответил Гудибрас: «Препон
Возвёл Бог много. Так вам Он
За нелюбовь мстит тем, что сами
Вы по себе. В любовной драме
Вы победители, пока
Вы не влюбляетесь в быка,
Как критская царица. Страстью
Такой та вспыхнула, что мастью
В корову превратилась[182]. Есть
Такие, кто плюют на честь,
Совокупляясь хоть с гориллой,
Хоть с чёртом лысым. Блудной силой
Бог женщин наделил. Опять
Про Рим чуть-чуть. Когда гулять
На сторону бралась весталка,
Её, хоть многим было жалко,
Живой в могилу клали. Дочь
Спала с отцом[183], была не прочь
И забрюхатеть, а матроны
Со слугами сношались. Оны
Дела досель цветут, не так,
Как в Риме, может быть, но брак
Они сквернят. Любовь вне брака
Всё популярнее, однако».

«Сэр, вы огульны. Нет у всех
Таких привычек множить грех.
Вы обвиняете нас, женщин, —
Вдова сказала, – в блуде. Трещин
Виновницами в браке их
Назвали вы. Кто больше лих
Разглядывать чужие стати,
Как ни мужчина? В результате
Не верю я мужам: они
Гнилы все вместе сыскони».

Сэр возмутился: «Вы назвали

Гнилыми нас, а кто в астрале
От страсти, как ни мы? Да, нам
Привычка свойственна на дам
Глазеть, а вы зато когтите
Сердца, что в дырках все, как в сите,
От стрел любовных. Мы страдать
Привычны. Вам же наплевать
На муки наши. Мы, как угли,
Раскалены. А вы, от мук ли
Так наших возгордясь, все лёд.
Должны свою любовь мы, вод
Взамен, тушить презреньем, чтобы
Не задохнуться дымом. Кто бы
Помог нам? – Нет таких. Так скот
Геракла задом-наперёд
Ввёл Какус в свой вертеп[184]. Но сына
Зевеса не надул он. Длинно
Я говорю, но за хвосты
Любовь нас тянет в пустоты
Зиянье, как гигант тот самый.
Любовь охотничьею ямой
Грозит – как ветками с дерев,
Прикрыта жён красой и дев.
Но если мы скрепим печатью
Союз наш, и приму в объятья
Я вас, то свой оставлю раж
И буду „за“, как Альберт ваш[185]».

Вдова сказала на всё это:
«Любовь мужчин отнюдь не света
Аналог, а наоборот —
Ночь полная. Всегда расчёт
Стоит за нею. В царство мрака
Я не сойду при жизни, яко
Другие. Может быть, мошну
Решили вы набить, жену-
Богачку взяв. А страстность слога —

От дьявола, а не от Бога».

Сэр же подумал, не сказав:
«Насквозь я вижу, леди, нрав
Игривый ваш. Одною рукою
Оттолкнутой хотите мною
Вы быть, ну а другой рукой
Затащенной ко мне домой».
Потом он рёк: «Любовь без денег
Хиреет. Тот, кто молоденек,
Плюёт на это, но не нам
Притворствовать, что деньги срам.
Пусть красота цветок, но тона
Его недолгий век бутона
Спасти не может, а луна
И солнце нам дают сполна[186].
Все рыцари их ищут, хоть и
В романсах больше белость плоти
Их привлекает: чем белей,
Тем и невинней вид лилей.
По сути же, магнит объекта
В том, что богата эта некто.
Богатств всех не завоевать,
Но лишь на них прочна кровать.
А после можно половину
Свою любить, кладя на спину.
Мне надоел чин бобыля:
Есть деньги у меня, земля,
Я взял бы и жену без денег,
Но я ведь не шатун-бездельник:
Прирост мне важен. А у вас
Есть и земля, и грузность касс.
Ваш облик мне кишки все выжег,
Но я не из каких-то выжиг,
Хотя и полностью пленён
Был вами, слыша денег звон.
Прирост богатств нам обеспечен,

Идите за меня, и мечен,
Ведь *aurum potestas est*[187];
Союз наш будет, вот вам крест,
Полнейшим равноправьем. Или
Богатство вы своей могиле
Решили завещать? Пусть так,
Мы проживём: я не бедняк».

Вдова сказала: «Мне по нраву
Такая прямота. Вы здраво
Всё рассудили, чтоб любовь
Не корчить в письмах вновь и вновь,
Не падать в обморок, не биться
В петле, не думать утопиться.
Есть средство лишь одно меня
Заполучить вам, сэр: ни дня
Не ждать (я вся аж хорошею
От мысли), а хребет иль шею
Сломать себе. Ну, не в прямом,
Конечно, смысле, а чтоб гром
Раздался в здешнем кегельбане
От тел упавших местной рвани.
Коль вы не сможете, моё
Разбито будет сердце, чьё
Призванье было Гудибрасу
Отдать всех накоплений кассу.
Влюблённые сквозь тьму мытарств
Проходят и границы царств,
Чтоб получить своё, принцессу,
К примеру. Вы должны к эксцессу
Прибегнуть качеств боевых,
Чтоб доказать ко мне свой вспых.
Иначе я скажу, что дьявол
В вашей любви, как утка, плавал».

Ответил сэр: «Вы много – жуть,
Как много! – качеств окунуть

В болото черни попросили
Как доказательство, что в силе
Любить я, как никто. Воды
Я не боюсь и ради мзды
Я выплыву, как ведьма, топят
Которую. Но весь мой опыт
Подсказывает не сигать
В неё. Уж лучше вам отдать
Своих, как вы сказали, кассу
Всех накоплений Гудибрасу.
Доверье – главное. Хребет
Сломать иль шею мне обет,
Вам данный, не позволит, ибо
Я плаваю в воде, как рыба.
Готов я шеею рискнуть,
Как опытный солдат, чей путь
Тернист всего лишь за́ шесть пенни
В день, с вычетом еды, ведь рвенье
Моё принадлежит, мадам,
Вам целиком и только вам.
Иль как купец, кто вышел в море
За мздой и обнаружил вскоре
Корабль пиратский за собой.
Доверьтесь мне, пойду я в бой
За вас, мне лишь нужна поддержка
Моральная, и я, как пешка,
Пройду в ферзи».

На что вдова
Так отвечала: «Голова
Моя ценней мне вашей, всё же
Я поддержу вас, если в дрожи
Вы будете. От вас нужна
Попытка лишь. Иль вот – стена,
Побейтесь об неё башкою
Лишь пару раз, и вы такое
Сумеете свершить, что мир

Замрёт в восторге. Вас блезир
Ждёт, сэр, моей души и плоти,
Коль вы башку не расшибёте».

Сказал на это сэр: «Башка
Моя не медная, века
Назад которую скумекал
Наш незабвенный Роджер Бэкон.
И не индийская, о кость
Которой и мушкетов злость,
По слухам, плющится. Мне надо
Прежде, чем снова в эскападу
Соваться, подлечить её:
Она пережила битьё.
Но ради вас и плоти вашей
Рискну я ей среди апашей».

Вдова ответила: «Сперва
Нам нужно, чтобы голова
Осталась целой. Для того я
И здесь. Должна я небольшое
Со сбродом местным заключить
Что ль соглашенье. Ваша прыть
Чуть подождёт. На гордость, видно,
Придётся наступить. Обидно,
Но это так. Посмотрим, месть
Как велика их. Вас известь
Они б хотели. Если страстью
Пылаете вы вправду, счастью
Не тормоз это, Гудибрас.
Могу я вдвое больше вас
Любить, по здравом размышленье».

Сказал тут сэр: «Моё терпенье
Границ не знает. Гоблин, эльф —
Мне всё равно. Оракул Дельф
Иль дуб додонский[188] в предсказаньях

Так не уверены, как за́ них
Я твёрд в мной избранном пути.
Что чернь хотела б извести
Меня, я знаю. Соглашенье
В секрете будет пусть. В обмене
Меня на что-то будьте лишь
Тверды. Да воцарится тишь
Вокруг него. Луна и солнце
Скорей исчезнут, чем на донце
Окажется любовь моя.
Я ваше имя, не тая
Её, в кору деревьев врежу[189].
Я вас уже в мечтаньях нежу,
Моя не даст вам, леди, страсть
Ни преждевременно увясть,
Ни усомниться в ней. Источник
Она и юности, для почек
Полезный тоже. Пейте всласть,
Пока по вкусу эта страсть —
Вместо обычной здешней браги —
Гишпанской сладостней малаги.
Там, где проходите вы, след
Оставив, сразу роз букет
Из почвы вырастает. Специй,
Духов и пудры, коль вглядеться,
Точнее внюхаться, амбре
Дыханья вашего, в дыре
Сей даже слышного, сильнее.
Природа лучшее, что ею
Сотворено, при виде вас
Тихонько прячет прозапас.
Когда вы хмуритесь, мир сразу
Тускнеет, вашему лишь глазу
Покорный. Наша страсть народ
Любой в нём, да, переживёт,
И так, что лунные все фазы
В одну сольются».

Этой фразы
Вдова закончить не дала
И так рекла: «Мне похвала
Приятна ваша: поэтичен
Угар ваш. Но он неприличен
Моим ушам. Пусть ваша речь
Изволит вдохновенно течь,
Мне важно, чтобы шла из сердца
Она – не от ума. Стереться
Слова способны, а дела
Живут. Коль женщина смогла
На поэтическое слово
Так просто клюнуть, то основа
Её – бумажный чистый лист.
Хоть монолог ваш и цветист,
В нём правды нет. Сравнить дыханье
Со специями лишь в Коране
Возможно. Так и я могу
Сравнить его скорей с рагу
Французским, куда повар сыпет
Много чего. Ещё Египет
Рубины вместо женских губ
Воображал. Но автор глуп
Таких сравнений. Разве трещин
Нет на губах у лучших женщин?
Сравнить нас надо б с тем, на чём
Стоят все камни – с сургучом
Иль с канифолью, а не с блеском
Алмазов. В вашем списке веском
Их не было, но я к тому,
Что поэтизмы все лишь тьму
Наводят на предмет желанья.
Уста так сравнивали ране
С открытой устрицей, зубов
Где вместо – зёрна жемчугов,
А щёки с пламенным восходом,

Забыв, что жёлт он тоже. К модам
Таким поэты склонны все:
Ланиты – розы, что в росе,
Иль лилии, а лица – луны
Иль солнца в пятнышках. Их струны
Так мушки на лице зовут.
По ним, мол, высчитать маршрут
Возможно рыцаря к любимой.
Астрологи брались, но мимо
Он почему-то проезжал.
А голос наш им всем звучал
Музы́кой сфер. Должно быть, уши
Он потрясал и делал глуше.
От Пифагора так пошло,
Поэты ж сделали число
Планет бессчётным, рифмы ради.
Прозаики же им, не глядя
Вокруг, наследовали. Там,
Где пели те, звучит тамтам,
Иначе гонг. Поэты были
У нас великие по силе,
Хоть приукрашивали чуть.
Стрела всегда летит их в грудь,
Хоть целилась в гуся. Пусть пели
Все пастушки под звук свирели,
Он был как ножниц звук, когда
Те стригли опосля стада.
Поэтому всегда к поэтам
Я отношусь с приоритетом:
Их цель хотя бы высока.
Но, сэр, нет лучше вас стрелка
И так, к чему вам их оружье?
Костей оно гружёных хуже,
Что падают всегда на шесть.
Я б предпочла, чтоб эту лесть
Вы больше мне не расточали.
Свинину лучше жарить в сале

Своём, есть много средств унять
Немного страсть. Пора начать
С того, что сесть вам на диету.
Хотя, в дыру попавши эту,
Поститесь, рыцарь, вы и так,
А потому на быстрый брак
Направлены все ваши мысли.
Я вижу, вы совсем раскисли.
Брак хуже может быть дыры,
Коль щедрые его дары
Пустить на охлажденье стали,
Ещё горячей. Вам вначале
Себя потребно показать
Мне в деле, прежде чем в кровать
Вести. Благодарите Бога,
Что Он вас лишь во мрак острога
Сей бросил, а не оженил
До подвигов. Коль брак вам мил,
Гибрид дракона с обезьяной,
То дайте время мне со странной
Сей мыслью сжиться, показав,
К чему ваш приспособлен сплав.
Держите, целясь, выше дуло,
И попадёте в око булла[190]».

Вдове ответил Гудибрас:
«Я, в общем-то, уже не раз
Стрелял так. Но приказ ваш этот
Приму за честь и новый метод.
Вверху созвездья, красота
Их бесподобна и чиста».

Вдова сказала: «Равноправье
В союзе приравнять к оправе
Возможно лишь, а не к ярму.
Я знаю, сэр, что по уму
Вам уступаю, как по многим

Параметрам. Наш брак убогим
Грозится стать, коль неравны
Настолько мы. Другой жены
Достойны вы, меня умнее».

На что рёк сэр: «Для Гименея
Неравных нет. Коль в чём-то я
Превосхожу вас, то семья
Всё сгладит: поделюсь я частью
Своей любой, коль в ней я властью
Главы озолочён, чтоб ум
И доблесть с красотою, сумм
Превыше всех, слились, как это
Металлам свойственно. Монета
Мы с решкой и орлом, как конь
И всадник, если от погонь
Они уходят. Впрочем, право
Моё коня продать, а паву
Жену – никак. Так что мы с ней
Одно до окончанья дней».

Вдова, подумав, отвечала:
«С конём вы вместе, как мочало
И кожа. Вас принять к себе —
Его взять в стойло. Коль судьбе
Угодно, буду вас считать я
За близнецов. А раз вы братья,
Должна ответственность я взять
За мерина, что футов пять
До холки, и замок на ноги
Его подвесить. Коль в итоге
Продать его вам вдруг придёт
На ум, должна я знать, что тот
В руках достойных, ибо всюду
Одни мошенники. Я буду,
Коль близнецы вы, вас кормить
Отныне сеном. Зная прыть

Коня, предполагать я стану,
Что вы сбежите на поляну».

«Но я не мерин! – вскрикнул тут
Наш сэр. – За несколько минут
Я докажу вам это. Дайте
Лишь в вашей побывать кровати.
Клянусь своею бородой!
Остричь её мне, как живой
Процесс пресечь, как эмбриона
Убить во чреве. Стрижка вона
Распространилась как. Идёт
Она от женщин, кто щедрот
Природы в нашем отношенье
Не принимают. Во вмененье
Мужчинам бриться первой шла
Семирамида[191], за козла
Держа того, кто с бородою,
И лично брила, под пятою
Держа своей его башку
На камне. Я лишь то реку,
Что и кастрация оттуда
Пошла. Взгляните лишь на чудо
Сие! Разве таких бород
Сподоблен евнухов народ?
Ещё одно: не конь я. Нету
Хвоста, хоть я гнедого цвета,
Но всё ж я не о четырёх
Ногах, а двух».

Издавши вздох,
Вдова сказала: «Демагоги
Считают, что четвероноги
Мы были все когда-то. Так
В Германии один босяк-
Мальчонка потерялся в чаще.
Его пригрели волки. Вящий

Пример являл он, чуть подрос,
Того, как бегал он, что пёс
Иль волк, охотясь вместе с ними,
На четырёх ногах. И имя
У вас как у коня, и рост.
То, что отсутствует лишь хвост,
Я бы сказала, этот довод
Довольно слаб. Тут нужен повод,
Чтоб убедиться мне самой,
Что это так».

Рёк сэр: «Простой
Есть повод: дайте лишь одежду
Мне скинуть. Если нету между
Двух ягодиц хвоста, то мы
Поженимся, чуть из тюрьмы
Я выйду».

«Нет уж, храбрый витязь, —
Вдова произнесла, – женитесь,
Но не на мне. Я за коня
Не выйду замуж. Вы меня
Едва не обманули: нету
Отличий, хоть они предмету
И разному принадлежат
На теле, меж брадой до пят
Почти и рыжей и длиннющим
Хвостом, пылюку знай метущим.
Разве же хвост, как борода,
Не украшенье тел? Тогда
Вы конь и есть. В телах обоих
Они цветочки на обоях,
То бишь орнамент. Не хочу
Принадлежать бородачу
Такому я. Обрейтесь или
Не быть нам вместе. Иль к кобыле
Ступайте. Люди говорят,

Что принц Камбейский[192] лягушат
Ест, а потом щитковой коброй
Закусывает. Парень добрый
Он, но когда в одну кровать
С принцессой он ложится, рвать
Ту начинает всю от вони.
Ничем его не лучше кони.
Уж я скорей с ним лягу, чем
С вонючей бородой».

Сэр всем
Напрягся телом: «Коль природа
Благоволит ко мне, то хода
Обратного мне нет. Руда
Моя большая борода
И этим мне ценна. Не сбрею
Её я. Но коль вы на шею
Уже накинули петлю,
Я вас, сударыня, молю
Похлопотать об избавленье
Моём из плена. Промедленье
Любое лишь усугубит
Мой неприглядный внешний вид».

Вдова ответила: «Мне больно
Таким вас видеть в этой штольной
Тюрьме. Когда б я знать могла,
Что делать мне, чтоб вас от зла
Избавить, сделала давно бы.
В романах рыцарей зазнобы
Из тюрем избавляют, где
Те пребывают, о еде
Лишь думая и о любимой.
Обычно колдовство со схимой
Такой вторгается в их быт.
Чем ещё рыцарь знаменит,
Как не от чудищ дам спасая?

Но чтобы женщина простая
Его спасла, такого нет
Ни в песнях, что строчит поэт,
Ни во французских, сэр, романах,
Которых море филигранных.
Пожалуй, я нарушу сей
Порядок и своею всей
Налягу силой на запреты
Быть не принцессой, что поэты
С прозаиками в мир ввели.
Честь ваша чуточку в пыли
Пообваляется, но тело
Зато спасётся. Было дело:
Храм Чести в Риме не имел
Дверей, и выйти за предел
Тюрьмы вам не удастся с честью.
Хочу я ошарашить вестью
Такой вас: чернь готова из
Дыры вас выпустить, но приз
За это – яростная порка.
Что ж, выбирайте: иль каморка
Без света и еды, иль кнут,
Которым скот они секут.
Но вспомните, что порка – это
Мать добродетели, поэта
С учёным выведшая в мир.
Без порки их ориентир
В нём вряд ли бы сформировался,
Судьбы их судна б сбились с галса
Без розог иль ремней. А честь
Восстановилась, когда десть
Они бумаги исписали.
Потом их лаврами венчали
И в робы облекли. В любом
Из мест теперь есть ладный дом,
Где магистрат живёт, без порки
Оставшийся бы в прежней норке.

Придётся вам спиной стерпеть
С узлами кожаную плеть
И пострадать, как все страдали,
Кто выдающимися стали.
Всё обойдётся, нужно вам
Быть сильными. Я здесь, чтоб хам
Какой-то не припёрся с тем же
Условием. Мир светел, темь же
Лишь временна. Я ваш залог,
Ваш выкуп. С подпола замок
Сниму я тотчас, но должны вы
Мне слово дать, что перспектива
Быть поротым вас не страшит,
Что явитесь вы без обид
На чернь к ней сами. Не могу я
Присутствовать на ней, ликуя,
Как все, – мне стыд мой не даёт.
Когда натешится народ,
Я вас приму в свои объятья.
Если судьба такая сватья,
А брак иль виселица нам
Даются Богом, то не срам
И порка, разве нет? Какое
Есть средство на земле другое,
Чтоб охладить любовный пыл,
Чтоб муж с ума не посходил?
Страсть ведь мальчишка, какового
Поэты возвели в святого
Почти. Царь Персии порол[193]
То море, где цветок расцвёл
Венеры, та же вам мальчишку
И родила, что страсти вспышку
В нас провоцирует. С тех пор
Так славен розмарин, что спёр
Своё названье у *ros maris*[194],
Среди любовников. Ударясь
О наковальню, тяжкий млат

Лидийский и фригийский лад[195]
Поддерживает. В порке свисты
Бича не так уж голосисты,
Но тоже выдержку куют,
Ведь млату подражает кнут.
К тому ж процесс весь в сердце дамы
Вселяет страсть к страдальцу драмы.
Сей способ более прямой,
Чем тосты с женской жрать канвой;
Чем имя выкликать подружки,
К пивной прикладываясь кружке;
Чем клясться кончить жить, хотя
Всё это ложь; чем слать, шутя,
Ей апельсины из Китая,
Чтоб сердце тронуть; чем, мечтая
О встрече, подкупать слугу,
Чтоб в спальню влезть; чем на бегу,
Чтоб ревность возбудить, – как шкипер,
Со шлюхой переспать и триппер
Схватить; чем, мучаясь за прыть,
Галлоны пить, дабы отлить.
Страданье, что я предлагаю,
Ведёт вас, сэр, к земному раю,
То бишь ко мне. Всяк рыцарь, прям,
Как в тыне жердь, страдал за дам:
Так за инфанту из Тобосо
Страдал Кихот, кто шлялась босо[196];
За Изабеллу так паша
Пошёл в рабы, с ней быть спеша[197],
Его, чей к власти путь не краток,
Как кожу мяли для перчаток;
Так Флорио позор стерпел
За Бьянкофьоре, юн и смел[198]:
Его пороли, и от розог
Зад был его всё время розов;
Так леди мужа за дела,
Хоть был тот лордом, иссекла[199]:

За политические взгляды
Он был наказан – до упаду
Его хлестали, привязав
Ко спинке ложа. Он неправ,
Конечно, был, но за воззренья
Свои страдал. Клянитесь тенью
Отца, что стерпите бича
Удары, и я, горяча
От страсти, стану после вашей».

Ответил сэр: «Клянусь той чашей,
Которую испил Господь,
Смириться с чернью, что пороть
Меня решила. Коль цунами
Не встречу я, не быть мне с вами».

«Аминь», – произнесла вдова
И кликнула служанку. В два
Явилась счёта та и подпол
Открыла. С Гудибраса пот пал
Обильный наземь. Солнце уж
Садилось. Есмь не тот я муж,
Кто вам напишет, что во взоре
Вдовы был скрыт магнит все зори
Притягивать к земле. Луна
Потом взошла, вуаль она
С лица вдовы рукою страстной
Приподняла, что лик прекрасный
Таила от пытливых днём.
Она отсвеченным огнём
Во тьме сияла, днём же тенью
Лица скрывала выраженье.
Лучи как будто не луны,
А собственные – из казны
Лица все были. Темень – то, где
Все лица вымазаны в дёгте,
Но не её. Пайетки звёзд

Тут замигали. Где-то клёст
Защёлкал громко. Сном объятый,
Стал мир наш весь пассивной ватой.
Наш сэр решил ждать утра, чтоб
Под бич подставить свой салоп,
То бишь накидку Труллы. В этом
Он дорожил своим дублетом.
Короче, он решил поспать,
Хоть спал уже полдня, опять.

Песнь вторая

Краткое содержание:
Наш сэр и сквайр его в горячем
Схлестнутся споре, что удачам
Их встанет поперёк. Они
Почти порвут. Род западни
Возникнет вместе с иксом. Еле
Они спасутся с дрожью в теле.
Как сводня любит бренди, так
Иные любят спорить. Шаг
Один вперёд, и вы в разгаре
Дискуссии. Нет, чтобы в сваре
Не принимать участья, «тпру»
Сказав себе. Вот так в толпу
Всех тянет скрипачей – уменье
Продемонстрировать и в жмене
Её держать. Ни правды, ни
Лжи ради, а лишь трепотни
Ведётся спор обычно, боксом
Являясь, чтобы парадоксом
Сразить противника, коль он
В нём упирает на резон.
Так лезли к пчёлам прямо в улей
Ван Гельмонт, Уайт, Монтень и Туллий[200].
Последний Стою поддержал,
Что утверждала, нет начал
Духовных, добродетель, *ergo*[201],
Телесна, словно в сотах перга[202].
А, значит, *bonum*[203] – это зверь,
Каких и не найдёшь теперь.
Когда-то тыща, под сей портик
Сошедшихся, была на кортик
Нанизана, лишившись глаз,
Носов и прочих выкрутас

Природы в нашем бренном теле[204].
Последователи хотели,
Видать, таких же страшных мук.
Наш сэр и сквайр схватились, пук
За пуком стрелы выпуская
Друг в друга. Битва шла такая,
Что мне придётся вам её
Здесь привести, презрев лганьё.

Уж солнце встало, вся природа
Вдруг стала красной, словно в воду
Кипящую – чернее хмар
Опущенный папист омар[205].
Наш сэр продрал глаза, хоть плохо
Он спал, от аха и до оха
Всё перепробовав. С земли
Поднялся он. Уж кобели
Извне разлаялись. Он полон
Решимости был (грязный пол он
Проигнорировал) предстать
Пред чернью местной и принять
Бича удары, в чём поклялся
Вдове. Но прежде рыцарь взялся
За Ральфо, и его потряс,
Кто спал, за плечи Гудибрас.
Тот тут же встал, глазищи пуча.
Обычно авторы, чтоб лучше
Характер описать, дают
Нам полный рыцарей маршрут
В их приключениях. Но знать я
Не знаю, где Морфей объятья
Свои раскрыл им, только враз
Наш сквайр и храбрый Гудибрас
Вскочили на коней и к замку
Помчались. Обещанья лямку
Тянул наш сэр, как только мог.
Но вдруг остановил свой скок

И раза три ударил пó лбу
Себя, узрев как будто колбу
И духа из неё, начав
Иезуитствовать[206], хоть брав
Он был вполне. Он рёк: «Что хуже,
Нарушить клятву или вчуже
К ней отнестись? Кнута замах
Не страшен мне, но дело швах
Моё великое, коль черни
Я волю дам, что лишь в таверне
Смела вот так. Что меньший грех —
Уйти иль сдаться? Обо всех
Деталях я не думал как-то.
Не заключал я с чернью пакта.
К тому ж вдова хотела, чтоб
Я их тела в охапку сгрёб,
И лишь потом мне предъявила
Их ультиматум. Тут чернила
Нужны бы были: расписать
По пунктам всё. Обмозговать
Мне надобно сию проблему,
Чтоб не нарушить всю систему
Своих воззрений. Что ты, Раф,
Считаешь, прав я иль неправ?»

Ответил Ральфо: «Если дали
Вы шанс мне высказаться, я ли
Тот человек, кто, видя ваш
Спор внутренний, свой арбитраж
Посмеет предложить? И всё же
Скажу, что думаю. Похоже,
Аффирмативный дать ответ
Могу на „да“ я против „нет“.
Вопрос открытый: тело порке
Подставить или, сбив подпорки
Абсурдной клятвы, избежать
Её? Но прежде: разве мать

Порола вас? Ещё вопросец
Который я, оруженосец,
Задать обязан. Кто из двух
„Я“ ваших: внутреннее, дух
Иначе, или тело, внешним
Являясь „я“, – мирволит здешним
Порядкам? Их обычно спор
Между собой на драку скор,
Нет, не в прямом дурацком смысле,
А в спиритическом. Вы скисли,
Я вижу, но продолжу. Грех
До ссоры допускать их. Цех
Их вырабатывает средства
Самозащиты прямо с детства.
Им поклоняться всё ж нельзя,
Как делают индусы, чтя
Богов своих, что многоруки.
Идти на порку, чтобы муки
Приять и ни за что, – абсурд.
Лишь христиане, сбившись в гурт,
Себя секут, считая это
Очисткой перед концом света.
Хотите вы пристать к гурту
И обрести вновь чистоту?
Но вы ничем не замарались,
Как говорит мне мой анализ.
Священны зад наш и спина,
Позорить их бичом – вина
Пред Богом, вовсе не спасенье.
Язычество всё это, жженье
Кнута – для стад, а не людей.
Что с вами чернь сия ни дей,
Всё будет святотатством. Тему
Давайте сменим и проблему
Затронем клятвы. Для святых
Проблемы этой нет, ведь их
Всё время клясться заставляли,

Что против цезаря те швали
На бунт не будут поднимать.
Все клятвы – лишь слова, печать
Из тающего воска это.
Они лишь тени, что к скелету
Относятся условно. Он,
Коль гол, от них освобождён.
Хоть ваша церковь с нашей – аки
Чернь с белизной, вы не двояки,
Как раньше я спросил, а той
Сияете вы чистотой,
Как реформаторства святые
Сияют лишь. Нет, вашей вые,
Сиречь спине, склоняться пред
Никем нельзя. Святые бед
Хлебнули много, но ни разу
Не уступили. Я эмфазу
Употребляю, чтобы вам
Смысл рыцарства и орифламм[207]
Его стал виден без тумана.
Святым не ведом трюк обмана,
Они клялись, не зная, что
Они святые, в решето
Небесное им вход расширен
Был изначально. Райский сирин
Поёт и так им. Но опять
Вернёмся к клятвам. Если знать
Они не знали недержаний
Клятв, то лукавый всех спонтанней
В даванье их. А, значит, нет
Греха нарушить свой обет.
Ещё одно: коль он не ради
Был пользы дан, то не в накладе
Никто. Давались клятвы ведь
И Провиденью, вряд ли треть
Была их выполнена. Те, кто
Клянутся Господом, ту секту

Собою представляют, что
Дух возглавляет. Коль лото
Ложится против, значит, Духом
Святым глаголано над ухом
Отринуть клятву. Кромвель ваш
На это скор[208]. Изрядный стаж
Таких вот клятвопреступлений
Толкуется, как «встать с коленей».
И разве лучшие из вас
Не слушали лишь свыше глас,
Иначе совесть, как и ране
Отвергнув в корне обещанья?
Я, может быть, вас разозлю,
Но все давали королю
Присягу, а, войдя в парламент,
Мгновенно рушили регламент,
Из-за чего и началась
Война: кровища, пот и грязь.
И разве не тот факт, что клятвы
Исчезли, фактор бранной жатвы?
Не пуритане ль все клялись
Вначале защищать, как жись,
Религию, что реформаций
Была плодом, чтоб отказаться
Потом от клятв, доктрину всю
Лишь в пользу изменив свою?
Разве не ваши пуритане
Клялись, что подняли восстанье
В парламенте из фракций для
Защиты большей короля?
И чем всё кончилось? Неряхой
Стал он в боях, а после плахой
Свой век недолгий завершил.
Вы засосали, словно ил,
Страну всю в клятвонедержанье.
Был Эссекс генералом, в бане
Кровавой побеждённый. Вы,

Вернее Кромвель, из главы
Всей армии его сместили,
И оказался он в могиле[209].
Не вы ль клялись ему во всём
Повиноваться? В боевом
Он смысле был всех прочих лучше,
Но отреклись вы, чтоб до кучи
Списать и Эссекса. Так вся
Война была, лишь боль неся,
Сплошным от клятв отходом. Кромвель,
Рифмуясь со словами ром, ель,
Парламенту божился, что
Ему он верен. Шапито,
А не парламент. Яму вырыв
Для красных преданных мундиров[210],
Он клялся, что употребит
Их для бунтов[211], а после щит
И меч свой поднял против «гласа
Народа», так что весь тот трясся.
Короче, клятвы хороши
Для очень слабенькой души.
Если общественное благо
Плюёт на них, то разве вага
Их существует для персон
Отдельных, вроде вас? Закон
Для тех, кто презирает пользу
Общественную, так ведь? Рóль злу
Большая в нём отведена,
Поскольку всё идёт война.
Роль клятв – держать людей достойных
В узде, а грешных, кто на войнах
Не полегли, в загоне, как
В законе предписал вожак.
Святые – это те же пэры,
Но только средь небесной сферы,
А пэры все клянутся на
Завете чести. Ей вольна

Распоряжаться пэров клика
Как вздумается. Это дико
Звучит, но нарушенье клятв
Для них естественно, как кляп
Во рту у всех других. Допустим,
Писанье служит узким устьем
Для вплытья в рай. Дано святым
Пренебрегать, коль надо, им
И толковать его в согласье
С желаньями, что прочей массе
Запрещено. А почему?
Мы не отсталей по уму.
Взять квакеров[212], кто чтут Писанье
Меньше Святого Духа. Тщанье
Не позволяет клясться им,
Поскольку Тот непостижим.
Для них всегда большая рана
«Башку расквасить Присциана»[213],
А потому для них не ляп,
А грех большой сниманье шляп[214].
Итак, им клясться не пристало.
Ослы так даже коновалу
Не подчиняются, хотят —
Идут себе, а нет – стоят.
Но это лишь непониманье
Того, что совесть есть Писанье,
Всё остальное в нас и вне
Лишь царство дьявола, зане
Святые совесть чтили выше
Всего, что есть под звёздной крышей.
Деяния людские суть
От дьявола. Пора кивнуть
Вам, сэр, поскольку те, что совесть
В нас одобряет, «наше всё» есть.
Настань второй потоп, и мы б
Исчезли, превратившись в рыб.
Нет зла, которого б не знали

Святые, находясь в опале,
Но то, что благость есть в одних,
В других есть зло, что бьёт под дых[215].
И не смешно ль, что совесть вето
Кладёт и на святых? На это
Магглетоняне[216] скажут нам,
Что церковь никакой не храм,
А лишь сообщество, что Богу
На нас начхать совсем, хоть много
Молись, хоть вовсе нет, что Он
Придёт к нам лишь в конце времён.
Они вне этики, в Завете
Нам явленной, но впрямь как дети.
Мы все лишь заняты одним:
Уесть другую церковь. Зрим
Мы лишь чужие недостатки.
Заканчиваю. Будут кратки
Мои последние слова:
Вера лишь совестью жива,
Которой нет у многих, значит,
И веры нет. Они свинячат
Так коллективно, что метать
Пред ними бисер – зло опять».

Ответил сэр: «Всё правда. Только
Не всем положена настойка
Из откровений, потому
Влекомы люди все во тьму.
Иезуиты так, к примеру,
Внедрить хотели хитрость в веру[217],
Чем пуритане англикан
Берут, коль церковь их дурман
Кладёт сонливый на лопатки.
Про клятвы. Все они в зачатке
Двояки. Если клятву дал
Муж раненый, то криминал
Гораздо меньший будет, коль он

Её нарушит, ибо болен.
Так лук натянутый в руках
Ломается, коль силен жах
Пред целью. Тот, кто по охоте
Своей дал клятвы, в здравой плоти,
Их вдруг нарушит коль, – не тот,
Кто воленс-ноленс[218] их даёт.
Как таковая клятва силой
Не обладает, а зудилой
Становится ума, когда
Нарушена лишь. Разве мзда
Положена за то, что некто
Поставил силу интеллекта
Превыше предрассудков? Коль
Нет силы в ней, тогда позволь
Сказать мне, что на то обеты
И существуют, чтобы вето
С души снимать. Коль муж в тюрьме,
С него брать клятвы, кто в дерьме
Находится, не то, что дать их,
У воли находясь в объятьях.
Раввины пишут, что, коль муж
Дал клятву Богу, но свой гуж
Тянуть не в силах, три еврея
Имеют право, слабость зрея,
Освободить его от сей
Тяжёлой ноши. Не еврей
Я, Раф, но целиком за эту
Душеполезную диету.
И разве два святых не то,
Что три еврея, да хоть сто?
Суд совести быть должен признан
Верховным, чтоб на всё сквозь призму
Смотреть её, чтоб каждый суд
В стране согласовался тут.
Пусть *ex officio*[219] отныне
Уйдут, как глечики на тыне,

Чтоб не наказывать свиней
За их битьё. Судам видней,
Кто сводни, воры и отлыги,
Кто состоит в бесовской лиге,
Кто портера не цедит всклянь[220],
А так их дело, в общем, дрянь.
Суды идут на перерывы,
Когда дела сложны иль лживы,
Так почему бы иногда
Не отдыхать нам от стыда?
Верховный суд решил, чтоб люди
Во фразу *ede, bibi, lude*[221]
Внесли коррекции, как тот
Или иной судья сочтёт
Необходимым, одевая
Парик свой[222]. Отчего ж восьмая
Из заповедей[223] до сих пор
Им не отменена? Упор
Я делаю на то, что судьям
Заняться стоит словоблудьем.
Если пойдёт и дальше так,
Закон ареной станет драк,
И всяк лепить его решится
По своему подобью. Жрица,
Кто ведьма нынче, так вот воск
Употребляла, руша мозг
Булавками, коль те торчали
Из головы[224]. Пора нам *vale*[225]
Сказать верховному суду,
Что сеет эту ерунду.
О совести ведь он нескоро
Задумается. Он жонглёру
Подобен, кто добро и зло
Подбрасывает вверх. Зело
Самонадеян, он в бутылках
Нам ветер продаёт. В ухмылках
Лапландских ведьм такая ж суть:

Народ нетрудно обмануть[226].
Фаворитизм, страх, взятки, горы
Монет выносят приговоры
Вместо людей. Как мореход
Менял бы курс, каким плывёт,
Плюя на ветер, так все судьи
Закон меняют, глупость грудя.
При половодье дамб порой
Лишаемся мы, под водой
Оказываются строенья,
Что воду сдерживали. Пеня
С природы невозможна, но
И тирания так же дно
Сухое заливает круто
И все хоронит институты.
Разве не судьи все клялись
Её сдержать недавно, ввысь
Взирая, руку на Завете
Держа? Неужто клятвы эти
Забылись, и теперь любой
Свидетель, даже пусть слепой,
Достаточен для приговора?
Свидетели – часы, что споро
Иль медленно идут, как «тик»
И «так» настроил часовщик.
Коль врёт свидетель, значит это,
Что клятвы, даже коль Завету
Они принесены, суть чушь.
Не настроение ль чинуш
Влияет на вердикт, к закону
Не относясь? Мы безоконный,
Бездверный подвижной костяк,
Не правда ль? Подглядеть никак
В нас невозможно, все секреты
Выбалтываем мы. Заветы
От нарушений клятв, как зрим,
Не защищают. Коль прижим

Людей давать их заставляет,
То это дело всё меняет.
Кто добровольно не давал
Клятв, тóт их и не нарушал.
Понятно это божьим людям,
А злых мы убеждать не будем.
Коль чернь мне не отчистит честь,
То нечего к ней даже лезть.
Честь алхимическую грушу
Напоминает[227]. Коль обрушу
Удар я на стеклянный низ,
Она удержится, что ни с
Одною колбой не случалось.
Но если сверху, даже малость,
По груше тюкнуть, то она
Взорвётся. Дóднесь ни одна
Теория не объяснила,
Как так. Но высоко светило».

Тут Ральфо рёк: «Честь – то, чем лорд
Любой клянётся, ею горд[228].
Для всех других она лишь дырка
От бублика, верней подтирка
Иль бородавка, что растёт
На коже. Так наш мнит народ».

«Считай, как хочешь, но для лорда, —
Ответил Гудибрас наш твёрдо, —
Честь это всё. Народ ведь глуп
И тёмен. Самогонный куб —
Предел его ума и знаний.
От порки честь до оснований
Потрясена, но дело тут
В том, Раф, что ты как субститут
Мне послужить спиною вправе».

Ответил Ральфо: «Это даве

Так было, правила могли
Перемениться, сэр. Врали́
(А кто ж другой?) вам подсказали
Такую мысль. В сём ритуале,
Бывало, грешник заменял
Святого. Часто суд вменял
В вину тому, кто чист, другого
Злодейство. Приключилось, к слову,
Такое в Новом Свете. Был
Повешен там старик, кто хил
Был очень, вместо молодого,
Кто кражу совершил. Обновы
Юнца надели на него
Лишь перед смертью[229]. Воровство
Теперь карают так. Иль случай
Недавний. Жил сапожник лучший
В одном из поселений там,
В Писанье силен, в действах прям,
А сапоги тачал такие,
Что все ходили в них, грудные
Лишь дети не носили их.
Так вот сей брат свой гнева вспых
Не смог сдержать, во время мира
Убив индейца. Дорог клиру
Сапожник был тем, что тачал
И многих в вере поучал.
Убил за что? За то, что рожей,
Видать, не вышел краснокожий,
Язычеством уж больно в нос
Всем тыча. И пришёл запрос,
Тут понимайте, как хотите,
От доблестного Туттамитти[230],
Вождя индейцев, что, мол, вновь
Война начнётся, если кровь
Останется неотомщённой.
Ссылаясь на статью закона,
Он требовал чеботаря

Повесить. Рвением горя
Уладить это, но и сына
Не выдавать, пришла община
К решенью: местного ткача,
Кто после мук паралича
Держался еле, вздёрнуть вместо
Сапожника, что в виде жеста
Их доброй воли заодно
И было осуществлено.
Такие там царят разборки,
А вы, сэр, о какой-то порке
Волнуетесь. К ней, в общем, все
Философы (про медресе
Не говорю я даже), в силе
Зло различать, благоволили».

«Довольно, – рёк тут Гудибрас, —
Мне многое ясней сейчас:
Готов на смерть ты, но не спину
Подставить, чтя свою доктрину.
Ex mero motu[231] не готов
Ты к ряду новых синяков.
«Я» внешнее твоё желало б
Избечь любых на порку жалоб,
Хоть кнут способен все грехи
Повыбить даже из дохи».

«Вы ошибаетесь, хозяин, —
Рёк Ральфо, – не хочу охаян
Быть братьями я лишь за то,
Что новое сгубил манто[232]:
Кнут ведь порвёт его на клочья.
Где видано, чтоб полномочья
Хозяина перенимал
Его слуга? Ведь лезть в оскал
Судьбы униженно и кротко —
Как галльскую схватить чесотку

После соитья. Что же до
Грехов, то в них ещё никто
Не признавался сам, а, значит,
Кнуту природа фордыбачит.
Хоть часто мы себя казним
За сделанное, вряд ли сим
Мы грех свой признаём буквально.
По-папски это как-то – в мяльню
Запихивать другого, чтоб
Тот повредил свой эскалоп.
Так школьники лишь сносят розги,
Чешась или роняя слёзки.
Но в случае, коль я займу,
Сэр, ваше место, никому
От этого не будет счастья:
Чернь хочет ведь филейной части
Лишь вашей. Хоть я не боюсь
Быть поротым, всё это гнусь».

«Тогда я учиню экзамен
Тебе, – сказал наш сэр, – весь пламень
Вложу я, Раф, в твой конский кнут.
Ты устоишь ли, наглый плут?»

Ответил Ральфо: «Лучше вас я,
Сэр, выпорю, ведь я согласья
На порку не давал, а вы
Давали. Всё идёт, увы,
К тому и так. Для тренировки
Сгодится это. Вы ведь ловки».

Сказал тут сэр: «Ничем тебя,
Как вижу, не пронять. Грубя
Ты отвечаешь мне. Хоть разум
Тебя не убедил, отказом
Своим меня ты не смутишь.
Заставлю я тебя, и шиш

Ты скажешь что, пусть нам расстаться
Придётся. Хуже святотатца
Себя ведёшь ты. Я ведь зрящ:
Дрожишь ты за свой новый плащ.
Принять за рыцаря удары
Обязан сквайр, коль хочет пары
Соединенья: я вдову
Заполучу тем самым. Рву
Меж нами ты конец положишь,
Коль мне своей спиной поможешь.
Для наших хорошо церквей
Пожертвовать слегка филей.
Коль ты откажешься, с тобою
Мы разойдёмся и с такою,
Причём, враждой, что нам не быть
Друзьями больше».

«Сэр, дружить
Важней мне с вами было плоти, —
Так Ральфо заявил. – Пожнёте
Вы то, что сеете. Разгон
Вы взяли, как Зелёный Джон[233],
Но я насилью не позволю
Мне ущемить хоть в чём-то волю.
Вам наша ссора не даёт
Прав никаких держать за скот
Меня. Принадлежит мне *bona*[234]
Навек. Вы – как епископ Боннер[235],
Который наших сёк святых,
Но я не дамся, ибо слых
Пойдёт об этом тотчас всюду.
Негоже вымещать причуду
Свою на верном сквайре. Вас
Прошу, одумайтесь, фугас
Пока не разорвался. Наши
Хоть и враждуют церкви, каши
Такой заваривать не след.

Хлебнёте вы немало бед,
Коль к лобному свернёте месту.
Вас будет некому из теста
Сего вытягивать. Синод
На помощь точно не придёт.
Его все члены, кто брудасты
Как на подбор, не бросят касты
Своей, плюс вычурны они,
Индийским пагодам сродни.
Они утопят, как котёнка,
Вас, сэр, – такая работёнка.
Вы чокнутый для них, юрод,
Отживший век свой, иль приплод
Той Валаамовой ослицы,
Что вдруг смогла разговориться».

На этом сэр наш посерел,
Как пепел. Ральфо оглядел
Внимательно, дрожа всем телом,
Потом лицом стал покраснелым,
Словно огонь, и так сказал:
«Я в плен был взят однажды, ал
От вражьей крови. Не хотели
Меня менять, но бочку эля
Всё ж приняли как выкуп. Был
Я слишком ценен, до стропил
Их головою доставая[236].
Они боялись, что кривая
Моей судьбы их погребёт
Всех под собой. А идиот
Полнейший нынче мне лупцовку
Устроил, и причём так ловко,
Что я сперва не понял: он
Лишь провокатор иль морон[237].
На церкви вот такие шавки
Растут, как будто бородавки,
И, словно в ране червяки,

Гниенье создают-таки».
На этом Гудибрас (позорно
Писать об этом даже) взор на
Свой меч направил и извлёк
Его из ножен. Ральфо вбок
Скакнул и свой достал мгновенно.
И стала бы кровавой сцена,
Не разразись тут страшный шум,
Блокировавший всякий ум.
Решили оба, что их кто-то
Решил атаковать, без счёта,
Согласно шуму, шло бойцов
На них двоих со всех концов.
Они (мне стыдно выраженье
Такое) испугались тени
Даже своей, и хоть вдвоём
Готовы были к бою, гром
Стоял такой, что лучше было
Сбежать. Вскочил наш сэр-верзила
На буцефала, сквайр свою
Кобылу оседлал, чтоб в прю
Не вмешиваться, ибо это
Уже не порка, а вендетта
Кого-то им двоим была.
Из леса тут, из-за угла
То бишь, рога раздались, своры
Собачьей лай, за ним шумёры
Шли, то есть егери, а звук
От барабанов, их тук-тук,
Казался градом, бьющим в крыши[238].
На этом Гудибрас наш рыже-
Бородый придержал коня:
Напоминало всё, звеня
И грохоча, триумф, что в Риме
Происходил. В сей пантомиме,
Озвученной столь громко, он
Не видел стержня, весь трезвон

Впустую был, как будто. Тут он
Узрел повозку, в коей Тутон-
Хамон мог ездить. Шло за ней
До чёрта жилистых парней.
Кто был внутри, он не увидел,
Но поражал роскошный выдел.
За ними всеми ехал на
Коне гигантском, скакуна
Срамящем всяческого, некто
С трубой огромной для комплекта.
Волынок вслед раздался вой,
Что был поддержан сей трубой.
Их тон, без игрека и зета,
Был грязен, как пары клозета,
Иль как визжание свиней,
Которых режут, – нет, шумней.
За ними провезён в корзине
Инкогнито был, образине
Подобный, ну а та зерна
Была на трети две полна.
Его он черпал и для птичек,
Видать, разбрасывал, раскидчик.
За ним на клюсе, что рога
Имела, двигался слуга,
Неся железную перчатку
И шпоры золотые. Шатко
Сидел он на коне, в другой
Руке он меч держал нагой,
Но только долу рукоятью.
За ним трусил в военном платье
Сам вексиллярий[239], а штандарт
Был нижней юбкой. Экий жарт!
За знаменосцем амазонка
Шла, то есть ехала: хоть звонко
Копыта били, тет-а-тет
Она с хвостом была, а вслед
Ей двигался солдат. Оружьем

Веретено ей было. С мужем
Сим, продолжавшим семенить,
Она пряла, держал он нить.
Вокруг неё бежали целой
Толпой глашатаи с омелой
И с факелами слуги. Пол
Её был женским, но сэр счёл
Его мужским – подобьем Спора
Неронова[240], или для спора
Папессы Иоанны[241] суть
Он мог бы здесь упомянуть.
Время от времени галдела
Толпа, но вряд ли ради дела.
Гнела его идея фикс,
Что был в повозке важный икс.
Так иль иначе, наши двое
Мечи убрали и в покое
Сидели в сёдлах. Гудибрас
Не выдержал и подал глас,
Что был исполнен критицизма
На счёт такого кретинизма:

«Не видел в жизни я своей
Процессии её глупей.
Языческой она подобна,
О коих нам жужжат подробно
Античных авторов рои.
Они в писания свои
Внесли детали сходной сходки.
Триумфы в Риме были чётки:
Вёз в колеснице генерал
Раба, кто нагло повторял
Memento mori[242]. Здесь же нету
Сего, но женщина валету
Даёт с ней прясть. Был римлян миг
Победный вешаньем туник
В виде значков ознаменован.

А здесь штандарт – взгляни, каков он! —
Простая юбка. Греки, те
Несли с собою в тесноте
Рядов во время всех мистерий
Простые яйца, но в их вере
Мистический был в этом смысл[243].
А здесь один, совсем закисл,
Швыряет яйца оземь. Судя
По вони, что вдыхают люди,
Они протухшие совсем».

«Я, – Ральфо отвечал, – не вем,
К чему всё шествие. Хотя бы
У римлян не сидели бабы
Лицом к хвосту, зато мужей
Бивали часто. Им бичей
Взамен был бычий член, хоть дико
Нам это – кнут из чекалдыка.
Как кролики, их жёны пол
Меняли[244]. Когда муж был гол,
Его имели, как корову,
Так что рога совсем не ново».

Сказал наш сэр: «Откуда взял
Ты это всё? Такой накал
В семье был вряд ли свойствен Риму.
Быть побеждённым их режиму
Не представлялось чем-то вон
Из рук. Коль бит и побеждён
Был генерал, все горевали,
Но не был тот за то в опале.
При этом не могла их рать
С полей сражения бежать,
Не давши бой, а коль сдавалась,
Изменой то у них считалось.
Что ж до процессии, она
Пародия на времена

Античные. Триумфов вместо
Были овации. Им Веста
Ещё мирволила, и их
Купить за гору золотых
Возможно было. Означала
Овация, что крови мало
Пролито, что завоевал
Легко победу генерал
Иль убеждением, иль криком.
В курульном кресле он на диком
Сидел там Тибра берегу,
Потом въезжал в него. Могу
Его сравнить я, Ральфо, с дожем
Венецианским, кто похожим
Был занят ритуалом, в брак
Вступая с морем[245]. Море так
Послушней становилось многих
Их жён. Но правил этих строгих
Обряд идёт аж с тех времён,
Как оседлала Зверя трон
Та вавилонская блудница,
Про кою в Книге говорится,
А Рим продолжил лишь. Обряд
Языческий ведёт нас в ад,
Святым[246] остерегаться нужно
Таких процессий, Ральфо, дружно.
И мы, чтобы сию пресечь,
Сейчас же обнажим свой меч».

Сказав всё это, сэр направил
Коня в толпу. Он на́ кон ставил
Свою и Ральфо жизнь. Хотел
Пробиться к главарю он, смел,
Как никогда. В толпу заехав,
Он дал ей знак молчать, доспехов
Её не побоявшись. Та
Замолкла враз, а сэр уста

Свои отверз и рёк: «Что значит
Всё это шествие? Маячит
В нём конь с рогами. Мне теперь
Ясней, как вавилонский Зверь
Мог выглядеть[247]. А эта дама
И есть блудница: ладно б прямо
Она сидела, так ведь нет,
Лицом к хвосту, а конь-то блед.
Всё шествие сие – Писанья
Затменье солнечного, а не
Простой парад. Его масштаб
Похож на вынос римских пап,
На ход Антихриста, на что-то
Не наше с привкусом киота.
Всё для того здесь, чтобы жён
Позорить, кто, как воскрешён
Был наш Спаситель, увидали
То первыми. Вы всякой швали
Набрали, чтоб срамить их, нам
Кто ближе всех. Когда Бедлам
На площадь хлынул, жёны ложки
Несли, чтоб мы купить картошки
И ружей бы могли для сил
Вооружённых, вместо вил.
Мужья их новыми святыми
Вмиг становились, пав во имя
Любимой церкви. Люд избрал
Себе епископов из фал
Осадных, их мотивы были
Дать власть ему и изобилье.
Да, жёны грабили мужей,
Ведь церковь им была важней
Всего, а серебро и злато
На нужды нового прелата
Шли долго. Так парламент смог,
Благодаря им, нужный срок
Держаться. Их мужья сидели

На костных пудингах[248], чтоб цели
Своей лишь добивались, но
Постились сами. Пал на дно
Давно бы бедствий город Лондон:
Урок руками верных жён дан
Был, как его спасать – они
Окопы рыли ночи, дни,
Маршировали с барабаном
По улицам в строю и рьяным
Подобны были львицам. От
Тепличных леди, кто забот
Не знали раньше, до торговок,
Да, устрицами – все корчёвок
Пней не избегли и траншей
Дождливой грязи, ну и вшей.
Служанки шли, войной задеты,
Теперь работать в комитеты,
Чтоб, ухайдакавшись вельми,
Снабдить военных лошадьми.
Не жёны ли тогда в аврале
Командующих выбирали?
Неужто…» Сэру тут в лицо
Попало тухлое яйцо
Чуть ниже глаза и разбилось.
Такое Гудибрасу снилось
В кошмарах только: весь желток
На бороду его истёк,
Но был он тоже рыж, по этой
Причине инцидент отпетый
Замечен не был. Тут урод,
В корзине бывший, как швырнёт
Другое в Ральфо. Сэр от вони
Позеленел, ища в колонне
Обидчика глазами, а
Найдя, с мечом помчался на
Него. Раф был немного сзади,
Но тоже в боевом надсаде.

Факелоносца он задел
Мечом, и факел в гущу тел
Упал. Решив, что тот в атаку
Идёт, наш Раф огрел конягу
Его меж глаз. Конь седока
Мгновенно скинул, трепака
Ему задав копытом. Сразу
Случилась паника. Экстазу
Поддавшись боевому, наш
Герой и Раф скрестить палаш
С врагом хотели, но тот прытко
Их обступил, а это пытка —
Хотеть прорваться и не мочь.
Тут сэр наш исхитрился прочь
Скакнуть, да лихо так, что в гриву
Вцепился. Раф рванулся живо
За сэром. И во весь опор
Помчались, не жалея шпор,
Герои наши. Так скакали
Они довольно долго, стали
Их кони уставать. Узнав,
Что нет погони, сэр и Раф
Остановились. Сэр тут, выдох
Свершив, промолвил, весь в обидах:

«Тот икс в повозке глуп: его
Процессия лишь шутовство.
В ней чести нет: яиц швыряньем
Её не поддержать и аним
Своих не отбелить. Наш враг
Бесчестным был хужей дворняг.
Есть правила войны, и рядом
Там даже нет травленья ядом,
А как иначе назовёшь
Ты эту вонь, едрёна вошь?
Они, наверно, яйца эти
Едят, засим смердят их кмети[249].

Когда я их конём припёр,
Они не дали мне отпор,
А, как бздуны, стояли тихо,
Пока своё я сеял лихо.
Короче, честь, что мы с тобой
Утратили, удрав, любой
Назвал бы чести их уроном.
И хорошо, что за патроном
Своим ты поскакал стремглав.
То был отход почётный, Раф.
С таким количеством нам биться
Было бы трудно. Но вдовица
Услышит про мой монолог
В защиту женщин. Может, слог
Мой тронет сердце твёрже камня.
Стараться буду я, пока мне
Она не сдастся. Мой дублет
В грязи, но как цезаревед
Светоний пишет, грязи ванна
Сулила власть Веспасиану[250].
Из падальщика стал он им-
Ператором и поднял Рим.
Так почему же мне грязюка
В любви, которая есть мука,
Не предвещает тех же жатв?
Давай умоемся, и клятв
Ты дашь мне пару, что, коль спросит
Вдова, где ветер меня носит,
Ты скажешь ей, мол, я сдержал
Свою и стал от порки ал».
Так рёк наш сэр, и оба *homme*’а[251]
Пошли на поиск водоёма.

Песнь третья

Краткое содержание:
Вдову завоевать дабы,
Наш сэр отправится судьбы
Своей спросить у Сидрофела,
Кто маг и розенкрейцер[252]*. Дело*
Он завершит и вступит в спор
Об астрологии, хитёр,
Но обозлит так этим мага,
Что подерётся с тем. Во благо
Всё кончится: повержен тот,
И сэр с победою уйдёт.
Большая радость вас кому-то
Надуть, зато и вам минута
Такой же радости дана,
Коль вы обманете лгуна.
Так люди смотрят на жонглёров,
Подбрасыванье помидоров
Вверх занятых, не зная, как
Не происходит на́ пол «шмяк».

Как жаворонков ловят ночью,
Так пастыри все полномочья
Свои свершают при свечах[253].
Вальдшнепов ловят, как и птах
Других, петлёй за ногу. Деньги
Так тянут где-то в деревеньке
Из люда шарлатаны за
Лекарства якобы. Буза
Так не пьянит, как их посулы.
Хотя нельзя поймать акулы
На самолов, тем и другим
Такой обман необходим.

Другие верят адвокатам
В судебных мантиях. Затратам
На них конца нет, пока люд
Они совсем не оберут.
Чем вы вверяетесь им больше,
Тем тянется процесс ваш дольше,
И так до той поры, пока
Не станет даже медяка.

Иным узнать судьбу, что зрима
Не может быть, необходимо,
К гадальщицам тогда идёт
Непросвещённый наш народ,
И те, взирая в шар стеклянный
Иль в карты, говорят, чем данный
Момент чреват. Стервятник так
Склевать стремится мёртвый зрак,
Как вытянуть из вас все жилы
Стараются сии сивиллы.
От ауспиций с требухой[254]
Скота пошёл обряд такой —
Предсказывать, чем обернётся
Сражение для полководца.
Как куры поклюют зерно,
Зависело, чем вам оно
Грозит, а дальше к этой тяге —
Знать будущее – стали маги
С астрологами дружно в нас
Взывать. Герой наш Гудибрас
И Ральфо между тем умылись
И оба в новый путь пустились.
Сэр верил звёздам, мы о том
Рассказ свой скоро поведём,
Пока же, чистые, как будто
Ни битв, ни грязного закута
В помине не было, они
К вдове отправились. «Гони! —

Сказал сэр Ральфо, но, чуть рысью
Они поехали, сэр мысью
Одной был озабочен, вдруг
Вдова проверит, что свой тук
Под бич он не подставил. Клятву
Он не сдержал, а, значит, лядву[255]
Закрыть придётся, ведь словам
Любви теперь его мадам
Уж точно не поверит. Вправе
Чернь даже в суд подать. Сэр яви
Такой кошмарной вряд ли мог
Предположить. О сём весь скок
Герой наш думал напряжённо
И так сказал:

«Во время оно
Я вдосталь подвигов свершил,
Но никогда доселе пыл
Мой не стоял перед дилеммой,
Как быть. Для ран подходит крем мой,
Но на душе большой синяк,
Что клятвы не сдержал я. В брак
Хочу вступить я, а вдовица
Себя успела умудриться
Залогом дать толпе, что я
Являюсь на порку. Нет, семья
Не скоро светит мне. Порою
Похож на пса я, конурою
Своею сытого, он в степь
Готов бежать, но держит цепь
Его, как он туда ни рвётся.
Вот так и страсть моя: и жжётся,
И колется, но нет пути
Мне от неё живым уйти.
Я сделки часть, иначе ходу
Мне не было бы на свободу,
И если чернь затеет суд,

Меня заслуги не спасут,
Ну разве что судья захочет
Помочь вдове, как куре кочет.
Всё обстоятельствами лишь
Решается. Она, глядишь,
Попросит посмотреть на спину
Без моего дублета. Стыну
От мысли этой я: полос
Там от бича ведь нет. Вопрос,
Что делать мне? Лишиться чести
Иль побывать на лобном месте?
Коль я разденусь перед ней,
То оправдаться мне ничей
Свидетельства акт не поможет.
Вот, что меня так жутко гложет.
Словами мог бы я отбить
Любой редубленман[256], кабыть
Не факт отсутствия побоев.
Презрение ко мне удвоив,
Он зачеркнёт навеки шанс
Попасть с ней в рыцарский романс.
О, если б мог я быть тобою,
Чтоб пререкаться и с судьбою!
Мне срочно нужен некромант,
Чтоб прочитать её диктант:
Мне нужно подтвержденье, чтó я
Приударяя за вдовою,
Не нарушаю то, что мне
Начертано, что в западне
Не окажусь я, титул вместе
С имением утратив. Крести
Суть чернь, а я бубновый туз.
Но это карты. С сердца груз
Они не снимут – маг потребен».

Ответил Ральфо: «Ваш молебен
Услышан: Бог вас пожалел.

Живёт тут рядом Сидрофел,
Астролог, кто по лунным фазам
Гадает жителям чумазым,
Как дальше быть, когда их медь
Изволит странно плесневеть,
Когда их гуси или куры
Становятся совсем понуры,
Когда их скот под действом чар
Весь в лёжку, а ветеринар
Помочь не в силах; когда свиньи
Перестают плодиться, и ни
Одно из средств не лечит их;
Когда внезапно киснет жмых
Иль сусло при готовке эля;
Когда их молоко неделю
Не делается маслом. Он,
Короче, знает суть препон
И как их устранить. Округа
К нему вся ходит, слово друга».

Сказал наш сэр: «Я слышал, Раф,
О нём. Но достаёт ли прав
У нас, святых, коль мучит что-то,
Идти за мненьем к звездочёту?»

Ответил Ральфо: «Говорил
Об этом раньше я: коль сил
Нет у святых самим к решенью
Прийти, велит им Провиденье
Спросить совета у того,
Кто сведущ, пусть здесь волшебство
Замешано, иль сам лукавый
Трудился над евонной славой.
Нас дьявол пользует – весь род
Людской, а потому не в счёт,
Коль мы его разок и сами
Попользуем. Не зря, как вам и

Всем ведомо, парламент ведь
Послал охотника на ведьм
В народ[257], чтоб их разоблаченьем
Жизнь в норму привести. Леченьем
Он общества был занят, трёх
Повесив. Правда, пустобрёх
Сказал какой-то, что три тыщи[258].
Короче, он, по графствам рыща,
Немало их топил в воде
И кто-то даже всплыл[259]. Везде
Ведь был неурожай и ящур
Свирепствовал. Наш даже пращур
Не вспомнил бы такого. Но
Всё кончилось, как за гузно
Его схватили, бросив в воду
На радость нашему народу.
Ещё одно: по слухам, сам
Был Лютер даже там и сям
Лукавым прямо атакован,
Но этих не позволил ков он[260].
Не дьявол ли помог собор
В Антверпене громить и скор
Был пастору внушить в Масконе
Псалмов заместо чувство вони
Во рту[261]? Так что святые с ним
Не раз имели дело. Зрим
Он был в Вудстоке, где парламент
С покойным королём регламент
Пытался подписать, и смог
Взять в плен солдата, кто свой грог
Пил в честь его[262]. Уизер это
Прославил в рифму. Для поэта
Нетрудно дьявола узреть.
Что же до мага, церковь ведь
Его использовала тоже
Для предсказанья, что негоже
Сражаться на воде, когда

Произойдёт затменье[263]. Мзда
За это – пораженье. Хоть мы
И победили, это потьмы
Не отменяет. Также он
Нам предсказал, что взят в полон
Будет король при Корнуолле[264].
Сбылось не всё, но в бранном поле
Марс и Сатурн на стороне
Ведь нашей были. На войне
Созвездья Скорпиона вместе
С Большой Медведицею бестий
Громили, королевских звёзд
Расклад был в гриву бит и в хвост».

Рёк Гудибрас: «Ты, Раф, мне дело
Сказал: святые Сидрофела
Чураться не должны. К нему
Поедем мы и снимем тьму
С нашей с тобой дальнейшей доли.
Мы будем знать, что делать, коли
Своею кожей будет чист
Сей избранный гимнософист[265]:
Преследовать вдову мне или
Оставить всё, застыв в бессилье».
На этом Гудибрас коню
Дал шпору. Я повременю
С тем, что случилось дальше. Надо
Перенестись нам к магу. Склада
Он необычного был. Вам
Я встретиться с ним скоро дам.
Он был философ, математик,
Астролог, физик и флегматик,
А также докою был в том,
Что мы наукою зовём
Физиогномикой: природу
Угадывал он вашу сходу.
Людское зная ассорти,

Он всех легко мог провести
И проводил. В своей стихии
Он был здесь. Так всегда сухие
Все утки, лебеди, когда
Их окружает лишь вода
И всё. Короче, человек он
Разносторонний был, как Бэкон
Иль Роберт Гроссетесте[266]. Мир
Рассматривал он как потир
Для причащенья: всё служило
Нырянью вглубь, точь-в-точь грузило.
На свете не было бород
Холёней, потому народ
Считал, что только иностранец
Способен на подобный глянец.
Он выносил в своей груди
Труды и знанья Джона Ди,
А заодно и Келли, больше
Того – и Ольбрехта из Польши[267].
Он лучше всех знал лунных фаз
Чередованье и не раз
Был зван к созданью альманахов,
То бишь календарей. Размахов
Его не ведали вполне.
Народ считал, что на луне
Он побывал и сам. Способен
Он был предсказывать колдобин
Образованье на полях,
Он, сомневаясь во врачах,
Сам назначал кровопусканье
Или пиявок; полным знанье
Его в холостеже скота
К тому же было, все сорта
Он яблок знал, а также гидро-
Условья для броженья сидра,
Ещё, когда сажать чеснок
Или горох. Легко он мог

Сказать, как будто их застукав
Там лично, сколько графов, дюков
И пэров на планетах всех
Живёт, каких они утех
Вкушают, как они друг с другом
Воюют. Был к его услугам
Весь звёздный свод, что ж до луны,
Он меру знал её длины
До дюйма, доказать он миру
В два счёта мог, что не из сыра
Она, что там не счесть морей
Побольше наших, фактор сей,
Мол, дал, помимо лёгких, жабры
Её жильцам. Абракадабры
Наслушавшись такой, народ
Стал верить, что домашний скот
Из рыб произошёл, а ноги
Его суть в прошлом все миноги.
Он «звёздный» джин свой гнал, каким
Крыс спаивал, и больше им
Дел не было до сыра или
Бекона. А личинки в гриле
Он находил по звуку струн
Старинной лютни, хоть не юн
Он был уже, а также пальцем
Мог указательным, чуть смальцем
Его помазав, выводить
На теле родинки. Коль прыть
Служанок к краже их склоняла,
Он вещи возвращал, немало
Причём, по чиху иль моче
Хозяек. В нём, как в рифмаче
Время от времени, в наличье
Был дар все регулы девичьи
Стихами в норму приводить,
Ещё – зубную боль лечить.
Он прогонял злых духов взмахом

Серпа или подковой. Страхом
Пронзая всех, он выдувать
Мог из ореха огнь, на знать
Рабов поднявший в древнем Риме[268].
Он Бога каждое знал имя,
Как и лекарство, без мужчин
Зачать чтоб женщинам. Один
Лишь Парацельс был в курсе зелья[269]
До Сидрофела. Мог он в теле
Блохи нащупать пульс, а в нас
Отрегулировать, чем спас
Премногих, систол сердца сжатье
При гневе или же объятье.
И более того, стократ
Он многоумней, чем Сократ,
Когда прыжки блохи длиною
Её измерил[270]; власяною
Нашей поверхностью она
Знай скачет так аж до гузна.
Тот вычислял посредством чобот
Прыжки, а маг открыл, что хобот
Блохи, как у слона, к тому ж
Червей, и не на мясе туш,
А в сыре галльском, сплошь вонючем[271].
Он подсчитал их, равных тучам,
И заключил, что быть полно
Их также в уксусе должно.

У Сидрофела на подхвате
Был ассистент, чудаковатей
Найти в Бедламе можно лишь.
Хватал всё на лету он. Мышь
Там не проскочит, куда мог он
Пролезть и заточиться в кокон.
Его прозвали вице-маг,
Он, как никто, умел в просак
Других вгонять, кто за ответом

Шли к магу. Сами те при этом
Его выбалтывали, чуть
Он успевал их припугнуть,
Хоть голос был его вельветов.
Он так раздулся от ответов,
Что с магами другими сим
Добром делился, всюду зрим,
За плату, ясно, чтобы дело
Их только ярче зеленело.
Он гороскопы составлял
Не хуже мага, кто был чал
Уже, и в самых мелких звёздах
Он радость находил и роздых.
Он знал, кто где что нёс в ломбард,
Кто в карты выиграл, кто карт
Боится, ибо всё до пенни
Спустил, и чувствовал влеченье
К часам, к тарелкам в полцены
И к рифмам. Все в стихах должны
Календари быть, ими магу
Он помогал, язвя бумагу
Своими виршами о том,
Как солнце встанет, как потом
Оно зайдёт, не попадая
Частенько в метр; ещё, какая
Благоволит планета, чтоб
Кастрировать свиней. Взахлёб
Писал он, можно ли сегодня
Есть досыта, иль месть Господня
Настигнет тех, кто фиги ест,
Кишмиш и специи из мест
Не наших и к флеботомии[272]
Излишне склонны. Он простые
Слова употреблял, не зля
Читателя. Как конопля
Прессуется в тюрьме для целей
Врачебных, он писал и еле

Всех тем коснуться успевал.
Маг был доволен, этим вал
Клиентов укреплялся. Вице-
Астролог рифмовал, амбиций
Имея вдосталь. Календарь
Исписывал он, как сизарь
Летает, и особо в правках
Не погрязал. Он о козявках
Из носа собственных за ночь
Скропал элегию. Охоч
До од он был, одну такую
Он написал, как требуху и
Кровавую ест колбасу
Его невеста. Та в носу,
Как он, поковырялась токо,
Её услышав, что потоку
Слов поспособствовало лишь.
Его сонеты были грыж
Болезненнее, но народу
Ужасно нравились. Погоду
Он воспевал, словно Орфей
Средь хищных вздрюченных зверей.
Так кучерская тёрлась лошадь
Возле него, кто огорошить
Успел хозяина её
Катреном. Так, кляня нытьё
В спине, носильщик под терцетом
Его аж изнывал. Задетым
Он не был никогда. Ушам,
Лишается которых хам,
Столба позорного терпила,
Адресовал стихи он. Было
Горенье в нём. Дубовый столб
С петлёй в нём возбуждал апломб
К эпическим стихам. Цевницу
Кто слышал эту, удавиться
Хотел мгновенно. Вот каков

Тот Вахум был.

Делили кров
Маг с ассистентом. Дома крыша
Была стеклянной, чтобы свыше
В неё сочился свет от звёзд.
Маг обелиск воздвиг, он прост
Достаточно был: шло от Фриска[273]
Письмо по фронту обелиска,
Но в иероглифах, что кал
Напоминали птичий. Стал
Предметом любопытства массы
Он тех, что к магу пёрли, в ассы
Всех магов избранному. Чтоб
Глядеть на звёзды, телескоп
Был к верху прикреплён верёвкой.
Однажды в небо, и не совкой
Какой-нибудь, а канюком
Взлетел, держась особняком,
Воздушный некий змей, точнее
Он райской птицей, на Гвинее
Водящейся лишь, был: без ног
Летает та[274]. Маг глазом смог
Увидеть белый хвост, что ярдов
В шесть аж длиной[275], на нём, смарагдов
Всех ярче, был фонарик, из
Бумаги сделанный. Сюрприз
Явил сей кайт для Сидрофела:
Решил он, что звезда горела
На небе новая, причём
Блуждая беззаконно в нём.
«Да это новая комета! —
Воскликнул он. – Источник света
Невиданный, в хвосте, а не
В изглавье! Может, в стороне
От звёзд, зовомых именами
Птиц, рыб, животных, это пламя

Звезды какой-то или знак
Чего-то, что неймёт мой зрак.
Есть сверхъестественное что-то
В явленье данном. Может, рота,
Стоящая вблизи, пальнуть
Ядром решила вверх, но путь
Ядра направлен вниз, кривая
Его совсем-совсем другая,
Хоть, говорят, когда в зенит
Стреляют, то оно летит
Всё время ввысь, пока из виду
Не пропадёт. Сие к болиду
Всё ж ближе иль к звезде, что от
Других вдруг сорвалась в полёт».

Не доверяя больше глазу,
К прибору маг прибег, и сразу
Его пришёлся окуляр
На хвост со светлячком, пожар
Разжёг он в линзе, и на это
«Ба! – вскрикнул Сидрофел. – Планета
Сие, а не звезда. На вид
Сатурн, что ярче всех горит,
Но полностью никем увиден
Доселе не был[276]. Впрямь обиден
Тот факт, что нету у меня
Свидетелей сего огня.
Но что он делает на оном
Пространстве, меж Китом с Драконом?
Коль сдвинулся так ореол
Его, то, знать, конец пришёл
Земле, иначе б не сияло
Мне прямо в очи это гало».
Он левый глаз пристроил к ок-
Уляру, но тут вдруг шнурок,
На коем змей держался этот,
Порвался, и планета, метод

Поправ научный, сверглась. Тут
И Вахум подошёл, маршрут
Паденья увидав, но тело
Небесное для Сидрофела
Знаменовало крах всего:
«Какой кошмар, всё естество
Теперь обречено! Так просто
Планета не падёт. К погосту
Идёт Земля: вот-вот она
Взорвётся. Это сатана
Так шутит. Судный день, я знаю,
Уж близок. Надо к баю-баю
Готовиться нам всем. Пока ж
Займёмся делом. От продаж
Своих услуг мы получили
Изрядный куш. Хоть все в могиле
Окажемся мы, лишний час
Подзаработать есть у нас».

Как раз в день после рокового
События наш сэр подковы
Направил с Ральфо к дому, где
Жил маг. Тот с мыслью о звезде
Упавшей или же планете
Рассматривал дорогу в третий
Уж раз в свой телескоп: гостей
Обычных не было на ней.
Но тут увидел Гудибраса
И Ральфо скачущими: трасса
Пылила вся от их копыт.

«К нам гость, который знаменит
Во всей округе, Вахум. Значит,
Приспичило, коль он так скачет.
Узнай, что надобно ему,
А я посторожу в дому», —
Сказал астролог. Вахум кротко

Наружу вышел и походку
Усилил, чтобы стремена
Героев поддержать. Со сна
Он был, а потому не к сэру
Он обратился, а к нукеру
Его, спросив визита цель
И скачут, мол, они откель.
«Оттоль», – ответил Раф, но Вахум
Не унимался: «Обувь прахом
Покрыта ваша, значит, путь
Неблизким был». Но Раф ничуть
Не отступил. «Да нет, не очень, —
Сказал он. – Сэр мой озабочен
Сердечными делами. Он
Страдает, по уши влюблён».
«Как долго?» – «Вот уже три года,
Как он заката от восхода
Не отличает». – «Что ж, тогда
Должна быть дама иль горда
Не в меру, иль её именье
Доходно чересчур». Прозренья
Такого Раф не ждал. «Оно, —
Сказал он, – сэра уж давно
Притягивает». Близок Вахум
К тому был, чтоб единым махом
Всё разрешить, но вышел маг
Из дома, пригласив вояк
Войти, и на ухо пииту
Шепнул: «Всё будет шито-крыто.
Я всё предвидел перед тем,
Как прибыли они. Систем
Планетных ход нарушен. В сэра
Планету Марс вошла Венера,
Точней, напротив встала, пред
Созвездьем Девы». «Ход планет, —
Ответил Вахум, – всё решает.
Сатурн свой поворот свершает

За тридцать лет. А, стало быть,
Три года, что наш сэр любить
Изволит так, равны десятой
Лишь части круга. Ординатой
Заняться этой стоит нам».
Все в дом вошли, где всякий хлам
Навален был. Маг Гудибрасу
Сказал: «Небесный свод ни часу
Не остаётся прежним. Ваш
Расклад мне ясен: был вираж
Планет аж нескольких за сутки».

Ответил Гудибрас: «Вы чутки
К планетам, как никто. Стремясь
Попасть к вам, обнаружить связь
Хотел я меж своей судьбою
И этой в небе суетою.
Надеюсь, скажете мне вы,
Чего мне ждать от синевы».

На это маг сказал: «Про то, что
Приедете вы, мне дотошно
Поведал ход планет, а про
Визита цель – звёзд серебро».

Рёк Гудибрас: «Так чем, астролог,
Я озабочен? Звёздный полог
Откройте и скажите мне,
Что скрыто в неба глубине».

Рёк Сидрофел: «Вы, сэр, влюбиться
Сумели страстно во вдовицу,
Которая большой доход
Имеет и с него живёт.
Три года вы уже как бурно
Страдаете, о чём Сатурна
Сказал мне круг. Теперь вы знать

Хотите, стоит ли страдать,
Иль прекратить свой флирт любовный
И перейти в созвездье Овна».

«Вы правы, – Гудибрас сказал, —
Вдова мой главный идеал,
Но звёзды ведь по-человечьи
Не говорят. Мой конь при встрече
И рад бы выругаться, но
Лишь ржёт. Планетам не дано
Знать про мельчайшие детали
Чужого бытия. Узнали
Вы из источников иных,
Что стал я от любви как псих.
Косциномантии[277] оракул
И то так никогда не дакал
Людским вопросам, как планет
В изводе вашем. Сколько лет
Влюблён я, ни Сатурн, ни даже
Юпитер знать не могут. Лажа
Всё это, Сидрофел. Одно
На ум приходит: вам окно
Открыл в жизнь Гудибраса дьявол,
И то, небось, сказал, что я, мол,
К нему иммуннен как святой».

Ответил Сидрофел: «На кой
Тогда пришли вы, если звёздам
Не верите? Их белым гроздам
Известно всё. Я б не посмел
Лезть в жизнь чужую. Корабел
Им доверяет, и вы верьте.
Не говорю я ведь о смерти,
А лишь о жизни. Вы меня
В сношеньях с сатаной, звеня
Негодованьем, обвинили,
Но с демонами я, кто в силе

Вертеть дуршлаг, клянусь, вовек
Дел не имел».

«Вы человек
Учёный, спору нет, – на это
Ответил Гудибрас, – но нету
На небе звёзд таких, чтоб мир
Могли бы изменить. Кумир
Столь многих, дьявол, вызван часто
Из преисподней, из-под наста,
Бывает магией, вы ж маг,
А потому сей факт никак
Не отменяет то, что мог он
Прорваться к вам сквозь Божий кокон
Вокруг себя. Он не таков,
Чтоб снисходить до дураков,
Которые луну б хотели
Свести на землю, но, как пели
Поэты римские, была
Не раз такая жажда, зла
Наследница, у ведьм античных[278].
Я говорю так не из личных
Каких-то предрассудков, маг,
А из вражды со тьмой чертяк.
Я верю в то, что ваши линзы
Способны, воду как из брынзы,
Из неба выжать про шторма
И вёдро вести[279], что весьма
Полезно, хоть об их размахах
Во всех вещают альманахах».
«Тогда вы, друг мой, зря пришли
Ко мне, в дорожной сплошь пыли. —
Заметил Сидрофел. – Я лямку
Давно тяну. Пописать в ямку,
Чтоб духов тьмы призвать, я пас[280].
Мы розенкрейцеры, и нас
Не раз уже смущал лукавый,

Но я джин изобрёл, чьи травы
Его парализуют вмиг.
Святой Дункан, когда возник
Тот перед ним, схватил щипцами
Чертяку за нос[281]. Наше пламя,
Включая алкоголь, его
Ввергает в ступор. Колдовство
Есть против дьявола. К примеру,
Небесные способны сферы,
Коль символы употребить
С умом, и аггельскую[282] прыть
Сдержать, лукавый же за это
Все хочет истребить планеты,
За то ещё, что каждый чих
Вращению известен их».

Рёк сэр: «А Парацельс ваш, кстати,
Анчутку[283] запер в рукояти
Меча, кто после показал
Ему все трюки надувал[284].
Ди вместе с Келли выполняли
Свои, все в дьявольском кристалле
Ответы черпая, на глаз
Тот чистый круглый был алмаз[285].
Агриппа обладал собакой,
Ошейник коей был двоякой
Оккультной мощью наделён:
Пса сдерживал, коль надо, он,
А заодно и чёрта, ибо
Пёс с ним был одного пошиба[286]».

Но Сидрофел тут возразил:
«Агриппа магом не был. Сил
Магических во всём объёме
Ни Парацельсу и ни Бёме
Дано, сэр, не было. Да, пёс
Его работал на износ,

Показывая трюки. Де, он
От этого не пёс, а демон,
Твердить за людом неумно.
А розенкрейцеры давно
В том преуспели, что так исто
Внушали все – от Трисмегиста
До Пифагора. В сей кадастр,
Конечно, входит Зороастр
И Аполлоний из Тианы[287].
Мы тайны их раскрыли, странны
Они для вас, но не для нас».

Ответил магу Гудибрас:
«Ваш Трисмегист вряд ли когда-то
Жил даже, хоть всё знанье свято.
Но слишком много процвело
Архиплутов, а в их число
И мистики, и все софисты,
Бесспорно, входят, Трисмегиста
Клянясь ученьем. Время хоть
Вскрывает многое, полоть
Все сорняки оно не может.
Крон ел детей[288], так время сгложет
И память о пройдохах сих.
В эпоху нашу тот, кто лих,
Заполучает всё, а дети
Его, чуть минув однолетье,
Все превращаются в царьков
Провинциальных[289]. Этих ков
Нам Крона не попрать, но будем
Стараться помогать мы людям».

Рёк Сидрофел: «То, что творит
Эпоха наша, звёздный гид
Не в силах отменить, но фактом
Сим подтверждается лишь *actum*
Ut supra[290]. Хоть неясно вам,

Как мы сильны, небесный храм
Стоит, чтоб мы в него входили.
Пусть Аверроэс[291] в нашей силе
И сомневался, нас зовя
Эксцентриками всех, но я
Могу спросить лишь: кто всё знанье
Осилил в мире? Все земляне
В низинах топчутся, на пик
Познанья вряд ли кто проник,
Но прорывные есть идеи
У нас: пророки и халдеи
Явили их, и звездочёт
Иной за ними в ряд встаёт.
Так предсказал астроана́том
Царю мидийскому, что фатум
Всю Азию к стопам его
Повергнет внука[292]. Ведовство,
Вы скажете, да нет – наука.
Затменье солнечное, ну-ка
Мне возразите, сэр, пришлось
На Цезаря убийство[293], ось
Земная дрогнула в то время.
А после смерти, было всеми
Замечено, аж целый год
Свет солнечный слабел. А вот
Ещё пример, как верить знакам
Необходимо: Август бякам
Считал свой равным день, сандаль
Надев не ту[294]. Глядел он в даль
Событий в их неясном танце,
Считая, что преторианцы
Восстать тогда способны, меч
В него вонзив. Таких предтеч
Событий страшных много было,
И что, отвергнуть их? Кобыла
Лягнула, вóроны свой «карк»
Распространили. Зоопарк

На небе разве меньший? Если
Влетала в Рим сова, то в кресле
Своём был консул устрашён
И звал гаруспиков. И он,
И многие считали знаки
Все вещими. И в зодиаке
Порядок тот же. Коль сова
Пугает здесь, то там, едва
Одна звезда погаснет, паник
Не счесть. Астролог, звёзд избранник,
Читает лучше, чем авгур
По внутренностям чёрных кур,
Судьбу, что решена вся свыше,
А не в курятнике иль в нише,
Откуда статуи порой
На землю валятся. Тот строй,
Что правит, часто ауспиций
Использует прогнозы, слиться
С народом чтоб, тогда как нет
У звёзд правительства: их свет
Всегда нейтрален. Лишь астролог
Сдувает пыль с их книжных полок,
Чтоб люди знали, что грозит
Им всем, когда летит болид.
Не мы ли на луне открыли
Моря и горы в изобилье,
А также появленье стран,
Что ни Колумб, ни Магеллан
Предвидеть не могли? По тропам
Они прошли, что телескопом
Были проторены до них».

Сказал тут Гудибрас: «Вы вспых
Всех звёзд трактуете неверно:
Не подчиняется им скверна
Людская, сами мы творим
Её, хоть чёрт за этим зрим.

Что ж до луны, Анаксагором[295]
Холмы открыты были, горам
Наземным не чета. Он всем
Твердил, что та, как бранный шлем,
Из бронзы сделана, размером
Не больше Греции. Химерам
Языческим взамен он Нус
Свой ввёл, а небо, как на вкус
Его, из камня было, споры
Идут, открыл он метеоры
Иль нет[296]. За то, что он к Уму
Склонялся вечному, в тюрьму
Упрятали его, беднягу.

Но что с того нам, что не наго,
Мол, тело лунное? Мы все
Едим капусту, к колбасе
Имеем склонность, а рога ли
У тамошних, мы все плевали.
Торговля с галлами одно,
Другое – лунное пятно,
С которым торговать нелепость,
А взять никак нельзя их крепость:
Она так высоко, что крыл
Таких сам Бог не сотворил.
Вы грезите о лунном грунте?
Всё в Риме было, так что плюньте.
Какой у них там строй, начхать,
Всё есть уже и здесь. На ять
Мы выучили, чем чреваты
Правленья все и все диктаты.
Вы думаете, с их наук
Перепадёт нам? Праздный звук.
Религия? Так вон аж сколько
Их наша родила юдолька.
Там вряд ли люэс лучше, чем
Во Франции, *ad hominem*[297]

Лечить способны. Может, яры,
Вы думаете, их гитары
Гораздо больше наших, иль
Другой у исполненья стиль?
Иль пьесы лучше их, чем наши?
Умней, возможно, но не краше.
Иль битва их на кулаках
Тычка не допускает в пах?
Иль их башка настолько больше,
Что не подходят им аллонжи[298]?
Иль франты их во много раз
Щеголеватей, чем у нас?
Что ярче их румяна, пудры,
И все поболе многокудры?
Иль пуканье безвонно там,
А коль стремится к небесам,
То «новый свет»[299] несёт народу?
Вы как епископ Годвин, моду
Начавший вояжей к луне
На птицах «ганзах» в четверне[300].
Скажите, чтитель околесиц,
Почто народы полумесяц
За герб иль знак избрали свой,
Гнушаясь полною луной?
Все пятятся от оной крабом,
Хоть вычислили Якобштабом[301]
И расстоянье до неё,
И волки громкое вытьё
При ней лишь начинают. Это
Неясно так же, как комета».

На сём астролог Сидрофел
Сперва немного помрачнел,
Сверкнув совиными очами,
Потом надулся, чтобы пламя
В задетом сердце чуть унять,
И отвечал с заходом вспять:

«Искусства нашего врагами
Я чту одних лишь сов с гусями.
Тех, например, что, когда галл
Средь ночи Рим атаковал,
Своим гагаканьем, постылей
Какого нет, перебудили
Его защитников; тех сов,
Что знак Афины, а умов
Других не видят вовсе, кроме
Богини сей, во всей плероме.
Как критики от болтовни
В кофейнях сипнут, так они
Уханьем своим с гагаком
Искусство всё, что зодиаком
Нам продиктовано, свести
Хотят к нулю, от чувств шести
Оставив пять[302]. Мы всё в природе
Находим и в созвездий ходе,
Железной логики приём
Тем демонстрируя, кто в сём
Изволит сомневаться громко.
Я ваших звёзд головоломку
С трудом, но всё же разрешил
До вашего прибытья. Ил
Так не засасывает ноги,
Как звёзды ум. Они в итоге
Не для того лишь, чтоб воров
Высвечивать, иль чтобы кров
Любовным предоставить вздохам[303],
А чтоб восстановлять по крохам
Судьбу людскую. Дел им нет
До клятв любовных, иль букет
Трав рвущих ведьм для тошных зелий,
Иль до ушей, что больше в теле
Не фигурируют у тех,
Свершили кто наветов грех.
Они надзорщики, не боле,

Но жизнь меняют, если в школе
Вы побывали их. Но есть
Разве одно созвездье, в честь
Не названное тех творений
Господних, что не здесь, не в жмене
Его находятся? Господь
Связал со сводом нашу плоть,
Хоть большинство имён, что пыли
Даны небесной, в жизни были
Пиратами, блядьми, ворьём.
Вы думаете, звёзды в чём-
Нибудь им уступают в смысле
Профессий, хоть вверху повисли?
Планет всех разве имена
Не связаны с землёй? Она
Привязана навеки к своду.
Так разве звёзды знать природу
Людскую лучше не должны,
Чем сами люди? Ведь челны,
Навроде Арго, даже блики
Волос прекрасной Береники
Теперь созвездья[304]. Кто там шлем
Возничего надел? Кто „эм“
Кассиопеи сделал, если
Она б вращалась, сидя в кресле,
Английской буквой „дабл ю“[305]?
Я с удивленьем вящим зрю,
Что вы не в курсе. Ясно, Богом
Так было решено. Во многом
Созвездья нам равны, их ум
Почти как наш. Платон, угрюм
Обычно, веселел при мысли,
Что всё в небесном коромысле
Уравновешено, считал
Он геометрию начал
Началом всех[306]. Такая ж мера
Из сфер космических на сферу

Земную перенесена
Была им: мир, как и война,
Уравновешены, а, значит,
Политика не зря свинячит».

Сказал на это Гудибрас:
«Вы правы, нечто больше нас
Есть во вселенной, Бог, к примеру.
Звёзды усиливают веру
В Него, но сами по себе
Не значат ничего в божбе.
Наука ваша только средство
Возглавить наше самоедство.
Считали египтяне, что
Садится дважды солнце в сто
Лет пóсто, этим Геродота
Смутив[307]. Астрологи со счёта
Давно посбились, сатана
Лишь знает, где и в чём верна
Их алгебра. Анаксагором
Считалось, что всё небо в скором
Вращенье, наземь упадёт.
И Эмпедокл, что звёздный свод
Подвижен, полагал. Платоном
Луна и солнце в своде оном
Держались за ближайший к нам
Планетный ряд. Венера там
И Марс, де, выше солнца. Мерам
Коперника был Скалигером
Свой противопоставлен счёт[308].
Он думал, через тыщу сот
Лет солнце сблизится с землёю,
Орбиту бросив, и такое
Враньё воспринималось как
Конца земли тревожный знак.
За это надо было б порке
Его подвергнуть. Три шестёрки[309]

Вовлечены здесь. И Боден
Похоже думал: к солнцу в плен
Летит земля, мол[310]. А Кардано
Считал, что государства странно
С Большой Медведицы хвостом
Все связаны[311]. Мол, солнца ком,
Чем ближе та к нему, все крахи
Их обуславливает. В страхе
Мир находился, только ведь
Почти что без хвоста медведь.
Ещё рекут, что в зодиаке
Сменились звёзды. На собаке
Так скачут блохи. Де, звезда
Овена нынче навсегда
В Тельце, с порядком тем в сравненье,
Каков был в древности. Деленье
Созвездий на тригоны, мол,
Ошибочно: где раньше пол
Был огненный, там нынче – водный[312],
Что благ для секты судоходной.
А в этом случае никак
Не могут ни Стрелец, ни Рак
Быть теми ж, чем когда-то были,
Что все текущие усилья
Предсказывать по звёздам, тлю
Напоминающим, к нулю
Приводит, разве нет? Халдеи[313],
Выходит, были нас умнее,
А римский календарь пестрит
Так днями нон, календ и ид,
Что с вами нам понять *de novo*[314],
Где что, звучит весьма рисково.
Гаданья – суп из пескарей
Непойманных, иль нет, скорей
Цыплята сочные на гриле,
Что вылупиться позабыли.
Оставьте звёзды им самим,

Их свет и впрямь необъясним.
Они не могут, словно дети
Иль дураки, знать всё на свете.
Предсказывайте, в Божий сад
Входя, количество котят
Или щенков; какой из петек
В бою петушьем, арифметик
Послушав звёздных, верх возьмёт.
Астрологи ж небесный свод
Терзают, чтоб сказать, чем тяжбы
Закончатся, им только в раж бы
Не впасть от этого; ещё
Исход любовных драм. Вранье
Всё именем планет, включая
Чуму, выращиванье чая,
Беременности и т. п.
Аспекты звёзд[315] нужны толпе,
Чтоб пахло всё большой наукой,
Меж тем являясь вздорной штукой
Для тела, как и для души.
Все эти звёздные ковши
Не более, чем наш рисунок,
Хоть и сияющий из лунок,
А потому предугадать
Не может ничего. Печать
Со звёзд сорвать вам личный опыт
Способствует лишь. Этот копит
Астролог деньги, потому
Златая Рыба[316] льнёт к нему.
Живым тот вышел из больницы,
Зато все звёзды Райской Птицы[317]
Ему мирволят. Кто женат
Был многажды, тот Гидру[318] рад
Приветствовать. Прибор, короче,
На них направлен в недрах ночи.
Вы все уверены: звезда
Мигает, стало быть, беда

Грозит, и лишь её миганье
Определит, суду иль рвани
Взять верх, солдату иль рабу
Галерному; она судьбу
Предсказывает и юристу,
И вору, кто карманы чисто
Срезает, филосóфу и
Кретину. В общем, от чухни
Такой зависят жизнь, болезни,
Ум, честь, порок, поэта песни,
Торговля, женщины, бросок
Костей, сраженья; поясок
Венеры[319], мол, сказал всё это,
А звёзды додали. Панчетта[320]
Так не дымит, как звёздный жир.
Толпа ликует, войны ль, мир.
Друиды так гроши взимали
С народа, чтоб отдать в астрале[321]».

Рёк Сидрофел: «Хоть вы строги
К науке нашей, не враги
Мы вам, и в подтвержденье слова —
Вот гороскоп ваш, сэр. Основа
В нём будущего вам дана
Почти почасово. Вруна
Во мне вы видите, однако
В нём все-все тайны зодиака».

На этом маг пред сэром лист
Бумаги положил. Волнист
Он был: различные кривые
С квадратами шли, цифровые
Пометки всюду; график сей
Ломился также от осей,
Но что собою представляли
Они, понять лишь выпивале.

«Вот, – Сидрофел сказал, – здесь путь
Отмечен ваш. Как вы взглянуть
На древо майское[322] в Кингстоне
Приехали, как от погони
Ушли, как, хоть медведя вы
Турнули, псы потом, как львы,
На вас набросились в Брентфорде,
На ярмарке, как вам по морде
Там надавали мясники,
И как народ вам слал плевки[323]».

Ответил Гудибрас: «Ваш график
Ни к чёрту не годится. Раф и к
Нему ещё полтыщи глаз
Свидетели, что Гудибрас
Тогда в совсем другом был месте.
В вас ни уменья нет, ни чести».

«Что значит, не годится? – рёк
На это Сидрофел. – Урок
Там преподал мой верный Вахум.
Его преобразил я взмахом
Жезла в плута из галлов, он
В карман ваш влез, хоть тьма препон
Стояла на пути. Что спёр он,
Могу я предъявить. Вам ворон
Ещё накаркал там беду.
Я вещи принести пойду».

Сказал тут сэр: «Нет, вы не вещий
Маг, а воруете вы вещи
У простаков. А ну-ка, Раф,
Констебля привези. Управ
На воровство в законе сотни.
Вас арестуют, маг, сегодня
За клептоманию, за лже-
Пророчества: на чертеже

Ни риски правды нет. К тому же
Признались в краже вы, что хуже,
Чем утаить её. Расплат
Пришла пора, чему я рад».

Ответил Сидрофел: «Арестом
Меня не напугать. Подестам[324]
Всем местным я знаком. Хоть шли
Вы сто констеблей, мне петли
Не будет: много государству
Я оказал услуг. Коварству
Дегенерата, вроде вас,
Отпор даст Лев и Волопас[325]».

Рёк Гудибрас: «За слово это
Мой меч вас призовёт к ответу. —
Раф, поезжай немедля в суд,
Пусть пристава оттуда шлют,
А я пока покараулю
И ассистента, и дедулю,
Чтоб не сбежали. В общем, дуй!»

Раф удалился, а холуй-
Поэтишка стал думать, как им
Конфузом пренебречь двояким.
Его хозяин посчитал
В уме аспекты звёзд. Централ
Ему светил в созвездье Волка.
Он отыскать пытался щёлку
В их знаках и тут взгляд упал
Его на дверь. За ней мангал
Стоял, а рядом пика: ею
Он мясо поддевал; острее
Она была и гарпуна,
И сулицы[326]. Могла она
Пронзить и крупного барана.
«На одного нас двое. Рано

Паниковать», – так Сидрофел
Решил и пику кверху вздел,
Ей устремясь на Гудибраса,
А Вахум кочергу для мяса
Схватил: ей угли он мешал,
Когда кусок был мяса ал.
Но Гудибрас на почве твёрдо
Стоял и был готов хоть орды
Меча ударом разогнать.
Он размахнулся и впаять
Сумел так сильно Сидрофелу,
Что передёрнулось всё тело
У мага, пика же из рук
На землю грохнулась. Как тюк,
Упал он. Вахум кочергою
Хотел заехать, зря такое,
Но повернулся чуть, и сэр
Туда влепил удар, где сер
Телесных всех идёт скопленье,
А то бишь, по его сиденью.
Читатель, это место в нас
Всего ранимей. Если в таз
Ударить, это оплеуха
По чести, с чем удары в брюхо
Иль пó уху нельзя сравнить.

Рёк Гудибрас: «Я вас свалить
Обоих смог, пройдохи. Ныне
В плену вы. Матушке Гусыне[327]
До ваших сказок далеко.
Вы просчитались, маг и ко[328],
На звёзды глядя: не узрели
Побоев на своём вы теле.
Теперь все будут знать, что маг
Обычный шарлатан. Синяк
Могу поставить вам, пролазам
Нахальным, также и под глазом.

Что ж, выбирайте: или штраф,
Или фингал. Уж скоро Раф
Вернётся. Впрочем, нет: я руки
Марать не буду, каждой суке
Не вмажешь. Знайте, что мой меч
Отныне будет вас стеречь:
Воздастся вам за обиранье
Сельчан своих, прозрят сельчане».

Сказав всё это, Гудибрас
Свой вынул меч и им потряс,
А после обыскал умело
Карманы мага Сидрофела.
Нашёл он там часы, колец
Две горсти; был он, видно, спец
По части краж[329]. Ещё – обрывки
Календарей, где были сливки
Провидцев изображены:
Был Букер там, рядком с жены
Известной, Сары Джиммерс[330], ликом.
Там был и оникс с сердоликом,
Последний годен для любых
Планет и знаков, чтобы их
Усиливать влиянье, даже
Слать на убийства, ну и кражи,
А оникс для любви хорош.
Сэр Вахума обшарил: грош
Нашёл он, коего б хватило,
Чтоб чуть поправить травму тыла.

Но Сидрофел пошёл на трюк
И сымитировал каюк,
Чтоб Гудибрас, боясь в ответе
Быть за него, подался в нети,
Пока констебль не прибыл. Так
Сам преподобный Олаф[331], в смак
Входя, описывает лиса,

Что будет похитрей Улисса.
Когда тот видит, что собак
Напор неукротим, а гак,
Им данный, больше не поможет,
Он не уйдёт, пока не сложит
Так лапки, будто мёртв он: псы
Воротят от таких носы.
И Сидрофел во всю ширь торса
На собственном полу простёрся,
Смертельно раненым кажась,
И произнёс: «О, где я? Мразь
Какая-то меня сразила.
Я мёртв иль жив? Наверно, сила
Магическая на луну
Меня перенесла. Стону
Я тщетно: Ирод с бородищей
Навис. А, это ты, дружище
Мой Вахум! Видно, ты убит:
Румянец сполз с твоих ланит.
Всё, ухожу я». И, натужась,
Маг сделал вид, что умер. Ужас
Тут Гудибраса охватил:
Поверил он, что испустил
Наш маг последнее дыханье.
Решил он Рафа из заданья
Не ждать назад и так сказал
Себе: «Сей маг был врун, бахвал
И церкви враг, хотя синодом
И признан. Впрочем, к сим уродам,
Сплошь коррумпированным, он
Ходил, как видно, на поклон,
Платя им десятину с денег,
Что зарабатывал. Подельник
Он папский. То, что он подох,
Надеюсь, как последний лох,
Всем избавленье. Если ж это
Лишь обморок, сживать со свету

Его не стоит дальше. Кто б
Сказать мне мог, готовить гроб
Иль плюнуть? Нет, пожалуй, плюну,
Пусть дальше миф свой тешит лунный.
Я, главное, честь спас свою
И в разговоре, и в бою.
Коль он плетей избегнет, чудом
То станет. Умственным он блудом
Всех развращал, я ж доказал,
Как он в своей гордыне мал.
Я победил мерзавца силой,
Жив он иль будет взят могилой,
Мне всё равно». Сие сказав,
Пошёл к коню наш сэр, хоть Раф
Ещё не возвращался. Кое-
Как он вскарабкался, в покое
Оставив бок коня: тот сам,
Без шпоры, поскакал к лесам.
Наш нёсся сэр, оставив сзади
Дом мага, Ральфо, только пряди
Коня метались на ветру.
Конец, пора остыть перу.

Героическая эпистола от Гудибраса Сидрофелу[332]

Что ж, Сидрофел, хоть мозгу в репе
Наплакал вашей кот, нелепей
Ещё смотреться будет тот,
Коль трепанация возьмёт
И обнаружит эти капли.
Луна так выглядит – как цапли
Помёт, коль тучи ту мрачат[333].
Чтоб поумнеть, есть препарат:
Печалью он зовётся, ибо
От мудрости – печаль[334]. Улыба,
Как вы, всегда пребудет глуп.
Был Иссахар ослом[335], ваш суп
В мозгах идёт от Иссахара.
Нет в вас совсем такого дара,
Которым славен Вильям Принн[336],
Хоть любите вы чернь, судьбин
Вершительницу, так же пылко.
Вы думаете, что ухмылка
Её на вашу защитит
Вас от проклятий и обид?
Её валторны голос всякий
Перегудят[337], ей сидр лишь, ссаки
По сути, горячо любим.
Хоть вы толпы и подхалим,
Она как гром для перепонок
Ослиных ваших, как ни звонок
Ваш глас, когда ревёте вы.
Вы полагаете молвы
Избегнуть? Или убедили
Себя, что бури нишкнут в штиле?
С годами глупость лишь растёт,

Экстравагантным идиот
Становится. Кто, как не вы, сэр,
Похожи на гигантский высер
Невежества? Сравнить вас с кем-
Нибудь одним есть тема тем.
Когда-то были христиане,
Особо при Максимиане,
Казнимы между жерновов[338],
Вы бы поддакнули, вам плёв
Любой вид казни, кроме вашей.
Вы попривыкли быть парашей,
И исправлять вас – как нырнуть
На дно, увязнув в ней по грудь.
Увы, переливанье крови
Не может возвратить здоровье
Моральное. Как поросят
Вы к суке ни клади, навряд
Ли выйдут псы из них, вернее
Не выйдут точно. Вам ливрею
Носить бы, может быть, тогда
В вас вбили б капельку стыда.
Вы интриган, но лишь швырянье
Яиц протухших в вашем плане[339].
Вы, вроде как, лечить кору
Умеете дерев. Совру,
Быть может, но грибки на ветках
Вы сводите лишь парой метких
Высказываний. Как насчёт
Того пенька, что знай растёт
Из тулова ушами, носом
И прочим всем? Своим поносом
Словесным не пытались вы
Лечить болезни головы,
Кору, понятно, мозговую,
Но собственную? Я рискую
Вам навязать придумку, зов
Воображенья, парусов

При помощи что вдаль стремится —
Безупряжную колесницу[340].
Она бы пригодилась вам,
Чтоб от закона бечь, ведь псам
Её не выследить. В народе
Всё ходит слух, что вы, навроде,
Сумели старых сук в щенков
Обратно превратить, таков,
Мол, элексир ваш, чудо-средство,
Что дряхлым возвращает детство.
Коль так, то вы наверняка
И сами можете в щенка,
А лучше суку, превратиться,
Чтоб тявкать, но уже как псица.
Вы мановением бровей,
Мол, в силах вызвать суховей.
Коль так, то почему вы сами
Не испаритесь со щенками?
Рекут, что в Обществе своём
Вы заглянуть за окоём
Людского знания сумели
И лучше преуспели в деле
Ремесленников, чем они[341].
Коль так, то почему стряпни
Вкус вашей дико тошнотворен?
Кудесник вы, но лишь средь дворен,
И как вы ни хотите им
Быть для других, вы – аноним.
Нет, я неправ. У вас есть слава,
Но вся – как серенькая пава,
Как вы павлином ни рядись.
Хоть с Обществом научным близь
Дала вам право на именье
Какого-никакого мненья,
Вы, сударь, всё же не сэр Пол[342],
Кто, впрочем, как и вы, осёл.
Но рознитесь вы степенями

Ослиности своей. Вы в храме
Науки главный балабон:
Что ни скажи вы, надо тон
Ваш измерять немецкой милей[343] —
Настолько мозг вы засорили
Их там своим сплошным враньём.
Вы знатно утвердились в нём,
Так что вруны поменьше рангом
(Вы ж в центре) прячутся по флангам.
Увы, невежеству теперь
Распахнута любая дверь.
Откат у пушек больше, впрочем,
Чем тяжелей заряд. Отскочим
Мы миром всем от ваших врак,
Пусть и непроницаем зрак
Ваш, то бишь вид, когда несёте
Вы чушь, пусть вы пока в почёте.
Делишки ваши – свят, свят, свят! —
Загаженнее поросят,
Когда те в отрубях резвятся.
Но так для вас, для святотатца,
Не будет вечно: просекут,
Что самозванец вы, что труд
Ваш липов весь, и грянет кара
На порожденье Иссахара.
А как умеет наш народ
Карать, не знает только тот,
Кто не родился. Будет лучшим
Для вас исходом, а везучим
Всегда вы были, если люд
И знать вас чокнутым сочтут,
С луны упавшим то есть. Этим
Спасётесь вы, иначе детям
Дадут камнями вас побить,
А черни плети применить.

Часть третья

Песнь первая

Краткое содержание:
Наш сэр и Ральфо разругались
Вконец и к вдовушке помчались:
Наш сэр – решить судьбу, а Раф —
Предупредить. Вдова же, сплав
Коварства, странным маскарадом
Их встретила, с чертями рядом
Где фурии. Раф сэра спас
От самого себя в сей раз.
Вся правда в том, что сила страсти
Не знает над собою власти
Ничьей, и тот, кто одержим
Ей плюс имуществом большим,
Страдает вдвое. Тот, кто даже
Готов висеть на горном кряже
Во имя страсти, ей порой
Манкирует, как всей горой,
Иль струсив, иль свалившись в пропасть.
Другой испытывает робость
При виде пика и в объезд
Пускается, но ставит крест
На всех потугах вверх взобраться.
Из всех возможных операций
Страсть покорить нет ни одной,
Что не кончались бы трубой.
Прекрасных дам из звёзд ваяя,
Мы забываем, что немая
Луна к Калигуле в кровать
Не шла никак, свежа сиять[344].
Сколько хотите, голосите:
Не небе звёзд, как дырок в сите,
Нет, много больше. Тронуть их
Ничем нельзя, как глас ни лих.

Сколько мужей погибло, чтобы
Стяжать приятие зазнобы!
Зачем же глупо повторять
Опять сей промах и опять?
Элизий с Тартаром едины,
Попав в один, вы зрите спины
Тех, кто в другом. Зачем гореть
Любовью, коль всё так и впредь?
А если женщина жестока,
Сгорите вы в мгновенье ока,
Как мошкара в огне свечи.
Наш рыцарь знал, что ни врачи
Здесь не помогут, ни отвага,
Но удержаться он от шага
В гнилую пропасть всё ж не смог,
Решив, что нас умнее рок.

Как только кончилось сраженье
Меж ним и магом, тотчас жженье
Он в сердце ощутил своём.
Победа оживила в нём
Желанье (как лишь при победе
Бывает) к щиколоткам леди
Сложить свой лавр. Торжествовал
Он так, что сделался весь ал
От гордости. Она, затепля
Надежду в нём, не ждать констебля
Ему приказывала, а
Туда помчаться, где вдова
Жила. Забыл он, что за благо
Считал привлечь к закону мага,
Чтоб вышибить всё волшебство
Калёной палкой из него
Или заставить петь, что хуже
Ещё, псалмы, то горло тужа,
Что вскоре захлестнёт петля[345].
Решил оставить Ральфо для

Всей процедуры он ареста,
А сам к вдове помчался вместо
Того, чтоб сквайру пособить.
Он продолжал её любить,
А, значит, и триумф над магом
Был к счастью следующим шагом.
Он так того отделал, весь
Свой вес вложив в удар, что спесь
Слетела с колдуна надолго.
Считал сэр долгом (чувство долга
В нём было развито) вдове
Сказать всё прежде, чем молве
Удастся разнести по свету
Весть про его победу эту.
Мысль мучила, однако, что
Не дал он черни в решето
Всю спину превратить, в чём клялся
Вдове он. Сэр наш собирался
Сим новым подвигом затмить
Позор свой прежний. Только прыть
В бою дам привлекает, вроде
Покрошенных при всём народе
Огромных великанов иль
Быков – испанская кадриль
Со шпагой и мулетой; видя
Её, все девушки в Мадриде
От страсти изнывают. «Ведь,
Дабы мне стадом завладеть
Вдовы, – сэр думал, – надо пищу
Ей для ума дать, а бычище
Такой, как маг, она и есть».

Меж тем наш сквайр скакал, чтоб весть
Про плутни мага магистрату
Доставить: как тот, зря затраты
На предсказания свои,
Ещё ворует. Всё бы и

Сложилось так, не вспомни тут он,
Как разговор их был запутан
В цитатах, в разных именах,
Как сэр нагнал на мага страх.
За прекословия такие
Тут не одна, а две их выи
Способны были пострадать.
Остановился Раф, хлестать
Кобылу перестав. В тюрягу
Он сэра не хотел вслед магу
Сажать. Он также вспомнил вдруг
Про порку сэра, про испуг
Его при слове «суд», что было
И сам не схлопотал по рылу
От сэра, не прерви такой
Расправы шествие, рекой
Из леса вытекшее. В данный
Как раз момент наш сэр туманной
Надежде предался вдову
Сразить собой на рандеву,
Соврав, что выдержал он порку.
Когда мечтал он, сквайр с пригорка
В дол съехал, и к вдове наш Раф
Помчал, хозяина предав.
Он был диссентером ведь, а не
Как все другие пуритане,
Включая сэра. Ей решил
Всё рассказать наш вдовофил.
Тем часом сэр коня галопом
И своего пустил по тропам,
Где Раф чуть раньше проскакал.
В уме он ударял в кимвал
Своей победы над ничтожным
Волхвом, не прибегая к ножнам.
Вдове он клясться был готов,
Что выдержал аж сто кнутов,
Лишь бы на ней скорей жениться.

Короче, сэр летел, как птица,
Но Раф опередил его
На час иль около того.
Здесь оба в скачке представляли
Религию свою, в запале
Её, не ведал ни один,
Что помышлял другой. Так тын
Вдовы чуть Раф не снёс и сразу
Поведал всё ей.

Только фразу
Последнюю он завершил,
Как сэр наш въехал, полон сил,
На деревенское подворье.
Он привязал коня и вскоре
Был у дверей вдовы. Едва
Успела Ральфо скрыть вдова
В соседней комнате и к сэру
Навстречу вышла, кавалеру
Безмерно рада своему
На вид. Тот бороды кайму
Пригладил чинно, что свисала
До живота, и чуть устало,
Но с расстановкой произнёс:

«Мадам, скакал я на износ,
Чтоб тенью лечь в носочках ваших
Прекрасных ног. В иных милашах
Мне ну́жды нет. Клянусь я в том,
Что по спине моей хлыстом
Как следует прошлись. Не скоро
Я отошёл и договора
Скрепленья жду – вступленья в брак.
Моя спина теперь, как флаг,
Исполосована». На этом
Сэр покряхтел, как будто метам
Кнута нет счёту на спине

И раменáх[346]. Вдова, зане
От Ральфо знала всё, что стало
С обоими, не показала
И виду даже, жестом лишь
Велела продолжать. На крыж
Меча облокотясь вальяжно,
Сэр рёк:

«Я перенёс отважно
Страданья все во имя той
Любви, что застит разум мой.
Нет, вру: на славные деянья
Меня толкает. Нет названья
Ей в нашем мире. Но я снёс
Побои, зубы сжав, без слёз».

На что вдова рекла: «Коль память
Не изменяет мне, обрамить
Свой выход на свободу вы
Мне обещали, – тут вдовы
Чуть голос дрогнул, – послушаньем.
Надеюсь я, что мы не станем
Собачиться из-за того,
Насколько ваше сватовство
Оправдано держаньем клятвы.
А сколько раз под кнут подряд вы
Подставились иль нет, вопрос
Открытый, сэр».

Прочистив нос,
Ответил Гудибрас: «Хотите
Я поклянусь душой, что прыти
Хлыста я покорился? Вам
Не следует во мне, мадам,
Так сомневаться. А душою
Я не шучу: она с большою
Нам вероятностью дана

И после смерти. Вы лгуна
Во мне, ей Богу, не найдёте».

«Душе, в отличие от плоти, —
Вдова сказала, – не страшны
Побои, лишь от сатаны.
Она не старится от носки,
На ней, однако, как на воске,
Всё отпечатано – дела
И клятвы, и куда пошла
Она, в рай или в ад, лишь этим
Решится. Только малым детям
Сей штамп не страшен. Клясться ей —
Пустое, сэр. Творцу видней».

Ответил Гудибрас: «Согласен,
Душа есть воск. Лишь Богу ясен
На ней смысл оттисков. Лишь Он
Читает вязь сиих письмён.
Одно лишь сущно: что мы в жизни
Творим, то будет и по тризне[347].
Здесь уши отрезают, но
Чтó там, отнюдь не решено.
Ничто не связывает с миром
Иным, как души. Ни просвирам,
Ни клятвам, сдержанным иль нет,
Не гарантировать нам свет,
От Бога исходящий. Только
Душа Его свеченья долька».

«Так в чём клянётесь вы? – вдова
Спросила. – В мире всё слова,
Из них ни лживых, ни правдивых
Нет вообще. Вы в элативах
Запутаетесь прежде, чем
Пойму я хоть одну из тем».

Рёк Гудибрас: «Вы мне заданье
Пожаловали даве. Ране
Не подчинялся я ничьим
Глазам, но вашим херувим
Шепнул мне внять. Достиг предела
Я замка, что под Сидрофела
Находится заклятьем: маг
Заколдовал его, и всяк,
Кто входит внутрь, тотча́с во власти
Злых духов пребывает. К счастью,
Меня со сквайром пронесло,
И нас не покорило зло.
Готов я был сложить оружье
И меч уж снял, как вдруг снаружи
Мне голос зычный прогремел:
«Уйди! Ты, безусловно, смел,
Но я твой адский бич. Коль взгрею
Тебя я и не с силой всею,
То кожа отслоится от
Спины и рёбер в свой черёд.
Не смей под хлыст простолюдинов
Вставать! Они, весь стыд отринув,
Лишь поглумятся над тобой,
А ты ведь дорожишь спиной.
Ты, рыцарь, к подвигу иному
Спешить обязан. Как святому
Сказала бронза, время есть
И было, и прошло[348]». Тут честь
Свою я вспомнил, невзирая
На ужас, что голосовая
Мне весть внушила. Побежал
Я на подворье. В руку взял
Я меч и чувствовал спиною
Удары адские. За мною
Кнут следовал, куда я стоп
Ни направлял. Сказать бы «стоп»
Ему, но то была идея

Платона, муки чародея,
На тело насланные, коль
Я сунулся в его юдоль.
Но тем не менее я гласа
Нашёл источник, Гудибраса
Так напугавшего: он, ран
Виновник (с ним был Калибан[349]
Его, вице-ведьмак), снаружи
Стоял и волхвовал, чтоб хуже
Мне стало, а ещё – войска
Злых духов, чтоб до волоска
Последнего всё встало дыбом
На теле. Я, подобно рыбам,
Нырнул в их гущу и мечом
Стал их рубить, назвав при том
Три раза ваше имя, леди.
То Сидрофел был, кто в медведя
Мгновенно превратился, рёв
Подняв ужасный, а с клыков
Его свисала пена. В горло
Ему вонзил я меч. Припёрло
Его тогда, и он в гуся
Преобразился, голося
По-ихнему, и в пруд, что рядом
Был, занырнул. Его я взглядом
Искал, но не нашёл. Рука
Тогда на вице-ведьмака
Обрушилась моя. Арапник
Держал он с иглами, как лапник,
Которым сёк меня дотоль.
Но тот, кто мне такую боль
Доставил, вдруг при близкой встрече
Взмолился: „Сэр, хоть вас иссечь я
Готов был в кровь, я первый сам
Страдалец здесь. Мой маг на срам
Обрёк меня. Его капричос[350]
Овец производить мне вычес

Кнутом велели; послан был
Я отравлять любовный пыл;
В дома те слать, что на отшибе
Стоят, злых духов; делать в шибе
Оконной дырки, дуло чтоб;
Стеклом толчёным – верх стыдоб —
Кормить свиней с гусями вместо
Мякины; класть мукуну[351] в тесто,
Чтоб та кишки прожгла; дурман
Мешать с питьём, чтоб впал в туман
Тот, кто напьётся[352]; в списке оном
Ещё есть травля мамиконом[353],
Что вызывает бред, его
Алхимики за вещество
Таинственное держат; клика
Их тщится даже Серро-Рико
Во злато превратить[354]. Нашёл
Я много трав, что произвол
Творят подобный. Чернь ведь дура,
Ей внове камера-обскура
И линзы, волшебством её
Она считает, маг враньё
Ей подкрепляет. Но за уши
Свои дрожу я – он на суше
Могуществен, как и в воде,
А я помощник. Быть беде,
Коль слава колдовства до власти
Дойдёт. Меня за соучастье
Тогда уж точно привлекут“.

Вице-ведьмак отбросил кнут,
А я осёкся: безоружных
Атаковать – у нас, послушных
Законам чести, права нет.
Коню мы даже, пируэт
Творящему, уйти небитым
Даём, коль в нас своим копытам

Не целит он. Но я нажал
На ведьмака и услыхал
Такое о проклятом маге:
„Он въяве, как и на бумаге,
Всегда был сутенёром, плоть
Девичью продавая, хоть
И скрытно. За чужую похоть
Он золота сумел отгрохать
Себе немало. Он мастак
Девиц обманывать, мой маг.
Хотя все маги промышляют
Таким искусством, мой башляет
В три раза больше их. Он кот[355],
Что сводника перешибёт
Любого, будь тот эльфом даже.
Он уходил и из-под стражи,
И от погонь. Он и в аду
Пребудет уткою в пруду.
Он сам был дважды подмастерьем
У колдунов, построив терем
Свой на доходы от продаж
Девиц развратникам. Он в раж
Впадает, если неудача
Ему сопутствует: коль плача
Бросаются те наутёк.
Рекут, что маги, смертный срок
Прияв, становятся чертями.
Был в Ланкашире маг, кто даме
Не раз любовников нашёл.
Узнав об этом, мой орёл
Его на виселицу сплавил,
А клиентуру всю вне правил
Магических себе забрал.
Он может принимать оскал
Звериный: льва, медведя или
Гориллы. Кто не угодили
Ему, все превратились в змей,

Как посох Аарона[356]. Злей
Он с ними был, чем с фараоном
Сам Моисей. А с подчинённым,
Со мной, он обращался как
С врагом. Я жрал горох и злак
Любой бобовый, чтобы газом
Травить противников. Он лазом
Им щели выбирал, на корм
Им сахар шёл. Он много форм
За жизнь свою…“» Тут Гудибраса
Вдова оборвала: «Вы массу
Поведали деталей, сэр,
Правдивых ли?» На что тот сер
Вдруг сделался, сказав: «Детали
Все правда». Но вдова в запале
Не унималась: «Сидрофел,
Ища вас, в дом мой прилетел
На помеле, видать, и часа
Не минуло, как маг сей спасся
От вас. Он всё мне рассказал,
Но по-иному. Что вы в зал
Приёмной заявились сами,
Чтоб выяснить, как к вашей даме
Вам дóлжно относиться: страсть
Свою избыть иль в рай попасть,
Его наняв, чтоб он помог вам
Мной завладеть. Неплодным смоквам
Такие ухищренья, сэр,
Подобны: вы ж не суевер,
А я отнюдь не Персефона,
Чтоб похищать меня влюблённо[357].
Но он, знаток столь многих тайн,
Отверг позорный ваш дизайн,
Тогда на мага ополчились
С мечом вы. Он в трубу бы вылез
И на метле б умчаться смог,
Но тут вы мага сшибли с ног,

Чудовищно избив, на кухне
Лежать оставив. Раньше плюх не
Приял таких он. После дом
Обчистили вы – всё, трудом
Его накопленное, взяли
Себе вы, даже в интервале
Карманы вывернуть успев.
Вы спёрли и блошиный зев
И крылья вши, что талисманом
Ему служили, пусть и странным,
Но помогающим в делах.
Крутильный маятник в часах[358]
Его украли вы – новинку
Сенсационную, что к рынку
Ещё не добралась, – в числе
Других подспорий в ремесле
Магическом. Он был уверен,
Что вас унёс ваш чудо-мерин
В Рай[359] или в Дувр, но рассчитал
По звёздам путь ваш, и астрал
Сказал ему, что со всей прыти
Сюда, ко мне, вы, сэр, летите.
Он даже собирался вас
Поймать с поличным, Гудибрас,
Но рассудил умом, годами
Накопленным, что где-то в яме
Схороните вы кражу всех
Его имуществ и утех.
Тут Ральфо прибыл и на дело
Всё свет пролил. Вы Сидрофела
Хотели сдать констеблю, чтоб
На виселице он усоп,
А вы бы беленьким остались.
Ваш сквайр умён, его анализ
Всей ситуации помог
Мне уяснить, что вы, острог
Покинув, вдруг вообразили,

Де, исполненье клятв по силе
Намного меньше колдовства».

Сэр побледнел, когда вдова
Измену Ральфо всю раскрыла.
Но как она смогла, что в рыло
Он магу дал, узнать? Да, тот
Был, очевидно, звездочёт
Умелый. Но, клянясь, десницы
Не поднял сэр[360], а, значит, злиться
Господь не может на него.
И всё же было колдовство
Замешано. Тут сэр на двери
В другую комнату, не веря,
Что маг ушёл, взглянул и так
Сказал, почёсывая зрак:

«Мадам, все уверенья мага
Враньё. Подобье оверштага[361]
Они плохого корабля.
Не крал я ничего, но для
Вас лишь старался. Если лгу я,
Пусть слягу я от почечуя,
Нет, лучше пусть земля возьмёт,
Разверзшись, Гудибраса. Свод
Небесный пусть падёт на темя
Того, кто вашим был всё время».

Рекла вдова: «Благодарю
Я вас, что вы вступили в прю
За честь мою, однако факта
Того, что между нами пакту
Вы неверны, поступок ваш
Не отменяет. Баш на баш
Договорились мы, и фора
У вашей части договора
Была. Но как иезуит

Вы поступили, хоть на вид
Из пуритан вы честных. Дьявол
Наставил, видно, вас, что я, мол,
Поддамся на обман, что рай
Вам дан, как здесь вы ни плошай».
«Но я, – сказал сэр, – брака жажду…»
На что вдова: «Нет, этот дважды
Трюк, сэр, со мною не пройдёт!
Все осуждённые живот
На суд старух выносят девки,
Чтоб казни избежать[362]. Я спевки
С лукавым не терплю. Свою
Показывайте спину! Мню
Я, что на ней следов побоев
Не отыскать. Могли б, удвоив
Вы прыть свою, себя иссечь
Хоть сами, чтоб со мной возлечь».

Ответил сэр: «Вполне законно
Желанье ваше. Миллиона,
Никак не меньше, стóит брак
Такой, как с вами. И наждак
По коже – маленькая плата
За близость с вами, а кнута-то
Удары – вовсе пустяки.
Я б снял дублет, но синяки
Мои кровоточат доселе:
Прилип он к телу. Нет на теле
Живого места. Коль рвануть
Его, то будет просто жуть:
Все раны, что едва присохли,
Откроются. Не знаю, плох ли
Им воздух, но чем он свежей,
Тем и спина, и мой филей
Страдают больше».

Но вдовица

Не унималась: «Значит, биться
Вы не боитесь, сколько б ран
Ни причинили, а мужлан
С кнутом так изодрал всю кожу,
Что показать её не гоже?
Чего вы, в случае таком,
Хотите от меня? Верхом
Не дам я сесть вам, хватит прений,
Без, сэр, телесных подтверждений».

«Вы дали слово небесам, —
Промолвил сэр, – что стану вам
Я мужем. Вы назад берёте
Его, так что ль, коль рваной плоти
Не покажу я? В небесах
Предательством сочтут ваш страх
Пред браком, леди, а на это
Есть у небес своя вендетта».

Ответила вдова: «Так вы
Трактуете весь смысл главы
Евангелья, где говорится,
Что браков в небесах – страницу
Могу я указать вам – нет[363]?
Любовь, одна из главных бед
И счастий наших, не во браке
Совсем. Она свободна, аки
Орлица в небе, привязать
Её к шестку, каким кровать
Является супругов, глупо,
Коль не желаете вы трупа
Любви. Ей свежий воздух лишь
Потребен, чтоб порхать, как чиж
Иль ласточка. А брак про узы,
Что ей смешны. Все, сэр, союзы
Обречены. Жена к тому ж
Ответственна за всё, что муж

Способен вытворить, и счастью
Конец. Приковывал к запястью
Темничника себя тот страж,
Кто в Риме надзирал, как наш
Констебль теперь. Брак – это цепи
Такие же. А что нелепей,
Чем за другого отвечать
Своею жизнью? Вы вот знать,
А подражаете мужланам.
Отдать себя во власть мне странным
Довольно кажется. Коль брак
И есть, то он торговый знак
Партнёров двух, и только. То, что
Взаимного заради кошта.
А одного творить из двух
Не может даже Святый Дух.
Брак окупается на ложе
Лишь смертном, когда деньги – вожжи
Семьи – уходят к одному
Или к одной, а посему
Бессмыслен он. Коль в браке дети
Рождаются, все деньги эти
Уходят им. Тогда вдвойне
Бессмыслен брак. Лишь на войне
До срока гибнут, дети ж наши
Все ждут, когда умрут папаши,
Чтоб получить свой капитал.
Закон наш слишком добрым стал:
Бастардов нет, коль их родитель
Островитянин[364]. Значит, китель
Не нужен брака с неких пор,
Чтоб кто-то ваши деньги спёр.
Больше того, коль крепостными
Рождаются бастарды, имя
Им переходит ваше. В брак
Вступать абсурд. Грешить и так
Спокойно можно, если деньги

Вам руки жгут, а в деревеньке
У вас любовница. Был лорд
Когда-то положеньем горд,
А коль ходил налево, право
Передавал лишь тем, кто здраво
Способны были рассуждать.
Всё поменялось: наша знать
Стать рогоносцами готова,
Чтоб только местная полова
Не значилась на ней[365]. В донжон[366]
Теперь въезжают Джек и Джон,
Недавно жавшие пшеницу.
И кто из них на что годится,
Уже неважно. Хода нет
Обратного, коль вы свой след
Оставили в потомстве. Ране
Вольны мы были, как цыгане,
Которым сдохший конь велит
Как дух, но с четвернёй копыт,
По смерти сразу разводиться.
Вот кто свободны, словно птицы!
У нас же рабство, и закон
Мы пишем, чтоб себя в полон
Загнать совсем. Паук на муху
Ведь не охотится, та брюхо
Сама своё суёт к нему
В тенёта. Так в законов тьму
Мы угодили сами. Некто,
В ком нет ни капли интеллекта,
Их сочиняет, отобрав
У нас две трети наших прав
На выбора свободу. Вдовы
Так в Индии идти готовы
За трупами мужей в костёр.
Де, смерть не разлучит, как вор
Главнейший, никогда супругов.
Мужчины далеки испугов

Подобных и распутный спорт
Вовек не бросят. Жёны, сорт
Страдалиц, чтоб сравнять счёт в сете,
Свои раскидывают сети,
Самцов находят и грешат.
Пифагорейцы говорят,
Что в людях та ж душа, что в травах
И птицах[367]. Так любовь в оправах
Живёт различных. И бомжа
Любить возможно. Коль свежа
Любовь, то нас, как лихорадка,
Трясёт; коль остывает, гадко
Способна обжигать, как брус
Железный там, где мёрзнет рус.
Любовь – стекло: пока в плавильне,
Течёт, а вынешь – холодильней
Оно, чем лёд, как большинство
Любовников. А до того,
Как ими стать, они пылали
От взглядов недоступной крали,
Как сухостой, клянясь ей век
Быть верными. Но после нег
Куда уходит всё? Отсюда
Мораль: надеяться на чудо
Смешно, все мазаны одним
И тем же миром. Вдовам зрим
Сей недостаток лучше: были
Все замужем они, к могиле
Спровадив муженьков и став
Свободными, в мужах чтоб нрав
Ценить и ничего другого.
Коль замуж выходить им снова,
То лучше, как лисицам кур,
(В чём никогда не прав Амур)
Жертв выбирать по весу в пасти
И не впадать в иные страсти.
Конечно, сладко, коль петух

Топтать способен, но из двух
Коль выбирать: топтун иль просто
Вам по зубам – и в смысле роста,
И в смысле веса, – то тогда
Главней характер, чем елда.
Такое мнение об узах
Царит теперь и во французах.
Есть право женщин и мужчин
Сливаться так, чтоб ни один
И ни одна не пострадали.
Они должны быть в идеале
Гермафродитом: миловать
Друг друга, не отстав на пядь,
Как были в той старинной эре
На шиллинге Филипп и Мэри[368].
Меж юбкой и штанами связь
Гораздо глубже, чем срослась
Та у стволов и мхов. И эту
Связь не дано воспеть поэту:
Он пишет лишь о том, как дам
Добившись, рыцари свой храм
Любви со тщаньем разрушали,
Став холоднее, чем в начале.
Всё из-за ревности, какой
Все корни в браке. Так в покой
Входила к жениху невеста
В вуали жёлтой в Риме[369], вместо
Обычной белой. Жёлчь вот так
В нас разливается, и брак
Идёт к чертям уже с порога.
Нет хуже ревности, что, строго
Меж нами, триппер есть ума,
Заразный, как и страсть сама.
От страсти остаётся пепел,
А ревность держится, хоть нé пил
Любовных зелий муж опять.
Жену свою подозревать

Он начинает, иль та мужа.
От этого обоим хуже,
Чем до их брака. Взять Китай,
В нём муж, как страшно ни шатай
Жену после родильной муки,
Нег требует таких, чтоб звуки
Их были в доме всем слышны.
А разве в этом роль жены?
Юнцы зелёные хитрее:
Подхватывая гонорею,
Они таятся и плодят
Детей больных. От этих чад
Идёт зараза тоже. Кстати,
Сказать, кто в зуде виноватей,
Отец иль мать, нельзя, хоть галл
Болезнь нам эту передал.
Хворь делает двоих единым
Порочным целым. Господином
Становится мужчина, дав
Зарок жену чтить, и стремглав
Её волочит в койку. Это
Не повод вовсе, чтоб обета
Не нарушать. Любовник, будь
Каким он, тоже хочет грудь
Лобзать, как муж, и нету жёнам
Покоя в виде обнажённом.
Когда ж они одеты, вам
Не угадать, каков их срам:
Портной с косметикой фигуры
И лица, как они ни хмуры,
Преображают. Все хотят
Любви. Отсюда машкарат,
Где можно спрятаться за маской
Матронам даже, кто оглаской
Их шашней все б томились, но
Распутство не запрещено,
Во-первых; во-вторых, их шашни

Кончаются тщетой домашней
Иль даже койкой, но и та
По сути схожая тщета.
Короче, что у дам под платьем
Мужчины узнают с объятьем
И распусканьем рук, а брак
Кратчайший путь, чтоб на лежак
Совсем нагой завлечь невесту.
Брак, сэр, не институт, а место,
Где раздевают женщин: дам
И дев. Пока жених и сам
От любованья наготою
Вдруг не поймёт, что под пятою,
Под каблуком то бишь, жены
Находится. И где те сны
Добрачные? Нытьё, тарелок
Битьё, скандалы. Хуже сделок,
Чем брак, на свете нет. Лишь шум
В ушах, что превращает ум
В ворота, куда бьют тараном.
Как мужу жить с таким таланом?
Сирены обращали всех
Мужей в баранов. Только мех
И нужен жёнам, а до света
Им внутреннего дела нету.
Все корни мандрагоры нам
Мужей являют, как и дам,
Когда из почвы вырывают
Их, то они, рекут, вздыхают
Лишь тяжко[370]. Брак – такой же грунт:
Хороним мы себя в нём, бунт
При извлеченье поднимая,
Но ждём его, как солнца мая».

Ответил Гудибрас: «Мадам,
Ваш монолог был очень прям,
Но ваше отношенье к браку

Неверно, хоть порой двояко.
Адам в раю был одинок,
Пока ему не создал Бог
Компанию, причём из бока
Его же, для забав и чмока.
Но главной целью было прыть
Его слегка угомонить,
Смягчить Адама недостатки
При помощи такой разрядки.
Потом уж оба съели плод,
И начался наш общий род.
Адам кормить не может грудью,
А Ева может. Так безлюдью
Пришёл конец. От пят до косм
Тела их – это микрокосм,
Вселенной нашей анаграммы.
С творенья Евы и Адама
Мир на два пола разделён,
И чётко симметричен он.
В наследницах прекрасной Евы
Мир явлен стороною левой,
Тогда как правой стороной
Является Адам, а Ной
Симметрию соблюл в ковчеге.
Две половины в жаркой неге
Сливаются, и их разнять
Никто не в силах. Бог печать
Свою поставил на Вселенной.
Симметрии сей вдохновенной
И лица все подчинены:
Два глаза, две губы. Равны
Все части их. Взгляните, как вы,
Мадам, прекрасны! Бог от кряквы
До львов и мух всем пó два дал
Овальных ока, пьедестал
Однако предоставив людям.
Всё в мире парно. Разве будем

Сопротивляться мы тому,
Что человеку одному
Жить не дано? Мир бы уродин
Был полн, когда б не план Господень
Блюсти симметрию. Из двух
Всё половин, и даже слух,
Одно лишь чувство, Он составил
Из двух ушей. Других нет правил
В природе, кроме парных. Брак
Введён самим Творцом. Никак
Вам от него не отвертеться.
Я допускаю, что хотеться
Нам одиночества порой
И может, но природы строй
На браке зиждется. В какую
Из эр он не был, вас спрошу я?
Конечно, исключенья есть
Из правила, их перечесть
Легко мне: Божии невесты,
Монашки то есть, слуги Весты
И амазонки, кои миф,
Конечно, но он так красив;
И стоики ещё, кто были
Все против брака, чтоб засилье
Несовершенств людских не шло
По миру, вот и всё. Число,
Как видите, мало ничтожно.
Да, правы вы, мужчинам можно
Пока всё то, что вам нельзя.
Общественная вам стезя
Закрыта, например. Зато вам
Дана, мадам, любовь к обновам,
В отличье от зверей, кто шкур
Менять не могут. Ваш прищур
О многом говорит. И всё же
Продолжу я. Мужам одёжи
Не жалко их. К тому ж рога

Растут у них лишь, кто врага
Не часто знают. Но без брачных
Свидетельств нам ни ферм табачных,
Ни замков, ни клочка земли
Не унаследовать. Могли
Мы разве бы без них, скажите
Мне честно, в холе жить и в сыти?
Пора, конечно, изменить
Закон, что младший брат кормить
Себя с земли не может, хоть и
Не мрёт от изможденья плоти[371].
Когда б не браки, и земля,
И титулы все были б зря.
Когда б монархи не женились,
Их царства бы распались или с
Землёй сравнялись бы, хоть сто
Роди они бастардов. Что,
Если не брак, залогом мира
Меж странами – любого сира
Возьмите – служит? Брак войну
Заканчивает и мошну
Державы набивает. Даже
Кровь, пролитая в бранном раже,
Вдруг забывается, когда
Грузнеют браков невода.
Брак в интересах женщин тоже:
Они всегда царят на ложе.
Где, как не в браке, им даны
Права такие? Чин жены
Передаёт им автоматом
И титул, и малейший атом
Хозяйства, в общем, всё, что есть
В заводе мужа, даже честь.
Брак возвышает добродетель,
А муж всегдашний ваш радетель.
Быть замужем, быть *femme-couverte*[372]
Престижно, никакой к вам ферт[373]

Пристать не может. Незамужней
Трудней, нет в мире безоружней
Мисс и вдовиц, хоть до зубов
Вооружён был бегунов,
Верней бегуний, клан, Диане
Принадлежавший. Также дряни
Все с Люкнерс-лэйн[374] живут одни,
Торгуя телом искони.
Не браком связан был, точнее
Не знаем мы, с Озёрной феей
Сэр Ланселот[375]. Бастарды все
Природной преданы красе,
Поскольку та им вместо дома.
Именья им не светит, взлома
Лишь разве что путём. Отца
Не зная, матери лица
Стыдясь, они растут без счёту,
Подобно сорго и осоту.
Жене, как я уже сказал,
Принадлежит весь капитал,
В чём-чём, а в этом мы законы
Не попрекнём. Жена препоны
Одолевает все одна
По дому. Если муж сукна
Навёз, то шить лишь ей, отсюда
Идут все моды. Если блуду
Он предаётся, ей терпеть.
Живот достаточно иметь
У нас, чтобы уйти от казни.
Хоть женщина и безобразней
С огромным брюхом, ей оно
Жизнь сохраняет всё равно.
Равны права у тех, кто миссис
И мисс, но, на судьбу окрысясь
Безмужнюю, стремится мисс
Попасть в семейный парадиз.
Хоть иногда он мнится адом,

Все женщины хотят быть рядом
С мужчинами. Размолвки лишь
Крепят союз. Не может тишь
Быть полной: шум семейной ссоры
Сменяется постелью. Горы
Препятствий убирает та.
В забеге, скажем, до шеста
Все соревнуются, но это
Лишь спорт. Союзы – эстафета,
Где побеждают оба. Я
Настаиваю, что семья
Нелёгкий груз, но нужный, чтобы
Не стать рабом своей особы.
Мы отдыхаем от забот
В семье лишь. Одного гнетёт
Всегда какое-то расстройство.
Супруга же имеет свойство
Рассасывать печали, хоть
Бывает трудно их бороть.
Семья – гармония, как, скажем,
И звуки. Меломан со стажем
Вам тотчас же определит,
Хорош иль плох любой подвид
Мелодии, и та плохая,
Где звуков не едина стая.
В союзе каждом времена
Бывают, когда синь, ясна
До этого, вдруг страшно тмится.
Бежать? Остаться? Разозлиться
На мужа иль жену? Но нет,
Все остаются, ибо свет
Всегда пробьётся. Разногласья
В семье – часть жизни. Даже в массе
Своей проклятья – вид молитв.
Вся жизнь ведь состоит из битв,
Но только в браке меч из сплава
Двоих содеян. Значит, слава

Победы делится меж них.
Любовь, согласен, это вспых,
Который не бывает вечен.
Но если вами нужный встречен
Партнёр, то биться в унисон
Сердца заставить может он.
Узлы всех клятв ужасно склизки,
Вокруг самцы и одалиски,
Но надо верить, что лишь смерть
Способна эти клятвы стерть.
Один лишь брак никак не в силах
Сдержать ту страсть, что зреет в жилах
Порой, и женщины сердца
Отдать готовы в плен самца,
Но муж на то, чтоб быть с женою
В период вспышки сухостоя,
Отдав всё, как анахорет,
За видимый ему лишь свет».

«Таких я знаю жён немало, —
Вдова тут, перебив, сказала, —
Но больше знаю я таких,
Кто каялись за этот свих.
Амура стрелы все случайны,
Он бьёт вслепую. Нету тайны
В том, что по древко аж они
Заходят в сердце. Тех, кто дни
Свои в покое проводили,
Вдруг жжёт, как будто бы на гриле.
Забавно то, что вспыхнуть страсть
Способна самочинно. Хлясть —
И обожгла кнутом, вне связи
С кем-то другим. И нету мази
От этих ссадин. Лишь потом
Находится любовник, в ком
Страсть собирается, как в лупе
Лучи. Любовники, как в ступе,

Толкут друг друга, но вся прыть
Направлена, чтоб подчинить
Себе другого иль другую.
Нет, я словами не фехтую,
А говорю, как есть. Зачем
Всё это им? Коль их тотем
Зверьё, тогда понятно: дани
Те требуют. Но христиане
Любовники. – А чтоб зачать
Детей, а после передать
Наследство им, богатство то есть.
Богатство! Если ныла совесть
При накоплении его,
То возбудилось естество
Теперь при мысли, что удвоить
Его возможно. Страсть присвоить
Себе чужое больше в нас,
Чем страсть продавливать матрас.
Когда о деньгах речь, то пара
Пылает страстью, и от жара
Такого переходит в храм,
После чего всё пополам.
Вот истинная вам причина
Всех браков: денег половина,
Иначе статус свой к чему
Менять? Невеста видит тьму
Достоинств в женихе, из коих
Земля и деньги страсть в обоих
Поддерживают, а жених
В приданом кучу золотых,
Наверно, насчитал. Вступая
В брак, мы согласны, что вторая
Часть нашего уже не нам
Принадлежит, а это срам.
Став миссис, мисс ведёт хозяйство
И умирает от зазнайства,
Что это всё теперь её.

У мужа сладкое житьё:
Не надо тратиться на сводней.
А то, что у него сегодня
Всё отобрали, он в расчёт
Не принимает, коль живот
Растёт у милки. Коль та сляжет,
Он к шлюхам побежит иль скажет
Себе, что завести пора
Любовницу. Брак есть игра
В благополучье, а не что-то
Другое. Быть в кругу почёта —
Наследниц стимул, коль они
От лордов рождены. В тени
Такая пребывает долго:
Всю жизнь её идёт прополка
Манер, а с юности она
Хитрюгами окружена,
Из коих каждый в мыслях сплавал
В её лагуну. Так вот дьявол
На ведьм воздействует: сперва
Какая-то разрыв-трава,
А после помело и ступа.
Винить девчонку в этом глупо,
Но деньги ей идут во зло.
Приносит вскоре помело
Свах, сводней, прочих сутенёров.
Как результат переговоров
Она выходит замуж, чтоб
Самой уж воровать – не в лоб,
Конечно, а путём окольным.
Приданого смысл, чтоб довольным
Был муж, коль он богат, а нет —
Так титул больше всех монет
Влечёт родителей девчонки.
Коль нету титула, то звонки
Тогда посулы женишка,
Мол, страсть к невесте велика.

Что если девушка вдовица
Уже, причём с детьми? Кормиться
За счёт её тогда такой
Жених надеется. На кой,
Вы спросите, ей брак? А чтобы
Быть, как и все. Невеста сдобы
Подобье, если деньги есть,
Любой её захочет съесть.
Отбоя нет от ухажёров,
Короче. В ход метанье взоров
Идёт на машкаратах, где
Глаза видны лишь и т. д.
Пути, сэр, неисповедимы
Любви: один стреляет мимо,
Другой же, глядь, и попадёт.
Чаще всего такой народ
Нас разоряет в результате.
Мы всё готовы за объятье
Умелое отдать, пускай
Нужда и перешла за край.
Но страсть меняется внезапно
На холод. В мире много баб, но
Не все страдают так, как та,
Кто любит: вся внутри пуста
Она от этой перемены.
Врачи бессильны, да и цены
На их услуги всё растут.
Вот брака, сэр, вам институт:
Кругом долги и кредиторы,
Муж пьёт, а в доме только ссоры.
Куда любовь девалась? Нет!
Любовь от денежных диет
Быстрее сохнет грязной лужи.
Нет, чтобы пояса потуже
Лишь затянуть, так нет опять!
Долги ведь надо отдавать,
А тут сплошные закладные

И явки в суд петлёй на вые.
Таков любви конец. Всё брак,
Не он бы, бедняком бедняк
Остался бы, а та, кто в холе
Жила, не знала б этой боли.
Найдите, сэр, себе вдову,
Разбухшую, как наплаву
Утопленница, словом, в теле,
От сбыта лагера иль эля.
Такая страсть, как ваша, жир
Её растопит. Страсть транжир
На чудеса способна. Сало
Горит отлично. Вы немало
Сумеете в карман деньжат
Перекачать, *sans mascarade*[376]».

Пока они трепались, солнце
Зашло, спустилась тьма в оконце,
Но вдруг раздался страшный стук
В ворота, будто кто-то рук
Имел с полдюжины. Вдовица
И сэр переглянулись. Биться
Так может лишь незваный гость,
Когда его снедает злость.
Всё тело Гудибраса дрожью
Пронзилось, словно кнут по коже
Его лупил. Он посерел,
Как пепел. «Это Сидрофел, —
Подумал он, – пришёл за мною».
Сереет человек порою
От храбрости, но сэр наш был
Охвачен паникой. Стропил,
Казалось, рухнет бук от стука.
Сердечко сэра, вроде бука,
Тряслось. Хоть первый был позыв
Бежать куда-то, сэр, схватив
Свой меч, во двор подался было,

Но тут вдова остановила
Его: «Сэр, вам туда не след!
Коль это Сидрофел, то бед
Не миновать. Ему не рады
Здесь вовсе. Вместо я преграды
Ему, мерзавцу, послужу.
Будь даже он подстать ужу,
В дом не проникнет он. Мы, жёны,
Умеем создавать препоны,
Так что сбежит он, хвост поджав.
Он стар, хоть с виду моложав».
Сэр чуть взбодрился от тирады
Такой, меча смурные взгляды,
Как будто древний Хардекнуд[377].
Подняв свой меч, вскричал он: «Шут
Гороховый, готовься к смерти!»
Но тут вдова (не все, поверьте,
Так вдовы мужественны) меч
Рукою отвела и речь
Держала: «Сэр, вам лучше в доме
Остаться. Мне ведь больше, кроме
Вас, нет подмоги. Надо дверь
Нам чем-то подпереть, чтоб зверь
Не мог прорваться. Коль до бойни
Дойдёт, мне будет так спокойней».

Меж тем стук в дверь раздался, как
В ворота до того. Сэр драк
Ещё одних с коварным магом
Не жаждал. Был бы тот варягом,
Он как британец дал бы бой.
Но сердце колотилось. Свой
Он меч опять поднял, вдовицу
Готовый защитить. Сгодится
Ещё он, думал сэр, чтоб ей
Продемонстрировать кровей
Своих над магом превосходство.

Он ждал её лишь руководства,
Сиречь сигнала. Здесь она
Была хозяйкою сполна.
Но вдовушка куда-то делась.
Он был один, как остров Делос
Или любой другой. Стоять
Решил он насмерть, рукоять
Сжав крепко. Дверь почти что пала
От яростных ударов. Стало
Ему не по себе. Обрёл
Укрытье сэр, нырнув под стол
И нечто вроде баррикады
Соорудив из стульев. Гады
Рвались, а в том, что много их,
Не сомневался он, хоть лих
Был от природы, как мы знаем.
«Что ж, Сидрофел был негодяем
И целую толпу с собой
Привёл, – сэр думал, – с нею бой
Неравен». Тут кошмарный грохот
Потряс весь дом, а после хохот
Зловещий прозвучал. Напряг
Наш сэр пятёрку чувств, где маг
Узнать пытаясь. Показаться
Могло, что впал он транс, эрзацу
Подобный смерти, но, рекут,
При геомансии[378] капут
Такой бывает, хоть на время.
Лапландским магам лишь (вот племя
Неистребимое) она
Пророческого вроде сна.
Меж тем враг сэра баррикаду
Взял, обступив её, в осаду.
Когда-то хлыщ один хотел
В окно влезть к даме, но в придел
Был втащен спальни мужем дамы
За оба уха. Так упрямый

Враг с Гудибрасом поступил:
Взял зá уши что было сил
И вытащил из-под укрытья.

Хоть не дошло до мордобитья,
Враг, а верней враги, его
Всё ж приложили палкой во
Второй и третий раз, а первый
Был впрямь болезнен. Сэры нервы
Очнулись тут от забытья,
Хоть он и не издал вытья.
Чтоб вывести из транса, надо
Лишь хорошенько дать по заду;
Подёргать за уши иль нос
Не помогает. Перенёс
Сэр муку эту сверхдостойно,
Недаром он прошёл сквозь войны.
Подозревал он, что потом
Его калёным жечь прутом
Начнут, что было б много хуже.

Лежал он, будто бы на суше
Акула или же на шельф
Попавший скат. Тут страшный эльф
Над ним склонился и потрогать
Его решил, расправив коготь.
Потрогав же, он зарычал,
Как зверь, явив зубов оскал:

«Ты, смертный, не вкусил мучений
Ещё. Тебя нам злой твой гений
Для пытки передал. Платить
За лжесвидетельство, за прыть
Лганья, за нарушенье веры
Святых ты будешь». Тотчас склеры
У эльфа пожелтели, и
Он продолжал: «Зачем в свои

Ты сети завлекал вдовицу?
Как ты посмел, гад, покуситься
На сердце женщины? А ну,
Всё расскажи, иначе пну
Тебя я так, что кости в теле
Все затрещат. Ты смел кобельи
Свои повадки показать
Вдове, хотел ты в жёны взять
Её, а по какой причине?»

«Я вёл себя, как то мужчине
И подобает. – Сэр сказал. —
Она мой главный идеал,
И денежки её, конечно.
Мы все пред Богом нашим грешны,
За деньги совесть я предам,
Хотя вдова всех краше дам,
И я её пленился телом.
Я вашим братом, Сидрофелом,
Воспользовался, чтобы он
Мне рассказал, как небосклон
Относится к проекту брака».

«Но ты её любил, собака,
Иль нет?» – тут страшный эльф взревел.
Ответил сэр и покраснел:
«Не больше, чем тебя, чертяка».

«Так, значит, деньги всё. Однако
Ты преуспел: вдова пойти,
Гад, за тебя была почти
Готова, зная, что растратчик
Ты жуткий, что заради скачек
И приключений ты пойдёшь
На самую большую ложь.
Вписать я в договор ваш брачный
Велел ей пункт, на вид невзрачный,

Что без наличных обойтись
Придётся мужу, коль он близь
С ней ценит так. Тебя без денег
Оставил бы сей брак, мошенник».

«Что вынудило, чёрт, к вдове
Тебя подлезть, как хряк к ботве?»

«А то, что выигрыш огромный
Сулит победа силе тёмной,
Коль ставить всё на игрока
Слабейшего, намяв бока
Сильнейшему пред первым сетом».

«Зачем ты пренебрёг тем светом?
Не для того же, чтоб бичом
Пройтись по мне на свете сём?»

«Я вижу за осла меня ты,
Гад, держишь. Мог бы я трикраты
Тебя иссечь, но я хотел
Вдову поймать на крюк, чтоб чел
Такой, как ты, ей стал приманкой,
И сделать леди нимфоманкой».

«Зачем медведем ты, иблис,
Оборотился? Мог я из
Тебя повыбить дух звериный».

«В том лишь читатели повинны,
Им приключенья подавай,
А ты был лучший, в этот край
Заехавший, к тому же черни
Необходим венок из терний,
Чтоб поклоняться или грязь
Бросать. Медведя ипостась
Была мне самой подходящей.

Сбежал он первородной чащей,
А ты почувствовал кураж,
Так род мы соблазняем ваш».

«Но для чего ты ипокритом
Стал, чёрт? Бывал я больно битым,
Но лицемером никогда».

«Двурушничество не беда
Отнюдь. Все ваши церкви в этом
Согласны. Их авторитетом
Покрыто лицемерье. Дар
Оно великий, этих чар
Чернь слушается, хоть порою
И нет. Ведь лицемерье строю
Присуще вашему: на нём
Стоит вся власть. Ты днём с огнём
Других не сыщешь. Грех двуличья
Всё обуял. Как песня птичья,
Разлит он в воздухе».

«Что, чёрт,
Нас заставляет – чернь ли, лорд —
Клятв не блюсти? Ужель и это
Твоя работа? На замету
Берёт нас небо, здесь же суд
Грозит. Ужели клятвы спуд
Такой ужасный, что все люди
Плюют на них и правосудье?»

Эльф отвечал: «Вот ты к вдове
Подкатываешь, в рукаве
Своём держа немало трюков.
Мы, черти, вас за сим застукав
Занятьем, так дивимся, что
Готовы в этом шапито
Быть на подхвате и учиться

У вас. Политика же, мнится
Мне, чёрту, устарела, как
И реформация. Из благ
Её остались только трюки.
Ты ж будешь первым в сей науке».

Рёк Гудибрас: «Нет, нам чертей
Не переплюнуть, трюкачей,
Подобных вам, во всей общине
Не сыщешь».

«Ты ошибся, сыне,
Как ваши говорят. В неё
Мы не суёмся. Там враньё
Без нас цветёт».

«Но вы ведь были
Когда-то ангелами. Плыли
Вы в небе, прежде чем упасть
В геенны огненную пасть.
Вы ангелы досель, в сравненье
С людьми, на сей земной арене.
Коль дашь ты мне уйти, я гнусь
Переборю и изменюсь».

«Не зарекайся. Что ж до нашей
Природы, да, за Божьей чашей
Сидели мы когда-то. Мне
Неясно самому вполне,
Как пали мы. Нам бы учиться
У вас, как к Богу подольститься».

«Что делает подлюг, скажи,
Общины частью?» – «Фуражи».

«Что заставляет человека
Убить другого?» – «Ипотека[379]».

«Что совесть есть такое? – «Сорт
Душевной дамбы, даже чёрт
Не знает, что она такое,
Но коль прорвёт её, то гноя
Количество превысит тьмы
Бубонов гнойных от чумы[380]».

«Что заставляет чёрта катет
Делать косым углом?» – «Мне платят».

«Как совесть с верой пуритан
Соизмерима?» – «Так, как жбан
Парного молока и вымя».

«Сверженье королей во имя
Свободы правильно иль нет?» —

«Ты знаешь сам на то ответ:
Насколько больше в результате
В стране чинов и бюроктатий».

«Что делает доктрины свод
Прозрачным?» – «Двести фунтов в год».

«Что позволяет вдруг на месте
Её взрасти другой?» – «Те ж двести,
Но сверху предыдущих».

«Как
Клятв недержанье сладкий смак
Приобрело святого дела?» —
«Да просто. Всем осточертело
В полглотки есть, носить рваньё».

«Законы иль свобода?» – «Чьё
В зависимости право. Кто-то

Имеет на свободу льготы».

«Как церковь наша вдруг в вертеп
Воров вся превратилась?» – «Слеп
Ты, видно, пасторов не видел
Давно – они наш, адов выдел».

«Как нам очистить церковь от
Всех сорняков?» – «Доктрины свод
Взять в свои руки, слушать духа
В себе, а пасторов – вполуха».

«Но почему моральность, чёрт,
Преступна?[381] Изо всех когорт
Святых я слышу (хоть не овны
Мы все), что нравственность греховна».

«Как добродетель, благодать
Не то, чем можно обладать
Вне веры, первую нечистой
Зовут они, словно софисты.
Для нравственности совесть быть
Должна мерилом, их же прыть
Религиозная и совесть
Отвергла. К раю подготовясь,
Они живут своим. Но ад
Не занят ими, пусть грешат».

«Что значит, чёрт, скажи мне сходу,
Добыть для совести свободу?»

«Свести всё снова к чистоте
Античных нравов, ибо те
Ценили, римляне и греки,
Свободу в каждом человеке.
А христианство ведь свело
Всё к коллективу. Так число

И взяло верх над единицей.
Вы у евреев научиться
Хоть многому смогли, но ту
Вы не набрали высоту».

«Довольно! Ник Макиавелли
Со старым Ником[382] был хоть в деле,
Но до такого не дошёл.
Уматывай, исчадье зол!»

Вмиг эльф исчез, а с ним и фурий
Компания. Сэр в кубатуре
Один остался, серой пах
И сэром воздух, где впотьмах
Лежал он посреди гостиной.

Царица ночи[383] дланью длинной
Приливами руководит
И сумасшедшими, синклит
Которых больше с каждым годом.
Теперь она перед восходом
На запад отступила, чтоб
Соснуть. Хоть Гудибрас огрёб
По заднице ударов тройку,
Лежал он кверху пузом стойко
И думал, что ещё за ним
Придёт вся свора. Он одним
Следил глазком за обстановкой,
Другой зажмурив, сей ночёвкой
Обескураженный зело.
Пред ним досель мелькало зло,
Что, видно, магом из геенны
И было вызвано. Гиены
Рычаньем тут проникся дом,
Хихиканьем и скулежом;
То демон был, и после рёва
Тот произнёс такое слово:

«Несчастный, трюки все твои
Впустую. Сколько ты ни мни
Себя тут рыцарем, ты братство
Святое предал: на богатство
Ты покусился, рыцарь же
Быть должен нищим, а в душе
Невинным. Ты решил, что странствий
Достаточно, чтоб слух в пространстве
Разнёсся про тебя? Гоня
По миру, сделал ты коня
Своею частью. Ты подобен
Кентавру, хоть не счесть колдобин,
Споткнуться можно. Ты решил,
Что этого довольно – пыл
Свой демонстрировать, – чтоб в зале
Артуровой тебя считали
Своим? Ещё в разгаре ночь:
Ты должен спать, ведь сон помочь
Тебе способен отрешиться
От пережитого. Граница
Меж явью и дремóй тонка.
Ты не приял ни волоска
Кнута, а, значит, в теле боли
Не может быть. Не оттого ли
Не спишь ты, что побоев ждёшь?»

Наш сэр подумал, что свербёж
Такой исходит от кого-то
Из адской своры. Сэр наш счёта
Не вёл, поскольку в темноте
Считать не мог. По суете
Вокруг него, их много было.
Наверно, мелкий дух, страшила
Деревни, – заключил герой.
Но демон, помолчав, второй
Свой выдал монолог:

«Медведя
Ты отогнал и псов. Победе
Однако был конец твоей:
Свалился ты не от мужей
Ударов, а довольно хрупкой
Чертовки прямо в лимб. Уступкой
Военным правилам был он.
К бичу ты был приговорён
Толпой взамен свободы. Но ведь
Не появился, позлословить
Дав лишний повод мужичью».

Сказал себе наш сэр: «И в чью
Он дует дудку, интересно?
Ему столь многое известно.
И как узнал сей мелкий бес,
Что с места порки я исчез?
Я был излишне героичен,
Наверно, что бежал затычин
Очередных. Но сей шакал
Откуда-то про всё прознал,
Но не упомянул, что к бою
Я вызвал шествие большое,
Что одержал над магом верх,
Кто в небе носится, как стерх.
Он хочет приуменьшить славу,
А я владею ей по праву».

Он думал: «Это эльф иль чёрт,
Произведение реторт
Подземных, вздумал Гудибраса
Принизить, оторвав от мяса
Его дух боевой: губя,
Лишить его меня – себя
Точнее – хочет он, проклятый.
Но я-то сделан не из ваты,

Я выстою, как он ни гни
Свою политику в тени».

Ещё сэр думал: «Чёрту мысли
Мои известны, как ни числи
Я их заветными, но он
Святых не знает. Чертогон[384]
Поможет мне. Он в мир шпионом
Из ада послан, но прожжённым
Святым, как я, не страшен бес.
Он в душу мне меж тем залез,
Как в скважину дверную. Вражин
Таких, друзей замочных скважин,
В аду хватает, чтоб тайком
Подсматривать одним глазком
За нами. Мне его страшиться
Не стоит. Но куда вдовица
Исчезла? Видимо, и к ней
Явилась братия чертей».
Тут сэр, от мозговой работы
Устав, как гаркнет духу: «Кто ты?»

Ответил дух: «Я благодать
Хочу себе завоевать
И оттого в печальном месте
Живу, от неба ждя известий».

«Тебе я верю, – сэр сказал. —
Ты, видимо, чертовски мал,
Раз я тебя не вижу даже.
Ты в доме этом, знать, на страже
Стоишь, поскольку дел других
Здесь нет. Никто тебя под дых
Не саданёт, не бросит пенни
В башмак[385]. Расходуешь ты рвенье
Своё, бесёнок, на бесед
Ночных тощищу, иль, коль свет

Погашен, на щипки. Подобен
Ты домовому. Ты Пак-Робин[386],
Я полагаю. Подставлять
Ты ногу норовишь в кровать
Идущим слугам, если за день
Те не убрались. В общем, даден
Тебе простор для действий. Смех
Гиенский твой пугает всех,
Им напужать хотел меня ты,
Только резервы маловаты».

Ответил голос: «Ты не тот
Мудрец, кем хочешь быть. В расчёт
Не принимаешь ты, что духи
Всё знают и про оплеухи
Тебе, и про абсурдный квест.
Всегда с тобой мы, нас и крест
Не отпугнёт. При всех деяньях
Присутствуем мы. В мире, в бранях
Мы рядом. Точно так, как Раф,
Твой сквайр, при всех твоих пиф-паф».

Рёк Гудибрас: «Все в мире Паки
Ничтожны, хоть и забияки.
Что же до сквайра, есть друзья
Врагов похуже. Ральфо я
Сослал бы в пекло: за измену
Достоин он попасть в геенну.
Я думаю, ты лучше, дух,
Чем он. Хоть ты и мельче мух,
Ты верен дружбе. Ковенанта[387]
Не предавал ты. Варианта
Не вижу я, чтоб ты, подняв
Когтистые копыта, лав
Геенны не дрожал, коль долгу
Изменишь ты, забившись в щёлку».

Ответил голос: «Духи все
Клянутся в ковананте. Се —
Закон для нас, но нету мщенья
За обязательств нарушенье.
Оно обычно, как у вас
Клятв недержанье. Но коль глас
Об этом разнесётся, если
Судья расположится в кресле,
То вам колодки суждены.
Поэтому своей страны
Мы ковенант нарушить редко
Рискуем. Кто же хочет в клетку?»

Сказал наш сэр: «Идут отколь
Наветы на благую роль
Святых, теперь я вижу. Это
Диссентеров работа. Мета
На нас стоит от них, что мы
Помощники все князя тьмы,
А сами держатся ногтями
Едва за небо, кучась в храме».

Ответил голос: «Ты и впрямь
Помощник дьявола. Обрамь
Ты лик его, другой иконы
Не нужно было б вам. Поклоны
Класть все умеют[388]. Я вот, дух,
Могу их совершить за двух
Святых. Диссентеры правдивы
Все в вере. Ваши нарративы
Про них все ложь. Они стоят
Особняком, и каждый рад
Полить грязюкой их, тем паче
За вами армии. Судача
О них дурное, вы Завет
Тем нарушаете: там нет
Ни слова про вражду к соседу.

Вот я с тобой веду беседу,
А те страдают. Нет в аду
Сил завалить их, вы́ вражду
Лишь затеваете. Хоть я вол
На пашне духов, знаю: дьявол
Не страшен так, как вы – у вас
Всё, от приходов и до касс;
Вы к покаянию зовёте,
А сами пялитесь на плоти
Смазливых прихожанок. Всей
Колонии в аду чертей
Не хватит состязаться с вами.
Давно вы дьявола друзьями
Заделались, навроде пап.
Не может древний бог Приап
Сравнится с теми в любострастье.
Когда б не вы, и дьявол власти
Такой бы не имел, и чёрт
С земли английской был бы стёрт.
А так он деет зло, хоть козни
Все против воли. Нет курьёзней
Защит, чем ваши, от него.
Взять экзорцистов. Колдовство
Они, как маги, совершают,
Когда распятием махают;
Их амуниция, собрат,
Не влезет в ранец у солдат:
Кресты, реликвии, картинки
И чётки всех сортов. На рынке
Таких ты больше не найдёшь.
Те беса вроде бы как в дрожь
Должны повергнуть, а на деле
Уже давно заплесневели.
Нет, беса не изгонишь, в чём
Клянусь, таким тупым путём,
Как не помочь святой водою
Страдающему от запоя[389].

Коль дьявол входит в мир, встречать
Его должна святых всех рать.
Коль ждать от дьявола подвоха,
То вместе всем. Тогда и плохо
Не будет вам. По-одному
Мы все принадлежим ему».

Подумал сэр: «Он прав, хоть мелок.
Спастись от дьявольских проделок
Лишь миром можно. У чертей
Не хватит на нас всех когтей».

Сказал так сэр: «Все домовые
Так проницательны? Сплошные
Ты истины сейчас изрёк.
Святые с чертовнёю впрок
Себе перемешались. Надо
Коль нам, мы их зовём из ада,
А нет, то прогоняем их.
Коль надо нам, то важный псих
Иль топится, иль вниз с балкона
Летит. Вас, бесов, легионы,
Со всеми не сдружиться нам,
Но доверяем мы чертям
То гнев свой, то убийство. *Sanctus*
От крови ведь[390]. Алоэ, кактус,
Кровь останавливает, мы ж
Кровь льём сограждан наших, лишь
Чтоб титул оправдать. Давно бы
Остыть нам от военной злобы
Пора, диссентеров пригреть
И не мараться грязью впредь».

Ответил голос: «Мне по нраву
Твои слова. Никто ораву
Чертей к тебе не приведёт.
Свободен ты, езжай в обход

Сих мест. Хоть ночь была и длинной,
Уж скоро голос петушиный
Провозгласит рассвет. Пора
Тебе. Коль ты здесь до утра
Останешься, мне трудно будет
Тебя спасти. Вот-вот разбудит
Петух всех спящих. Должен я
С тобой проститься, уходя».

Сэр всё лежал, дух подобрался
К нему и очень постарался
Его поднять, но сэра зад
Распух от палок. Красноват
Он был под шоссами, но это
Видать лишь одному поэту.
Сэр в трансе находился. Раф
(А он был духом), угадав,
Что бить туда нельзя, за пятку
Схватил его. Задать загадку
Хочу я, а верней вопрос:
Тележка, где взамен колёс
Торчали ноги, кто такое
Изобретенье[391] помнит? Но я
Отвлёкся. Понял Раф – тащить
Нельзя опять. Тогда всю прыть
Свою собрав, себе на плечи
Взвалил он сэра, словно гречи
Или картофеля мешок.
Сэр задевал ступнями ног
Побелку стен, на Рафа взвален.
Так, миновав покои спален,
Они добрались до дверей
Входных, но те, хоть сто раз бей,
На запертых щеколдах были.
Тогда Раф сэром, в сём эндшпиле
Внезапно оказавшись, пыл
Былой призвав, окно разбил

И вытащил его наружу
Каким-то чудом: то ведь уже
Чуть было, чем страдальца торс.
Очнулся сэр и, видя форс-
Мажор весь, рад был Рафу. Кони
Стояли во дворе. Погони
Сэр ожидал, а Раф узду
Взял в руку, но, как на беду,
Вдруг обнаружил: кто-то шкодил
Изрядно, не осталось сёдел
И пистолетов в кобурах;
На буцефале сэра, страх
Познавшего, лежал брус мыла
Вместо седла. Раф на кобылу
Свою вскочил, а Гудибрас
На своего коня и враз
Ему дал пяткой в бок. И оба
Стрелою вон помчались. Чтобы
Закончить эту песнь, скажу:
Преодолели так межу
Земель вдовы они. Сквитался
Раф с Гудибрасом, хоть и мчался
С ним рядом. В следующий раз
Пойдёт речь о церквях у нас.

Песнь вторая

Краткое содержание:
Сэр с Ральфо как бы спорят, в этот
Раз про церквей их гнусный метод
Всё втаптывать на свете в грязь,
Суровых слов не убоясь
О сущности своих религий,
А также Кромвеле. Их лиге
Противостала чернь, и зад
Свой унесли б они навряд[392].
«Все оводы, что вправду гады
Скота, родятся из говяда,
Таков консенсус[393]. Произвол
Они творят как принцы пчёл,
Откладывая яйца в коже
Коров. На пчёл они похожи,
Но не вполне. Так до войны
Религии в боках страны
Зашевелились, как личинки,
Из-за того, что, сэр, починки
Писанье требует[394]. Рои
Из них пошли, у всех свои.
Так в Персии возникли маги
И правили ей[395]; спать же, наги,
Ложились с матерями, те
Рожали им детей, в мечте
Их сын и муж одно и то же.
Дочь сатаны лишь с ними схожа[396].
Вы, хоть нет кровней наших уз,
Чуть воцарившись, наш союз
Мгновенно предали: все секты
Врагами стали[397]. Как инсекты
В говяде, расплодились мы.
Как псы, дерутся кутерьмы

Религий всех ожесточённо
За кость одну. Давно закона
Не стало. Но мятеж теперь
Не зарычит, как грозный зверь,
Поскольку грабить нам осталось
В стране ничтожнейшую малость.
Весь ковенант пошёл к чертям,
А с ним и Провиденье. Нам,
Кто свергли короля, забота
Теперь лишь грызться. Церкви что-то
Совсем увяли, все стоят
Поодиночке, словно врат
В рай несколько, аж полдесятка.
Покоя нет от беспорядка,
Он всюду. Пуритане и
Диссентеры – одной семьи
Когда-то члены – поделились
На руководство и на пыли с
Грязюкой смесь. А был ведь час,
Когда апостольской звалась
Та и другая церкви. Плоти
Теперь триумф, духовность, хоть и
Официальна, на задах.
Святого Михаила взмах
Меча смёл Люцифера в пропасть,
А мы все, жутко рассиропясь,
Испытываем к падшим сим
Приязнь, которой серафим
Не знал. Церковные угодья
Рассредоточились в народе,
Но все роптали, что их часть
Мала, как ни старалась власть
Им угодить[398]. Причастны стали
К церковным землям все, кто стали
В боях вкусили. Тех, кто не
Участвовали в сей войне,
Назвали грешниками, ибо

Святые лишь, кто входят в трибу[399].
Их представители гребли
Немало денег, конопли
Разводом занимаясь или
Спокойно грабя тех, кто в филе.
Так Провиденье, мол, велит,
А коль вы жалкий индивид,
Прожить не могущий с участка,
То, значит, в вас не та отмастка,
Вы, значит, вовсе не святой,
Сто раз хоть поднимай вы вой.
Юристы с пуритан имели
Гораздо больший куш и в деле
Старались каждом[400]. Если ж был
Баблом их представитель хил,
Его свергали. В результате
Те пуритане, кто распятье
Чтут больше денег, в дураках
Остались. Кромвель прямо в пах
Ударил их, когда из общин
Палаты выгнал самых, в общем,
Ретивых[401]. Без гроша они
Остались, доживая дни
В безвестности. Но были те, кто
Шли проповедовать, и в секту
Другую[402]. С тех вот самых пор
И вынужден был доктринёр
Смотреть на у́зус в примененье
На практике его ученья[403].
Те и другие как слились,
И далеко зашла их близь,
Как было в дни, когда их вера
Имела целью кавалера[404].
Остался тот, кто был нечист
Всегда, как то́: анабаптист[405]
Иль просто папский прихлебатель,

Хоть скрытый. Он готов, как шпатель,
Зашпаклевать любой проём
В религии, коль мы берём
Две наши основные секты,
Да и любую. Этот некто,
Как верят многие, есть змей,
Что Еву искушал. Он ей
Подсунул знанье вместо веры
В Творца. Паписты – лицемеры,
У них-то подлая мошна
Всегда была полным-полна,
Но нынче, в пору новоселий
Религий, дико обеднели;
Коль мы о них заводим речь,
То лучше нервы поберечь».

«Все индепенденты стояли,
По крайней мере, Раф, в начале
Дней Реформации, в конце
Религий списка. В сём мальце
Тогдашнем разные подвиды
Вер совместились: бейте гниду,
Мальтийцы вскрикнули[406], затем
Доминиканцы сложных тем
Коснулись в проповедях, скрыто
Привыкли жить иезуиты
И убивать. Вас можно звать
Ими тремя. На вас печать
Как проповедничества, так и
Драгунской штормовой атаки[407].
Как будто бы в одном седле
Сидят еврей, осман в числе
Рабов Христа[408]. Вы быстро вникли
В науку церкви, в том же цикле
Вы свыклись и с войной, хоть был
Период, когда вас громил
Наш враг. Мы вместе победили,

Но вы оружье обратили
Ораторское против нас,
Своих собратьев», – Гудибрас
Сказал и смолк.

«Нет больше почвы
Объединяться, хоть не прочь вы.
Снедает изнутри вражда
Всех индепендентов. Стада
Господни сильно поредели,
И все живём мы на пределе.
Хоть подчинили мы себе
И церковь, и страну в борьбе
За власть, народонаселенье
Не любит нас, ропща и пени
Подъемля. С ним делили мы
Всё, что награбили. Сумы
Пустой не оставалось. Впрочем,
Мы, кто кричали: „Всех замочим!“
Во дни войны, чуть мир пришёл,
Остались теми же, глагол
Теперь используя, чтоб всех, кто
Не мы, входя в другие секты,
Драконить, жучить и ссылать,
И даже в Тауэр сажать.
Распались пуритане на два
Противных лагеря, хоть, правда,
И не передрались вконец,
Напоминает всяк боец
Былой теперь, забыв вчерашний
Союз, строителя той башни,
Где разделились языки[409]:
Не понимаем мы-таки
Друг друга. Всё идёт насмарку:
Страна и люди. Раньше жарко
Мы спорили, теперь же реть[410]
Одна, и главное – поддеть.

Хотя понятно, что мы этим
Страну доводим. Как мы детям
В глаза посмотрим?» – так сказав,
Оставил слово сэру Раф.

«Меня всё больше роялисты
Волнуют, кто и в вере исты
Своей, и в верности. Как мы
Ни покачнули их кормы
Своею бурей, судно цело.
Их заграница всех пригрела,
Но если дальше так пойдёт,
Вернёт в страну их наш народ.
Они войну хоть проиграли,
Лояльность трону их печали
Не знает. Пусть дождливый день,
А солнцу выйти. Набекрень
Мозги их, ясно, но наплавал
Корабль их много миль. Хоть дьявол,
Им помогающий, и сбёг
Тогда, готовит он прыжок
На берег наш. В стране же, мглисты
Пока, засели роялисты,
Они и держат наплаву
Корабль. Секретных рандеву
В лесах, где только не, их было
Достаточно. Их истомила
Тоска по королю. Их баз
В стране полно. – Тут Гудибрас
Наш сделал паузу. – И в войске
Есть рекруты, кто пасть геройски
За дело их готовы. Хоть
Не так легко нас побороть,
Мы порознь все. Поодиночке
С насиженной свалить нас кочки
Вполне возможно. И к тому ж
За них природа: новых душ

Она довольно народила,
Кто недовольны сущим. Пыла
Не занимать им. Коль они
Падут, то те, кто быть в тени
Предпочитали, встанут. Как вы
Их ни прессуй, они не кряквы
Галдящие, а ружей хор.
На них найдётся дирижёр
Внутри страны. Она устала
От бесконечного развала
И хочет ясности. Церквям
Она не верит: те лишь гам
В ней провоцируют, леченья
Ища лишь в форме отлученья.
Ей раны не страшны: она
Хлебнула кровушки сполна,
Ей чхать на новые. Корону
Восстановить, как в годы оны,
Желающих полно. И им
Поможет дьявол. Остальным
Придётся подчиниться кучке,
Пусть даже после лёгкой взбучки.
Не жду я крови. Наш народ,
Чтоб только прекратить разброд,
Пойдёт за кем угодно, если
Тираном он не будет. В кресле,
На троне то есть, усидит
Любой этичный индивид.
Заглохнут церкви, англикане
Опять поднимутся без брани.
Народ всё стерпит, коль король
Не будет унижать их воль,
Иначе город Голиафа[411]
Сотрут они в песок».

На Рафа
Подействовала эта речь:

«Страну нам трудно уберечь.
Пред тем, как Оливер скончался,
Страшенный шторм разбушевался[412].
Средь роялистов тотчас слух
Прошёл, что ад разверзся, дух
Его к себе беря, но Стерри
Всё опроверг, сказав, что двери
Открылись рая для него[413].
Он, правда, спутал до того
Крыло в Вестминстере, что Твердью
Зовётся, с небом, что со смертью
Открыто нам. С другим крылом
По кличке Ад оно притом
Соседствует[414]. Так что, куда он
Попал, не понял этот даун.
Это похоже на слова
Патриция, что Ромул в два
Стал раза выше и блаженней
Чуть опосля исчезновенья[415].
Теперь мне ясно: Стерри спёр
Своё видение, хитёр
Ловчить, из жизнеописанья
Язычника, святых тем раня».

«Да, верно, Ричард, сын, неплох,
Но всё-таки немного лох.
Разъединённый наш парламент
Единственный его фундамент.
Даёт он ездить на себе
Любому, чтоб не быть пальбе».

«Вы правы, сэр. Теперь святые
Рулят, о прошлом в ностальгии,
И предлагают сжечь закон,
Оставив тот, что нам вменён
Христом; духовные кантоны
Воздвигнуть, как швейцарцы в оны

Века, или по той стезе
Пойти, что свойственна Ганзе[416].
Или пройти по тропке Яна
Букхольта, кто повис так странно
На башне в клетке[417]. У его
Последышей лишь квипрокво[418]
В мозгах, но их хватает. Тенью
Его их, грешных, Провиденье
Содеяло. Они модель
Его чтут лучшею досель,
Хоть как её внедрить, того им
Бог, дорожащий чад покоем,
Не указал. Они убить
Готовы, чтобы Яном быть,
Друг друга. Но при этом самый
Из них безумный так рекламой
Раздул вниманье к ним, что знать
Церквей готова флиртовать
И с ними. Ну а как иначе,
Коль нет своих мозгов? Задачи
Своей не потянуть церквям:
Уж больно много разных драм.
Не потому ли многоножки
Бегут не шибко?» – Раф одёжки
Своей поправил рукава.

«Твоя головушка права. —
Рёк сэр. – Меня волнуют мысли
О короле. Они нависли
Вплотную. Наш народ дорос
До лучшего. Вот царь Христос
Ему по нраву. Карл ведь са́м ферт
Ещё какой. Есть Флитвуд, Ламберт
И Десборо[419]. Есть выбор, но
Кто за охвостье[420], кто давно
Хотел бы упразднить навеки
Республику, подобьем Мекки

Для протестантов сделав нас;
Кто жаждет, чтобы Божий глас
Всем управлял, а не законы;
Короче, многие препоны
Стоят у Карла на пути.
Одни хотели б перейти
В другую церковь, а остаток
Весь истребить. Другие – маток
Подобье – носят каждый год
Идею распустить синод
И сделать нас автокефальным
Союзом. Это пахнет свальным
Грехом. А третьи наш народ
Мутят, де, церкви суть Нимрод[421],
Что жаждет крови. Есть в четвёртых
Страсть пап искоренить и в тортах
Их собственных умыть. Хотят
Так пятые с церковных врат
Снять все узоры, а шестые
Все праздники и выходные
Затихарить[422]. Седьмые ждут,
Что все, пред тем, как Страшный Суд
Наступит, проповеди Божьи
Прочтут в церквях, солдаты тоже[423].
Седьмые турок бить велят,
Восьмые стихари[424] до пят
Мечтают запретить, поскольку
Лишь в сердце наша вера стойка,
А не в одежде. Есть и те,
Кто бы хотели на персте
Носить супругам кольца взять и
Заветова́ть; мол, Ева в платье
Не щеголяла белом, а
Адам не надевал кольца.
Разве женаты мы на пальце?
Пусть лучше в нос их, как бенгальцы,
Суют, всё ж ближе так к губам.

У женщины, пришедшей в храм
Для брака, права нет другого,
Как «да» сказать, и это слово
Она должна твердить весь брак.
Есть те, кто крест при кщенье рак
Считают хуже, ибо это
Папизм. Есть те, кто имя шкету
Не могут дать, поскольку нет
Ни святцев больше, ни примет
Святых в церквях[425]. И даже веси
И городки лишились спеси
Их именами зваться. Есть
И те, кто требуют известь
Чистилище из пониманья,
Каков тот свет[426]. Мы, пуритане,
Боимся больше ада цен
На уголь. Чем топить свой лен?
Есть те, кто чёрный пудинг[427] тоже
Желали б запретить: не гоже,
Мол, кровь вкушать. Она ж свиней
И тёлок! Есть на то сильней,
Пожалуй, довод в Откровенье,
Где ангел птицам дал веленье
Жрать всё, включая королей[428].
Мы ж птиц едим все, а своей
Мы силой велики: в мякину
Холмы мы растираем, глину
Как, горы мнём, на бубенцах
Коней читаем Бога[429]. Страх
Пред Господом нас держит, чтобы
Всех не сожрать, но из особы
Священной короля бифштекс
Мы сделали, идёт пусть *Rex*[430]
Подальше новый, мы не пустим
Его владеть и захолустьем».

«Все эти селезни, во власть

Пролезшие, умеют клясть
Правление державой Дика,
Раскрякавшись в сенате дико[431].
Они безумье сеют и
Конфуз, ведя дела свои
Не скрытно даже, их волынок
Гуденье бутетенит рынок;
Стоит торговля; наш народ
От звуков этих весь трясёт;
Им лишь урвать бы, не давая
Взамен ни грана; эта стая
Нас хочет в гроб свести, на сём
Нажившись, новым королём
Умы смущая. Только нечем
Бороться с их поганым вечем»

«Из этих шестерых есть тот,
Кто всех их рвением побьёт[432],
Он зверь из визий Иоанна,
На нём сидит блудница пьяно,
А глаз его таков, что, зрим
En face[433], шпионит за другим.
В политике он всех нас наземь
Повергнуть хочет косоглазьем.
Он трёх правительств видел крах,
Приняв во всех участье[434]. В прях
Он первый: предал все он, в каждом
Поднявшись, сообразно жаждам
Своим вершить судьбу страны.
Когда парламенту верны
Мы были, Оливера к власти
Он продвигал, потом отчасти
Был в оппозиции ему.
Теперь он свергнуть нас во тьму
Стремится новой диктатуры.
Весь мир – доска, а мы – фигуры
На ней. Цвета у шахмат он

Меняет, как хамелеон.
Ни разу он не припозднился
К игры началу. Коль случился
Эндшпиль иль мат, он ни при чём:
Фигура ведь. Есть что-то в нём
И вправду дьявольское. Клятвы
Охотно раздавая, жатвы
Он ждёт, чтоб этот урожай
Пошёл ему на каравай.
Когда он не в почёте, узел
Он на верёвке вьёт, сконфузил
Он многих, лезя вверх по ней.
Скреплял аж дважды Гименей
Его с молоденькими[435]. Пару
Раз просчитался он, но пару
Дал выйти из-под крышки и
Опять был на коне. Семьи
Ему всегда радели связи.
Его в подзоле косоглазье
Всё время держит, как червей
Или кротов, или чертей.
Там роет он ходы, ловушки.
Как этому отпор дать душке?»

«Вы правы, сэр. Опасен он,
Как чёрт. Сперва он предал трон,
А, значит, нас предаст уж точно.
Поделать что-то надо срочно.
У грешников таких костям
Дан компас, чтобы курс был прям;
Когда их ломит, значит, к шторму
Идёт всё. Если ж нет, и в норму
Приходят волны, штиля жди.
Они всегда всех впереди,
Когда не ветрено, и сзади
При каждом грозовом разряде.
Как Не́перов сложнейший счёт[436],

Они просчитывают ход
Любой свой, зная все приливы
Политики и перспективы
Не хуже, чем луна свои.
Когда в парламенте бои
Идут, им ведомы заране
Все результаты этой брани.
Они, сэр, могут прорицать
Точней авгуров и бряцать
Не устают уменьем данным.
Они берут всех не обманом,
А дальновидностью, в какой
Замешан дьявол, их герой.
Коль совесть ноет в них, то это
Дождя вернейшая примета,
А, значит, надо от петли
Застраховаться словом «пли»,
То бишь командой всей их группе
Идти на приступ. Вроде гуппи,
Они в конце вильнут хвостом,
Как будто приступ ни при чём.
Их цель спастись, а остальные
Пусть каются с петлёй на вые».

«Нет, есть один, противостать
Им всем способный[437]. Божью мать
Он чтит, хоть не папист. Он ярый
Республиканец, кто кошмары
Монархии сполна вкусил.
Ахитофел[438] он, полный сил
Поднять восстанье. И в палате
Он общин был весьма бы кстати,
Но секту учредил свою
И превратил её в семью.
Своей он подчинил в ней воле
Всех членов, доброму мирволя,
Свободе то бишь. Тайберн[439] путь

Не изменил бы их ничуть:
Упрямы так, что даже корчи
В петле одних навряд ли кротче
Других там сделают. Он ум
Чтит в людях, а рахат-лукум
Его дебаты, не чтоб плевел
Отвеять от зерна (прогневил
Он этим бы сенат), а чтоб
Позлить влиятельных особ
Особо сложным аргументом,
Что служит главным абсорбентом
Его ума. Он любит пик
Пуск в ход, коль оппонент в тупик
Его вдруг ставит: острый разум
Его срабатывает разом,
И тот тушуется, подняв
Руки две вверх. Как видишь, Раф,
Вития есть получше прочих.
Нет дискутировать охочих
С ним, чтоб потом себя не клясть.
Он кости Гектора, и пясть
Особенно, оттёр от грязи,
Чтоб всех крушить мечом во фразе.
Он может с дьяволом самим
Поспорить, несмотря на сжим
В груди при сретенье с рогатым.
Его судили даже: катом
Был прокурор, сказавший, что
Изменник он. В ответ: никто
Не может изменить такому
Правительству, как наше[440]. В кому
Впал бы другой, узнав, что сам
Протектор-лорд грозит ушам
Иль шее, но не он. Короче,
Он выстоял, хоть по-сорочьи
Его обсела вся братва
Протектора. Качать права

Умеет он, и очень зорок.
Капканов массу и разборок
Прошёл он. Ни Троянский конь,
Тяжёлый греками, ни вонь
Духов Долл Коммон[441] не смогли бы
Его надуть. Он, вроде рыбы,
Не тонет. Если ж дураков
Описывать, их сплав суров,
То бишь упёртость, крепче нету
Превратной веры. Он монету,
Где больше меди и свинца,
Чем золота, просёк с лица,
Её, как все мы, не кусая,
Хоть та и сверху золотая».

«Я слышал, эти двое, сэр,
Встречались для принятья мер
По исправленью положенья.
Оратор ваш, во власти жженья
В устах, сдержаться не сумел
И так сказал, от страсти бел;
Цитирую, как передали:

„Друзья, мы были все в опале,
Хотя в начале наших дел
Стояли вместе. Мир гудел,
Когда схватили короля мы[442],
Готовя разрешенье драмы[443].
Тогда мы ждали страшных гроз,
И каждый много перенёс.
Запал наш революционный
Почти подавлен был короной[444],
Но встреча наша, как теперь,
Показывает, что потерь
Мы много понесли: лишь группу
Собрали мы причастных к трупу
Его величества. Народ,

Принявший ковенант, в расчёт
Не брал, клянясь бежать до цели
Вперёд других[445], что все мы в щели
Забьёмся, что протектор нас
Всех превратит в покорный класс.
Теперь народ бежит, как крысы
Вон с корабля, гниют сарисы[446]
Фаланги нашей, всё, что нам
Осталось, это данный хлам
Подальше пнуть и от ретивых
Досель отречься. В перспективах
У нас нули. Все церкви в бой
Давно вступили меж собой.
Диссентеры и пуритане
Допрежь могли церквей собранье
Уравновесить, но теперь
Бессильны. Как ни соразмерь
Влиянье мы своё с их прытью,
Влиять нам сложно на событья.
Так сход на службе показал
Последний, как наш персонал
В парламенте ничтожен: мы те,
Кто в меньшинстве; о Маргарите
Я говорю в последний пост[447].
Реальность это, выход прост
Не может быть. Вся чернь на грани
Бунтóв. Хоть проходили ране
Мы это, нынче всё не так,
Как прежде. Чернь – дитё, ей знак
Величья нужен: барабаны
И погремки ещё, а в данной
Их ситуации нельзя
Нам применять, а то резня
Начнётся вновь. Когда вели мы
Чернь в бой, то всех побед помимо
Ей нужен был грабёж. Кого
Теперь ей грабить? Меньшинство

В стране таких. К тому ж религий
Так много развелось, что лиги
Одной теперь не сколотить,
Как раньше. Прежде черни прыть
Легко смирялась командиром,
Врага крушить мы шли всем миром,
Хоть были и мечи тупы,
И никакого у толпы
Уменья не было. Смирили
Мечом мы город, и в распыле
Погибли многие. Мы всех
Епископов за прежний грех
Прогнали. В общем, церковь стала
Другой, и руки трибунала
До уймы дотянулись тех,
Кто презирали наш успех.
Коль знать бы нам, как гнев народа
Использовать в свою угоду
Теперь, как вот тогда, смогли б
Мы телом совершить изгиб
И выкрутиться. Бунты черни
Все, в общем-то, вполне дочерни
По отношенью к корню зла.
Когда бы церковь дать могла
Единый повод ей, то в наши
Она б попала руки. Каши
Без церкви не сварить: она ж
Разобщена. Весь раскардаш
От этого. Чернь в бой готова
Идти, коль с кафедр наших слово
Такое разнесётся, и
Полечь за нас. Но мы в свои
Раздоры вмешаны, мы племя
Дубоголовых, наше время
К концу подходит. Нас барыш
Волнует больше, чем бердыш.
Мы встречены грозою будем;

Нет, чтоб прикрыться многолюдьем
Хотя бы в интервале: гром
Вначале, молния потом;
Так мы бы точно уцелели,
Но дураки лежат в постели,
И преступленья прошлых лет
Встают пред ними. Скорых бед
Они не видят; то, что надо
Бежать им от толпы надсада.
Коль были б вместе мы, то ей
Противостали б. Мне ясней
Безвыходность без всяких даже
Затмений в небе. Нет в пейзаже
Просветов: тучи лишь одни.
Нам разойтись бы, но они,
Парламентарии, боятся
Оставить кресла, хоть прохладца
Меж нами ненависть давно.
Мы будем биться, решено!
Отчаянье пусть нам защитой
Пребудет. С ним стать кликой битой
Грозит не сразу. Лишь оно
Способно отделить зерно
От плевел. Прочие сдадутся
Иль перемрут. Судьба на блюдце
Шанс преподносит умереть
Нам с честью. Не бояться впредь
Должны мы ран иль яда. Спины
Прижмём друг к дружке мы, мужчины!
Нельзя сдаваться и судьбу
Носить как камень на горбу.
За это поведенье, братья,
Сподобимся мы благодати
И будем, словно Магомет,
Летать в гробу[448], иль даже, нет,
Парить в молитве, как Игнатий[449].
Из двух возможных вероятий

Я за второе. Лучше так,
Чем гроб шершавый, как наждак.
Писанье говорит: смиренье
Превыше жертвы. Кто от лени
Обрюзгли, все смиренны. Нам
Придётся за страну и храм
Протестантизма всем сражаться.
Уиттингтона[450] вспомним, братцы,
Кто в Новый Иерусалим
Наш Лондон превратил. Вот с ним,
Будь во главе он, чернь пошла бы
Куда угодно. Нынче ж бабы
Лишь голосят, а их мужьям
Обрыдл наш пуританский храм.
При Ка́лами[451] иначе было:
Речь его спящих всех будила,
За ним шли Оуэн и Най[452],
А нынче что? Один раздрай.
Когда бы пресвитерианцы
В парламентском не стали танце
Своих расшвыривать, то власть
Для индепендентов свелась
К нулю бы вся. Мир портит сильно
Святых. Когда б не говорильня,
То в них бы сохранился дух
Единства, а мы разом бух
В мирской бассейн с водой стоячей.
Не видит лишь один незрячий,
Что происходит: суховей
Подует скоро для церквей;
Народ наш разозлится, земли
Их как свои тогда приемля.
Как кожу зме́и, грех народ
Наш стряхивает и пойдёт
Грешить по-новой с тем же рвеньем,
Как ходит в храм по воскресеньям.
Их изменить как ждать (берусь

Я утверждать), что дикий гусь
Вдруг вылупится из ракушек
На островах Оркнейских[453]. Пушек
Все позабыли рёв. Слова
Теперь заместо их. Молва
Разносит дальше их по свету.
В них наши разницы, хоть вето
Накладывай на речи. Вот,
К примеру, папа. В Божий свод
Ключ только у него, тиара
Из трёх корон венчает старый
Пожухший лоб[454]. А Цербер трёх-
Голов и поднимает брёх
При входе в ад. Кто в результате
Святей? Святые наши, в рати
Служившие, отвергли их,
Но ведь до чёрта и других,
Кто тоже быть хотят святыми,
Забыв за всем, что ад-то – в Риме.
Они объелись требухой,
А от неё эффект плохой
На неокрепшие желудки:
Вплоть до трясучки, спазмы жутки.
Так люди мрут, навроде коз,
Когда тех косит сколиоз[455].
Блуднице вавилонской лепо
Сидеть на папском троне, скрепы
Духовные еретикам
Огнём внушая. Только нам
На это чхать во всей вселенной:
Раскольник наш, коль он военный,
Идёт в огонь, кладя на пап.
Хоть папа мировой сатрап,
Ему к нам ходу нет. Лишь в брани
Такой едины пуритане.
Наш индепендент потерял
Почти что боевой запал,

Вся прыть теперь уходит в драки
Насчёт доктрины. Забияки
Былые нынче трепачи,
Ну а вокруг одни сычи.
Как гвельфов раньше гибеллины[456]
Травили, так теперь их крины
Переселились к нам. Кто гвельф,
Кто гибеллин, – то знает эльф
Один, чертяка в преисподней.
Свобода совести Господней
Вновь под угрозой. Братства нет,
И церкви худ авторитет.
Ретивые особо в прессе
К началу нас зовут репрессий,
Как было в оны времена.
Святые скоро рамена
Свои поднимут и друг другу
Переломают кости. Туго
Завязан узел – лишь рубить
Его предполагает сныть,
То бишь народ, как раньше было
С вельможами. Теперь их сила
Падёт на нас. Вот-вот Ваал
С Дагоном нам клыков оскал
Покажут. Надо примириться,
Иначе самоистребиться
Придётся, или нас народ
Всех скопом в гневе перебьёт.
Мастиф, придержан за ошейник,
Быка не свалит. Оружейник,
Коль перестанет поставлять
Мушкеты черни, исполать
Заслужит; вилы ей с дрекольем
Останутся. Напрасно молим
Творца о мире мы. Святым
С петлёй на шее час самим
Задуматься о близком роке.

Вражда из них сосёт все соки;
Ни в небе, ни у пекла сил
Нет, чтобы совершить подсыл
Своих прислужников. Фанатик
Ещё страшнее, чем схизматик:
Он верит в догму, и ни страх
Пред Богом, ни секиры взмах
Над головой не остановят
Непримиримости. Готовит
Сюрпризы Провиденье. Враг
Наш общий[457] спит пока что, стяг
Он приспустил, и так хотя бы
Мы можем проскочить ухабы
На собственном пути. Пора
Объединяться, как вчера“».
Закончил Раф свою тираду,
И сэр, отпорщик славный аду,
Ответил, дух переведя:

«Встречаясь так, они вождя
Хотят найти себе. Я знаю
Обоих, как и всю их стаю;
Души и совести во всех
Не стало, но полно огрех,
Одна из них – расчёт на чудо,
Что к нам придёт невесть откуда».

Раф рёк: «А после встал другой
Оратор и сказал такой
Длиннющий монолог. Придраться
К нему легко, но вот он вкратце:

„Нас[458] индепенденты давно
Турнули, слиться нам в одно
Удастся вряд ли. Для страны мы
Побольше сделали, гонимы
Ужасно даже. Наших рук

Дела вы переняли вдруг
В свои, хоть раньше командиры
Все были наши. Эти дыры
Заткнули вы своими, нам
Оставив лишь священство, там
Себя мы проявили вяло,
Став шушерою Велиала[459],
По вашим же словам. Хоть вы
Всё сделали, чтоб нам в плотвы
Подобье превратиться, мы и
В таких условьях как святые
Вели себя. Мы ни за что
Не дрались с вами, вы зато
Хотели драки, уши режа
Нам – даже лиходеям реже,
Иль наши жгли дома, чтоб мы
Отходы ели из сумы
Каких-то жалких попрошаек.
Мы упаслись от ваших шаек
Лишь милостью Господней и
Не предали своей семьи
Церковной ни единым слогом
В молитвах наших или в строгом
Уставе нашем. Человек
Менялся внешний, но навек
Наш внутренний был тем же, что и
До пыток вашего разбоя.
Но индепенденты пошли
На ковенант навроде тли.
От вас в отличье, благодати
Такой, как даровое платье,
Мы не сулили никому.
Народ наш с вами впал во тьму.
Вы церковь нашу звать Риммоном[460]
Продолжили, и мы, чтоб в оном
Грехе не быть одним, зовём
Теперь так церковь вашу. В нём,

Грехе извета, мы погрязли
Вдвоём. Вот и единство. Разве
Других форм единенья нет?
Мы ведь один все чтим Завет,
Но вы нам не даёте мненья
Высказывать для управленья
Страной и отпускать грехи,
А только людям от сохи.
Вы нас заставили корону
Низвесть, а часть сему урону
Всё ж воспротивилась: нужна
Народу нашему она[461];
Коль наложить ограниченья
На короля, то все мученья
Народа кончатся, и он
Окажется весьма взбодрён.
Так думаю не я, а, в снеге
Раскаянья белясь, коллеги[462].
Они считают, что за все
Заслуги их перед насе-
Леньем нашим, братья, стать им
Пора очередным распятьем,
Чтобы молился наш народ
На них среди своих невзгод.
Но я скажу: мы имем право
На то, чтоб направлять державу,
Не только вы. А если нам
Откажут, выйдет тарарам,
Поскольку наших половина
Решительна пробить плотину.
Обрыдли миру тонны лжи
И наставлений этажи,
Но он глотает их доселе,
Как будто бы желудок в теле
Отсутствует; давно рвало б
Его, коль пароксизм жадоб
Был меньше бы, но жрёт, как будто

Он на сносях. Так зреет смута.
Так женщины ещё до тех
Пор, как беременны, утех
Экстравагантных жаждут, что-то
От римских пиршеств; разворота
От этого мужчинам нет;
Они болваны, тет-а-тет
Приводит их лишь к размяканью.
Они не слышат ни Писанья,
Ни попросту рассудка“. – Свар
Мир этот требует, мой сквайр».

«На слёте их был, сэр, вития
Ещё. Когда все остальные
Замолкли, он почти до слёз
Довёл всех, ибо произнёс:

„Наверно, хочет Провиденье
Большой войны, и всё ж хотенье
Ещё не всё. Хворь налицо
И первый приступ, но гнильцо
Виднее всем при рецидиве.
Нельзя никак плакучей иве
Вдруг распрямиться; если мы
Всю власть возьмём, тогда умы
Пойдут за нами. Кто нас лучше
Готов к войне? Так к нам до кучи
Примкнут другие. Мы войну
Разбередим, но на кону
Столь многое, что быть началом
Её мы не хотим. За малым
Лишь дело – разбудить народ,
А он уж дальше сам пойдёт.
Трепан лежит, осталось дырку
Лишь просверлить, вложить просвирку
Народу в рот, и он созрел,
Считайте. Нам же Бог велел

Руководить. Сия наука
Нам ведомей других. *En tout cas*[463]
Мы приготовились, грехи
Отпустим тем мы, кто лихи
Грешить, и наш народ бесчинный
Мы свяжем строгой дисциплиной.
Нам Провидение само
Дало возглавить это чмо.
Троим великим пуританам
Отрезали их уши[464], ранам
Мы отомстили этим, но
Не всё ещё отомщено.
Шесть лет страна в крови зверела[465],
Прольёт ещё, коль вступит смело
В бой справедливый. А уж коль
Добавочных три года роль
Играют единиц, шестёрку
На них помножив (только зорко
Смотрите), мы получим зло
Как есть, – Антихриста число[466].
Всё говорит о том, что дела
Мы не доделали: омела
На дубе нашем завелась,
Ну а вокруг – лишь Зверя грязь.
Нет, реформацию пора нам
Закончить, истым пуританам.
И кто способен весь каркас
Её упрочить, кроме нас?
Где пасторы ещё такие,
Как в наших двух церквях? Смурные
Настали дни, есть шанс спасти
Страну от папских травести[467].
Мы превалируем в сенате
Над кошельками нашей знати,
Мы держим два ключа от врат
Небесных, разве нет? Расклад
Весь в нашу пользу. Даже денег

Прирост у нас не так слабенек,
Как в банках, плюс ростовщики
За нас, ибо дрожат пеньки,
А потому проценты низки.
Народ лишь допустить бы к миске,
Ссужать всем фартукам[468], и нас
Вовеки не предаст их класс.
Все присягнут нам, сэр, от леди
В каретах[469] до блудниц, кто снеди
Заради развращают плоть.
Нас туже фракций всех Господь
Связал с народом клятвой, но и
Торговлей. Остальные, ноя
Всё время, на народ плюют,
Всего важней им их уют.
Мы на защиту ковенанта
Двойною грудью встанем. Ранта,
Что единит верх сапога
С подошвою, мы, чтоб нога
Была тверда, предать не можем.
Пусть все другие нам подножьем
Отныне станут. Ковенант
Они хотят продать, варрант
На скупку всех земель церковных
Народу выдав. Дел греховных
Они зачинщики, велик
В сенате нынче круг прожиг.
Всё будет, как и с курсом акций
Индийских, – вниз и вверх. От фракций
Парламентских в глазах темно.
Пора нам распахнуть окно
На чистый воздух. Братья эта
На тайных встречах разогрета
Разладом фракций, но диктант
Господний ясен – ковенант
Блюсти, словно зеницу ока.
Лишь мы такие средь потока

Зубодробительных идей.
Подкупим мы всех их людей
И тем победу обеспечим,
А с нашим большинством им нечем
И крыть-то будет. Пусть яйцо
Высиживают и пивцо
Потягивают, не допетря,
Что наше то. Всё дело в ветре:
Он в наши дует паруса,
Не в ихние. Плюс небеса
Желают, чтоб мы победили.
Они бодрятся лишь при штиле,
Считая, что тишком от нас
К себе костяк заманят масс.
Мы в сторону отложим билли
Публичные, чтоб эти били
Друг друга; никаких больши́х
Решений, только мелочь. С них
Слетит гордыня, коль в сенате
Всё будет поверху, некстати.
Дела растянем так, что год
Весь платонический[470] уйдёт
На их расхлёбыванье. Стравим
Чернь с лордами, пускай изглавьем
Им станет не подушка, а
Булыжник. Ссоры без конца —
Вот то, что нужно нам. Как только
Перегрызутся все, их ролька
В парламенте сойдёт на нет,
И тут мы свой авторитет
Применим и уймём их свору.
Пока же надо договору
Нам следовать, разузнавать,
Чей голос главный, кто там вспять
Готов ползти, как рак, и наше
Крепить единство в ералаше.
Когда увидим мы, что "да"

Меньше, чем "нет"[471], как раз тогда
И время выступать. Когортам
Их не бывать. В сорок четвёртом
Турнули вас, а нынче мы
Турнём их сразу всех с кормы.
Но хоть вас ружьями изгнали
В сорок восьмом[472], вы солью стали
Земли английской – от дворян
До черни; ум был светлый дан
Вам, чтоб крепить с народом связи
В кромешном нашем безобразье.
Парламента предбанник был
Жужжаньем и биеньем крыл
Наполнен вашим, вы влияли,
Но из-под спуда. Пчёлы ралли
Свои так собирают, мёд
Потом неся. И что народ
Считает, узнавали сверху
От вас. Вы были на поверку
Источником всех новостей.
Вопросы вы в ответы всей
Своей активностью сумели
Для многих превратить и в щели
Не забивались никогда.
Их фракции потом, труда
Не приложив, лишь повторяли.
Памфлеты ваши были стали
Острей[473], но вас за клевету
Привлечь всё ж не было суду
Причин, а разве что в измене
Кого-то обвинить, в именье
Своём сидящего, вдали
От здешних дрязг. Без вас нули
Добились власти. Кто памфлеты
Распространял, ответа нету.
Грабитель, может быть, ночной
С лицом, закрытым пеленой

Иль маской, на большой дороге
Орудующий. Но в итоге
Их очень многие прочли.
Вы кал для всходов на земли
Покров щедрейше разбросали.
С тех пор на нём повырастали
Могучие леса, хоть был
На ваш миссионерский пыл
Запрет наложен. Шарлатаны
Встречались тоже, все бесштанны,
Но голосисты. Их народ
Любил. В тюрьму их каждый год
Бросали, но, как шампиньоны,
Они росли, чтоб жечь с амвона.
Не все хоть выжили, но тех,
Кто да-таки, здесь ждал успех
Огромный у народа: пылко
Он их встречал, прошедших ссылку[474].
Почивших семьям же сполна
Их возместила смерть казна,
А проповедники другие
Стяжали реноме витии
Как раз в тюрьме, вот там ушей
Хватало, как и, впрочем, вшей.
Вы не раскаивались долго
За кровь, за выполненье долга,
И нет у нас причин считать,
Что не прольёте вы опять
Её, когда необходимо,
За Англию и против Рима.
Вы зацелованы почти
Как мрамор, вставший на пути
У пилигримов. Как в Лорето
Святая хижина[475]. Всё это
Доказывает лишь одно:
Угодность Богу. Не дано
Исчезнуть вам, подобно пене,

Что море брызжет на каменья,
А все другие, чуть побыв,
Уйдут, как пены этой взрыв,
Все рассосутся в результате,
Все, кроме нашей общей рати“.

Тут, сэр, другой оратор[476] встал
Из-за стола, не мог похвал
Таких терпеть он дольше, слово
Он взял и произнёс сурово
Ту речь, что ниже приведу.
У всех сидел он на виду
И корчил рожи, когда прежний
Оратор говорил. Небрежней,
Чем корм для кур, он рассыпал
Табак свой нюхательный, ал
От гнева, что ему не дали
Коллеги выступить в начале.
Короче, вот вся речь его:

„Когда справлялось Рождество[477],
Мозги телячьи продавались
Совместно с языком. Анализ
Мой говорит, что мозг – одно,
Язык – другое. Мне чудно,
Что так их развела природа
На сходе нашем. Вонь народа
Мне даже здесь слышна. Как мог
Оратор прежний слать кивок
Навстречу королю и в то же
Быть время супротив сей рожи?
Несовместимость жестов двух
Ясна любому, кто не глух.
Защита Карла – приглашенье
Ему, сыночку, на вторженье;
Его убийство – помощь всем,
Кто монархических экзем

На государства нежной коже
Не хочет. Я боюсь до дрожи,
Что кто-то Карла призовёт;
Путь для него лишь эшафот
Иль плаха, как кому угодно.
Мечтать о Карле нынче модно,
Их всех пускать в распыл пора.
Доктрина наша на-гора
Нам выдаёт духовной силы
В достатке. Не нужны сивиллы,
Чтоб предсказать, что будет, коль
На трон усядется король:
Нас всех сотрут. Жир скорпиона
Укусы лечит змей, но тонна
Не меньше мази нам нужна,
Чтоб залечить всё, что война
Наделала своим оружьем.
С умеренными все мы дружим
Теперь, но мазью им не стать,
Чтоб раны наши врачевать.
Все пресвитерианцы были
За договор с монархом или
За то, чтобы его спасти,
Что чувствам вред, да, всем пяти.
Они хоть за войну стояли,
Но лишь от сих до сих, чтоб в шквале
Её не гиб никто из тех,
Кто вынудил пойти на грех.
Они, что правда, огнь раздули,
Но сразу показали дули
Пожару большему, чем тот,
Что только мелочёвку жрёт.
Когда на церковь чернь попёрла[478],
Им важно было ей по горлу
Как можно глубже полоснуть,
Чтобы себе расчистить путь,
А не всем тем, кто править могут

Гораздо лучше, гусий гогот
Подняв мгновенно, что их от
Кормушки оттирают. Сброд
Был, верно, весь за них, но мы тут
Вмешались; фарисей и мытарь
Враз унялись; мы грех за прю
Весь взяли на себя. Корю
Я их за мелочность, за свойство
Не признавать других геройства,
За себялюбье. Если б мы
Не взяли власть, то кутерьмы
Не избежать бы было, хуже
Того – монаршее оружье
Нас уничтожило б. Палач
Переиграл бы нас. Их плач
О том, что их лишили власти,
Нелеп. И так войны ненастье
Аж на́ шесть растянулось лет.
Мы не добились бы побед,
Стой пресвитерианцы выше,
Чем индепенденты. Вам в нише
Са́мое место, пока плебс
И Карл покойный бились в крэпс[479].
Хоть всяк из вас хулу балакал,
Спасли вы головы, что на кол
Посажены бы были, иль
Висели б вы, копя лишь пыль,
Как аллигаторы в аптеках.
Пора радеть о человеках —
Не токмо о себе. От вас
Не дождались мы – ни от ряс,
Ни от мирян – спасибо даже
За то, что сонм разбили вражий.
В кармане фигу вы всегда
Своём держали, господа.
Единственное в мыслях ваших,
Как расколоть нас. Вы и павших

За грязь считаете, коль те
Не ваши. При такой тщете
Как доверять вам? Даже мухи
И черви не настолько глухи,
Как вы, а, стало быть, призыв
Ваш к единенью просто лжив.
В Завете Ветхом почерпнули,
Не в Новом же, рецепт пилюли
Своей вы от всего – мятеж,
Коль вас не слушают, и те ж,
Кто с нами шли, бунтуют ныне,
Не получивши благостыни.
Хоть Библию вы много раз
Печатали, не зря фугас
Вы подложили всем, седьмую
Испортив заповедь[480]. Рискую
Предположить я, что еврей
Дороже вам своих людей[481],
Что Магомет с его Кораном
Вам ближе, чем всем христианам.
Свиные ваши глазки жуть
Погоды могут почерпнуть
Из синей выси[482], нос по ветру
Вы держите, чтоб только фетра
Не сдуло. Вам пора в Бедлам
Иль Найтсбридж[483], вы пройдёте там
Курс терапии. Может, этим
Излечитесь вы. Хватит детям
Твердить про Лансфорда[484], пугать
Им чад: он съехал, благодать
Настала. Впрочем, ваши жёны
Рожают недоносков, стоны
Слышны их всюду. Выходить
Не надо за ублюдков, пить
Умеющих лишь. Вашим силам
Всё ж удалось их всех к Далилам
За невступленье в вашу рать

Мужей их нагло приравнять[485].
Вы оных в скот десятирогий
Всех превратили[486], коль о Боге
Пеклись они не вашем, в бой
Вступая за участок свой.
Они кричали: "Смерть Мерозу!"[487],
Чтоб только им не стать. Вы ж в позу
Их неприятья встали, ад
Суля им изо всех солдат.
Вы думали, что вы Орфею
Подобны, песнею своею
Смирявшему злых тигров[488], что
Король вас чтит, а церковь сто
Раз вам покорна. Ваша сила,
Мол, может, вроде Маркл-хилла[489],
Сдвигать холмы и горы. Свет
Свой восхваляли вы, Завет
Переложить на ложек-плошек
Язык хотели вы, рыбёшек
Чтоб больше в сеть свою поймать.
Отвергли вы и Божью мать,
И непорочное зачатье,
Перенести чтоб на полати
Замужний блуд. Торговый люд
Сманили вы то дачей ссуд,
То тем, что их доход немалый
Субботней называли халой
И каждый с дéньгами мешок
Крестили, чтоб считаться мог
Тот детищем усердной веры.
Как Финтий и Дамон все сферы
Превысили любви[490], так вы
С народом сладостней халвы
Все были, хоть на самом деле
Маммон вы алчный[491], вроде селя
В геенну сползший“».

«Так сказав,
Он было сел, – продолжил Раф, —
Но тут же вновь вскочил, речугу
Свою возобновив: „Друг друга
Мы не выносим. Будь в раю
Вы ангелами, зуб даю,
Вы б так, как здесь, завербовали
В свои ряды премного швали
И подняли б мятеж, но был
Наш Оливер отнюдь не хил
И разогнал вас, Михаилу
Подобно. В школах ваших силу
Тогда свою пытались вы
Набрать. Но дети таковы,
Что вырастают. Вас презрели
Они за розог след на теле
И вообще жестокость. Вас
Их предал, в общем, каждый класс.
Оставило вас Провиденье,
Вы стали собственною тенью,
Презренны всеми, лишены
Даров с небесной вышины.
И наше государство тоже
Отвергло вашу церковь. Ложью
Вы промышляете, вернуть
Себе чтоб прежней церкви суть.
Но нет былой любви народа,
Он ненавидит вас. Невзгода
Не переделала ни вас,
Ни вашей догмы. Вам указ
Лишь небо, так вы говорите.
Отказано вам небом в прыти,
Кроме одной – карать своих
За каждый внецерковный чих.
Хоть многие достойны взбучки,
Они сцепили зубы, в случке

С решимостью вам отомстить
Когда-нибудь. Уже не быть
Народу прежним: он свободы
Вкусил, а пасторы-уроды
Из ваших не поймут никак,
Что приключилось. Главный враг
Ваш – сами вы. Кто в форме красной
Прошёл войну, тот понял ясно,
Что ружей огнепылкий зов
Сильнее будет всех псалмов.
Мы выучили ваши трюки
Все наизусть, хоть ваши руки
На фокусы способны, как
Не всякий и умеет маг.
Довериться вам есть безумье,
Нет ни святого в вашей умме[492],
Пророк ваш это Магомет,
А не Христос. Вам чужд Завет,
Поэтому вы на съеденье
Ему отдали Провиденье,
Верней – Оно к вам всей спиной
Поворотилось. Каждый свой
У вас предатель. Будь во власти
Вы, тотчас бы пришли несчастья,
Ведь всё равно вам, есть король
Иль нет. Подбить на эту роль
Хотели Кромвеля вы, но он
Протектором был именован[493].
В грехе вы, чтобы умножать,
Как Павел молвил, благодать[494].
Вам лишь бы сохранить влиянье
Своё, что, впрочем, лишь преданье.
Чтоб в эту не пробить вам цель,
Парламент новую модель
Воспринял с вами поведенья:
Так выкорчёвывать растенья,
Чтоб те опять не проросли.

Вас всех, чтоб не марать петли,
Уволили одним заходом,
Включая Эссекса[495]. Народом
Закон был принят на-ура.
Лишившись своего ядра,
Вы кислую слюну глотали.
Сей шаг, предпринятый в начале
Войны, предотвратил удар,
Что вы готовили: навар
С земель церковных весь присвоить
Себе, их поглотив, построить
Там храмы лишь свои и жить
С народа, что забыл про сыть.
Вас индепенденты, однако,
Вмиг раскусили, с нами драка
Ваших попов давно уж шла.
Их рты, из коих лишь хула
Отчаянная пёрла, нечем
Заткнуть нам было, хоть мы сечам
Всем задавали тон, и рос
Авторитет наш, вроде лоз.
Как я сказал, себя вы сами
Подставили в той давней драме:
Когда б не жадность ваша, вы
Могли бы в роли быть главы,
Но вы зарвались. Поддеванья
Всех нас лишь додали вниманья
К проделкам вашим, и возник
Конфликт, на сей раз *politique*[496].
Не лезь вы даже вверх, тогда бы
Возникли пёсьи мухи, жабы,
Нарывы, мор и саранча,
Что вывели, свет дня мрача,
Израиль некогда из плена[497], —
Так вы достали всех, надменно
Себя ведя, сразил бы Бог
Вас всё одно, наш слыша вздох.

Теперь флиртуете вы с мыслью
Звать Карла, а не вы ли висли
Над всем парламентом, деля
До казни земли короля?
Когда же вы так все прозрели,
Тогда или сейчас? Вы еле
Ведь дышите, а всё равно
Стремитесь вверх, упав на дно.
Неужто не дорезал уши
Король вам, мерзкие кликуши?“»

«Он сел, – продолжил Раф, – и вновь
Поднялся. Видно было, кровь
Так прилила к лицу, что страшно
Всем стало за него. Как брашно[498]
Подгнившее, он пóтом пах
И так сказал, вселив в них страх:

„Теперь об острове Уайте.
Он был ловушкой, так и знайте.
Всё, что придумал Хендерсон
О короле, есть просто сон[499].
Хоть чтó взять с пресвитерианца,
С враждебного нам всем шотландца[500]?
Вот в Оксфорде выпускники
Клянут друг друга взапуски
Перед защитою диплома,
Но понарошку, чтоб облома
Не допустить. А вы всерьёз
Клянёте всех и на износ.
Близки к тому вы, чтоб работой
Лукавого счесть многоротый
Наш ковенант, точь-в-точь как знать,
А Прайда с Хьюсоном назвать
Цареубийцами[501], хоть оба
Святые точно. Их не злоба
Подвигла к смерти короля,

А кровь впитавшие поля.
Наш Оливер не зря дебаты
Позволил. Разве депутаты
На суд не согласились? Был
Сегмент противников-мудрил,
Конечно, но софистов этих
Мы заперли в надёжных клетях.
Пытались мы и до того
Мир заключить, но в шутовство
Аксбридж в провальном сорок пятом
Вмиг превратился[502]. Депутатам
Не удалось тогда сломить
Упрямства короля, а сныть,
То бишь народ, жалела Карла,
Не разглядев его оскала.
Потом уже шотландцев вы
Купили, чтобы головы
Его добиться[503], но сперва ведь
Согласны были, что он править
Останется. Себя всегда
Вы полагали, господа,
Израилем священным, á нам
Пришлось тогда филистимлянам
Всем уподобиться, и вас
Сломили мы, а Бог не спас.
Это показывает, как вы
Все жаждете, навроде аквы[504],
Монархии, ведь лишь король
Вернуть вам может вашу роль.
Он примет вас, коль вы в доверье
Вотрётесь, только лицемерье
Ему известно ваше, наст
Ваш тает, и он вас предаст.
Неловка ваша пантомима,
Телодвижения все мимо
Бьют цели. Лучше б вам стоять
Всем на одном, сжав рукоять

Иль Библию, а вы всё время
Шатаетесь. Вам бы в эмблеме
Своей иметь ветрá, что курс
Меняют свой. Один ресурс
Лишь важен – храбрость, ибо всякий
Край – родина отважных[505]. Бяки
Вы все чудовищные. Стран
Правительства – всегда обман,
Направленный на то, чтоб лиги
Крушить. Всегда лежат интриги
В основе власти. Правда, есть,
Кто держатся за веру, честь
И прочее, но это платье —
Заплата на другой заплате;
Их голос вряд ли тех слышней,
Кто не меняют простыней.
Обречено их дело: верным
Быть идеалам значит сквернам
Дать путь наверх. Идёт игра
На жизнь. Всех партий повара
Знай стряпают своё. Победа
Сравнима с блюдами обеда,
В которых масса скрытых трав.
Не тот берёт ведь верх, кто прав,
А тот, кто скрытней и опасней.
Забрав всю власть, он кормит басней
О принципах народ. Лишь тот
И побеждает, кого ждёт
В другие времена темница
Или петля. Он превратиться
В отца народа должен, дав
Ему наесться, кроткий нрав
Свой демонстрируя, хоть лютым
Останется внутри. Он спрутом
Обязан быть, всех охватив.
Коль он надменен иль спесив,
То не продержится. Немало

Таких у власти побывало.
Он должен ковенант хоть чем,
Но подпирать. Внутри систем
Всегда враги, кто лишь о храме
Своём заботятся. С врагами
Такими надо, как и встарь,
Единобожия алтарь
Воздвигнув, поступать, а то есть
Шажками то, что наша совесть
Диктует, утвердить для всех.
Да, государственный лемех
Копает глубоко. Победу
Крепить всё время нужно. Еду,
Наверно, слишком быстро я,
Но говорю всё, не тая
От вас ни крохи наших планов.
Пора нам сбросить истуканов
В глухую пропасть. Только как,
Вопрос открытый. Новых драк
Мы допустить не можем. Деньги
У нас, весь мир на четвереньки
Становится пред ними, он
И так донельзя развращён,
Так что подмаслить кучке партий
Нетрудно. Дело всё в азарте:
Кто не играет, на барыш
Рассчитывать не смеет. Вишь,
Какая тишина настала,
Никто не мчится прочь из зала.
Я продолжаю. В мире все
Продажны. Если в колесе
Нет спиц, оно вращаться будет,
Но вся повозка рухнет. Судят
Неверно нас: мы не хотим
Вас уничтожить, лишь нажим
Ваш чуть умерить. Значит, денег
Дать нужно вам, плюс деревенек

Какое-то число и пост
Ответственный. Наш метод прост:
Всеобщий подкуп[506]. Пусть казна и
Стране принадлежит, давая
Вам из неё, мы оборот
Свой увеличим. Наперёд
Скажу вам, это всё ко благу.
Кто помешает нам? Бумагу
С протестом можно написать,
И что? У нас лежит печать,
А без неё протесты эти
Не действенны. Все наши кмети
Мгновенно вас сметут, как мы
Привыкли делать в годы тьмы.
Так что ни бунт, ни прочий шорох
Вам не помогут. Те, которых
Порядок наш гнетёт, умрут,
И всё. Пусть видят все маршрут,
Каким идём мы, не вникая
В механику его. Простая
Она, но лучше рычажков
И шестерён не зреть. Таков
Наш план. Кому он не по нраву,
Поберегутся пусть. Управу
На них отыщем мы всегда.
Республика ведь молода,
Ей надо устояться. Архи-
Хрупка она, хоть у монархий
Гнилые ноги. Чтоб стоять
Она могла, нужна лишь рать
Обученная, и раздоры
Улягутся[507], хотя не скоро,
Ведь принцип наш разъединять,
Чтоб править[508]. Всем в одну кровать
Не поместиться. Нужно раны
Их бередить, чтоб все изъяны
Лишь стали видимей другим.

Пустить в глаза им, гадам, дым,
Наобещать, короче, кучу
Всего. Я, может, взбаламучу
Вас, господа, но верным быть
Себе лишь можно. Волчья сыть
Они, пусть жрут друг друга. Надо
Нам партию свою, без взгляда
Назад, крепить, вернуть в неё
Тех, кто польстились на враньё
Других картёжников. Раскрою
Эзопа басню: червь змеёю
Стать захотел и растянул
Так тело, что вдруг лопнул[509]. Снул
Парламент наш, все в нём лишь черви,
Что нами тщатся стать. Им вервий
Не хватит, чтоб перевязать
Себя, идя на суд[510]. Как знать,
Не лопнут ли они до срока.
А, может, мы позволим, око
На них держа своё, колен
Двенадцать новых, мук взамен,
Образовать, как у евреев[511].
Такую милость им содеяв,
Прославимся мы чистотой
Своей, поскольку меж собой
Они мешаться будут, веру
Блюдя, и иноверцам в сферу
Религии не влезть никак.
Змеёй, конечно, стать червяк
Не может, но плодиться – сколько
Угодно. Главное нам только
В себе замкнуться, вопреки
Католицизму. Пап деньки
Не будут сочтены, покуда
Не утвердится наше чудо.
Они продолжат воевать,
Конечно, но бескровно. Знать

Будет довольна, люд – тем паче.
Мы приобщим их всех к раздаче
Материальных благ, пусть всем
Достанется кусок. Для тем
Их богословских станет много
Простора и для диалога.
Мы не позволим им закон
Попрать, иначе на амвон
Поднимется не поп, а красный
Мундир, не проповедью страстной
Блистая, а своим штыком.
К тому же, в случае таком,
Мы церковь обвиним в измене,
Что скажется на каждом члене.
Бояться полнолунья всё ж
Придётся: больно молодёжь
Безумна в промежуток этот.
Но мы и здесь отыщем метод
Сдержать их. Всё безумье мы
Направим лишь на те умы,
Что большего хотят, чем внове
Проснувшееся богословье.
Как соколы, но в колпачках,
Остынут люди, о церквях
Своих радея, не вникая
В политику, и больше в стаю
Не соберутся, кроме как
В сонм богомольцев и зевак.
Забудут при таком режиме
О Вавилоне и о Риме
Все скоро; что монархий пять,
Мол, на земле, не стоит знать[512].
Пускай бунтует Провиденье
Против нечестных дел веденья[513]
И дальше. Как ни узок взгляд
Сей нам, он лучше, чем разлад
Церквей фатальный. Если наши

Успехи делают нас краше
В глазах народа, то провал
Нас превратит всех в надувал.
Скандал ужасный разразится,
И прокукует нам зегзица[514]
Конец. Мы может против быть
Таких реформ, и их любить
Не призываю я, но это
Есть средство выжить капле света
В туннеле тьмы, куда всосал
Нас всех текущий наш развал.
Нам надо сохранить всем шеи,
А потому нам и важнее
Всего творить дела тайком,
Подспудно, чтоб не грянул гром,
Как звёзды ночью, солнце утром.
Пусть раковина перламутром
Покроется внутри, пока
Мы замкнуты. Плюс, нас войска
Всех берегут. Мандат народа
Нам выдан, лишь пока мы ходу
Монархии все не даём.
Коль пустим мы её, объём
Телесный станет меньше сразу
На голову. Сию заразу
Остановить нам надо, чтоб
И впредь спокойно морщить лоб.
Все черни пьяные бесчинства
Пора нам прекратить, единства
Хотя бы в этом нам достичь
Придётся. Я бросаю клич,
А вы смотрите. Мы когда-то
Сотрудничали и мандата
Добились вместе. Разве шла
Торговля плохо? Мы дела
Обтяпывали, грея руки
Друг другу. Эти все кунштюки

Необходимо нам опять
Усвоить, чтоб других стращать.
Когда эфесская Диана
Существовала, вера клану
Жрецов и городу всему
Давала злата просто тьму[515].
Коль веры все придут в согласье
Хотя бы на год, мы на массе
Доходов поднакопим жир,
Будь даже кланом мы транжир;
Ведь все, и коршуны, летая
Поодиночке, строят стаи.
Нет, одному не выжить, как
Мы с классом ни флиртуй вояк.
Как драгоценности на выях
Блестят лишь больше, если вы их
И вправду носите, так нож
Врагам соприкасанье кож.
Я допускаю и двуличье
В вопросе этом; я вас кличу
К союзу временному, чтоб
Лишь отрастить немножко зоб.
Как казни, служит продвиженье
По службе подогреву рвенья.
Как тикалы плохие, ход
Коммерции быстрей идёт
Иль медленней, от нас тут мало
Зависит что, но для начала
И это хорошо. Коль мы
Наладим бизнес, денег тьмы
Привалят нам, а только деньги
Всем правят. Наподобье стеньги
Они у мачты, парус к ней
Крепят, вплоть до морских огней.
Коль это сделаем мы, чудо
Лишь может помешать сосуду
Наполниться доходов всклянь.

Все к этому, куда ни глянь,
Стремятся, но поодиночке,
А нас – вон сколько. Если кочки
Не растрясут наш экипаж,
Считайте, что весь остров – наш.
Подмасливать, толочь, покруче
Класть фарш – вот то, что делать лучше
Других умеем мы, таков
Совет политику (он нов
Тогда был в Греции) от музы
Аристофана[516]. Все союзы
Лишь временны, но напока
Должны мы в роли рыбака
Побыть, чтоб на наживку веры
Народ наш клюнул. Были пэры,
И где они? Теперь равны
Все жители моей страны,
Но равенство не означает,
Что кто-то большего не чает,
Чем все. Однако нужно нам
Быть осторожными: углям
Дать разгореться постепенно,
Но дуть на них, чтоб ваши члены
Приходов, не дай Бог, чего
Не заподозрили. Родство
Иначе с сатаной припишет
Народ нам, что и так чуть дышит.
Нам изъясняться нужно с ним
С опаской, языком простым,
А лучше промолчать и разве
Что тет-а-тет сказать о язве,
Страну вгоняющей во гроб,
Взять клятву, не болтали чтоб;
Чернь любит, если ей доверье
Оказывают в нужной мере.
Испанцы в диалогах пьес
Ни плеч не славят, ни очес,

А только взгляды и движенья.
Обиняком на нашей сцене
Высказываться, как они,
Нам нужно, чтоб продлились дни“».

«Он сел. – Раф продолжал. – На место
Его другой оратор, песто
Напоминавший зеленцой
Лица, встал и толкнул такой
Вот монолог[517]:

„Коллеги! Братья!
Чернь валит валом: шум, объятья,
Угрозы, улицы полны
Огромных толп, а крикуны
Во множестве подначить рады
Их на крушение плеяды
Парламента последней. Так
Они вопили раньше в знак
Поддержки нашего изгнанья
Епископов, но это ране,
Теперь же все заведены,
Как в самый первый день войны.
Охвостья больше нет, их маски —
Свиней, гусей – везде; я краски
Сгущать не собираюсь, но
Сей дикий машкарат гузно
С хвостом высмеивает; люди
Нам, депутатам, нынче судьи.
Они костры жгут, и костры
Как погребальные, жиры
Растапливать чтоб депутатов
На них; я стал почти что матов,
Увидев это; много рях,
На уличных сев фонарях,
Верёвки вешают, чтоб чучел
Туда втащить, да, наших; вздрючил

Меня изрядно вид один
Сиих мучительных картин.
Короче, ряженые нами,
Звереют люди; как цунами,
Их вал. Придётся применять
К ним ружья, а не то всё вспять
Покатится, ведь по закону
Пресечь их действа гарнизону
Положено. Готовьтесь быть
Под Даном[518], он уймёт их прыть
Как патриот, стоящий крепко
За нас, чтоб не смогла сурепка
Сады все поглотить. Из всех
Пяти крепчайший он орех,
Хоть самый примитивный[519]. Нынче
Он генерал, никто с ним в клинче
Не устоит. Он фундуком
Не зря ведь назван. Чернь в своём
Безумстве подпалила Кука,
И Прайд на очереди[520]. Мука
Такое видеть: весь народ
За короля. Наоборот
Ещё совсем недавно было.
Уж огородные страшила
Набиты наши все овсом
С соломой, чтоб их сжечь. Несём
Ответственность ли мы за это?
Не знаю, господа, ответа.
А, впрочем, да. Охвостьем став,
Парламент наш лишился прав.
Подстроено всё, видно, папой,
Он действует ведь тихой сапой,
Хоть до зубов вооружён.
Иезуиты это, звон
Оружья их слыхать повсюду.
Я проповедовать не буду,
Но нам враги они. Не зря

Они всё деют втихаря;
К тому ж служил в одной из ратей
Испанских их отец, Игнатий[521].
Они подучивают шлюх,
Как заражать нас. Лопоух
Народ наш, этого не видя.
Угодно каждой ихней гниде
Паденье наше. Их братвой
Был заговор пороховой
Устроен аж когда[522]. Практичен
Теперь подход их: зуботычин
Нам надавать в лице толпы,
Подняв весь город на дыбы.
Нас всех оденут в санбенито[523],
Чтоб всё казалось шито-крыто,
Еретики, мол. Не нужна
Иезуитам кровь, война,
А только бунт. Своё ученье
Нам проповедовать – мученье:
Народ от этого отвык,
Но вилы любит наш мужик.
Переизбрались мы в охвостье[524],
Но при таком внезапном росте
Бунтóв не выжить нам. Мрачит
Весь горизонт иезуит,
Желая показать, что нету
Средь нас святых. Пора в анкету
Нам вписывать «еретики».
Их верный копт сумел-таки,
Да, Кирхер, доказать, что в вере
Всего важней разгул мистерий[525].
Как египтяне символ пчёл
Ввели для Птолемеев: мол,
Оружие их жало, только
Оно в брюшке, вернее долька
Его в их заде[526], так наш зад —
Охвостья – жалить всех подряд

Ещё горазд. Нет в теле места
Главнее этого. Присеста
Оно участник, всех больней
Удар по оному. Нет дней,
Чтоб мы о заднице забыли.
Коль государство судно, в киле
Его всё дело, ну а руль
Всегда в хвосте, и нет чистюль
В сём мире абсолютных. Птицы
Свой хвост используют, чтоб взвиться,
Чтоб курс поддерживать. Компа́с
И руль важней всех выкрутас
Позднейших. Потому охвостье,
Таз то есть наш, все держит кости,
Республики включая. Без
Него не быть ей. Интерес
То представляет, что раввины
Считали: де, все наши спины
Растут из одного зерна,
Горошины одной. Она
Достаточна, чтоб можно было
Нас воскресить, когда могилы
Откроются[527]. Но черни факт
Сей неизвестен, хоть их тракт
Кончается, где всехний, – тазом,
Крестцом точнее. Дан ей разум
Весьма убогий: оседлать
Они хотят лошадку, стать
Которой вся в округлом крупе.
Они на каждом нашем трупе,
Я политический в виду
Имею, бьются в чехарду.
Палаты общин нет, мы разом
Уволены, и даже глазом
Моргнуть мы не успели, как
Всё захватил народ-дурак.
Иезуиты иль лукавый

Виновны в этом, горькой славой
Аукнется ему сей день.
С мозгами, явно набекрень,
Что будет делать он? Не вижу
Я выхода; пусть явно ближе
Ему теперь король, его
Подавит армия. Жнитво
Неубранным сгниёт. Законы
Мы принимали, но к разгону
Мы непричастны. Не голов
Пока, а шляп под гул ветров
Лишились мы. Все спины гнули
Пред нами, эти же грязнули
В числе их были. Но у нас
Грехов полно, подходит час
Платить за них. Иным верёвка
Не худшее совсем: так ловко
Они водили за́ нос люд;
Другие накопили пуд[528]
Или десяток даже злата
На воровстве; за это плата
Тюрьма. Вмешался дьявол тут,
Конечно. Но всех скопом ждут
Нас наказанья и расправы.
Республиканской нет державы“».

«Закончив речь, он было сесть
Хотел, – продолжил Раф, – но весть
Про бунт собранье возбудила,
Все кинулись бежать, и сила
Той паники так велика
Была, что мяли все бока
Друг другу». Ральфо вдруг прервался:
Народ из леса показался,
Причём в количестве таком,
Что страшно стало им вдвоём.
Там авангард не видел тыла,

Вся масса жутко голосила,
Локтями действуя, вперёд
Пройти пытаясь. Был народ
По виду агрессивен слишком,
Чтоб сталкиваться с ним. Он мишкам
Равнялся ста, а, может быть,
И более. Вся эта сныть,
Увидев их, поддала ходу.
Раф сэру прошептал: «Народу
Нельзя нам попадаться, он
Нас уничтожит». Сэр разгон
Почти что с места взял, как будто
Жокей тосканский[529]. Лишь минута
Иль пара отделяла их
От черни. В общем, бунта вспых
Дошёл сюда, и наши двое
Героев так избегли боя,
Наяривая вскачь коней.
На этом всё у песни сей.

Песнь третья

Краткое содержание:
Наш сэр и сквайр весь день скакали
Прочь от вдовы, от адской швали.
И Гудибрас решил подать
В суд на вдову, кто отказать
Ему посмела в притязанье
На руку с сердцем. То́нки грани
Меж страстью и обидой. Он
Письмо ей пишет, чтоб закон
Не привлекать и чтоб вдовице
Дать шанс последний покориться.
У греков было божество,
Что Фобосом звалось. Его
Арес родили с Афродитой.
С тех пор владеет страх открыто
Всем человечеством. Как гриб,
Он размножается (сей тип
Грибов) лишь спорами, точнее
Путём бесполым, так уж Гея
Распорядилась. Он есть плод
Воображенья, но невзгод
Приносит больше, чем все ведьмы
С их духами. Понятно, ведь мы
Колдуем на себе самих
Успешней леших-домовых.
Страх, да, колдун, но он в отличье
От ведьм, допустим, без обличья,
Как не имеют лиц и пять
Чувств наших. Может обонять
Глазами он иль видеть ухом,
Как розенкрейцеры. Он духом
Является, и если страх
Не в наших зенках иль ушах,

То где-то в сердце и подбрюшье
Или в мозгу. Та ж секта души
Читает наши, но опять
Не глазом, а чутьём. Читать
Так может всё она, включая
И мысли. Смелость негодяя
Иль трусость сильного видны
Им, так сказать, со стороны.
Все делятся лишь на два сорта:
Тех, кто без страха, и упёрто
Своё гнут, и на тех, кому
Всё боязно, включая тьму.
Избавиться от страха можно
Лишь смертью. Меч влагая в ножны,
Смиряетесь со страхом вы,
Как ни ревут вокруг вас львы.

Наш сэр пример тому. Он в доме
Вдовы от страха был что в коме,
Когда узрел чертей. Наслал
Их ад, чтоб стал он их вассал,
Так думал Гудибрас. Но если
Вглядеться: когда немость в чресле
Была любом его, то бес
Его и спас, сняв данный стресс.
В его вы не бывали шкуре,
Вас не терзали орды фурий
И эльф-чертяка, а не то б
И вас бы пронял как озноб
Великий страх. Хоть братство розы[530]
Его чтит за житейской прозы
Противовес, то есть стихи —
Воображения грехи.

Наш оказался сэр, короче,
На скакуне своём средь ночи
И мчался бешено весь день,

Избыть чтоб только эту хрень.
Что Ральфо бесом был, сначала
Не догадался он, скрывала
Его обличье тьма, когда
Был в доме он. Его езда
Была бесцельной: сэр доверил
Коню свой путь. Тот зубы щерил,
Но галопировал. Узда,
Как знаем мы, была чужда
Коню. Он слушался лишь гривы
Подёргиванья, если живо
Он чересчур скакал. Сейчас
Не управлял им Гудибрас,
Поскольку он желал лишь смыться
Подальше от хорóм вдовицы,
Оглядываясь всё ж порой,
Нет ли погони за спиной.
Коль замедлялся конь, сэр пяткой
Дубасил в бок. Моряк, по гладкой
Поверхности плывя, веслом
Орудует, а если слом
Погоды происходит, парус
По ветру держит. Сэр наш яро, с
Неистовством каким-то гнал
Коня. Чем дальше буцефал
От дома был, тем больше сэру
Казалось, что он чует серу,
Поскольку страх сильнее, чем
Его со скакуном тандем
По части скорости. Как рядом
С ним оказался Раф, а взглядом
Его он мерил, сэр не знал.
То ли его ему астрал
Послал, то ль тут иное что-то,
Сэр отложить решил работу
Ума до остановки, чтоб
Не прерывать пока галоп.

Когда наш Ральфо всё вдовице
Поведал, леди эта скрыться
Ему дала приказ в одной
Из горниц – сэр был на входной
Уж лестнице. Вдова решила,
Что сэра отпугнёт лишь сила
Нечистая, и машкарат
Устроила из чертенят.
Раф роли две сыграл: и злого
Чертяки, и – вслед – домового,
Но сэра после пожалел,
Когда тот белым стал, как мел.
Скача, сэр ел его глазами,
В нём тихо разгоралось пламя
Догадки смутной. У святых
Есть свойство дьяволов самих
Обыгрывать, им подражая.
Порой, где святость, а где злая,
Так скажем, сила, не понять.
Они друг друга заменять
Вполне способны. Если басом
Поговорил Раф с Гудибрасом
Как эльф, то дискантом потом
Вещал он как домашний гном.
Короче, он актёр был знатный;
Что сэр поймёт всё, вероятной
Возможностью казалось, но
Решил сыграть Раф всё равно.
Тут сэр коня подёргал гриву,
Тот встал как вкопанный. Позыву
Поддался сэр спросить: «Не ты ль,
Мой сквайр, в глаза пускал мне пыль
Всю ночь?» Ответил Раф: «Не знаю,
О чём вы говорите. Стаю
Какую-то я распугал,
Когда тащил вас вон из зал.

Вы в обморок упали. Злиться
Вам надо на одну вдовицу,
Вы были пленены ей, но
Разбил я по пути окно,
Чтоб выйти прочь». «Как оказался
Ты в доме?» – сэр не унимался.

«Скакал я в магистрат, но мне
Явился дух, как в страшном сне,
И повелел прервать поездку
Немедленно, сказал он резко
Громóвым голосом сменить
Маршрут и ко вдове спешить:
Мол, черти вырвались из ада,
И нам вдвоём загнать их надо
Туда обратно. Прибыл я,
Когда лишились вы чутья. —
Ответил Раф. – Так, значит, с ними
Вы всё же встретились? Какими
Бывают черти? Это знать
Мне важно, чтоб в тупик не встать».
Рёк Гудибрас: «Они похожи
На нас, хотя ужасны рожи.
Красива лишь Иезавель[531]
Была, кто к дьяволу в постель
Легла и стала дьяволицей.
Не верю я в ужаснолицый
Народ чертей, они ведь, Раф,
Всё ж ангелы. Меня избрав
Своей мишенью, кто-то грубо
Их сымитировал. Голуба
Моя, вдова, к тому, видать,
Причастна, чтобы лишь в кровать
Со мною не идти». – «Наверно, —
Ответил Раф, – представил скверну
Ткач городской. На весь народ
В округе он одёжу ткёт,

Хоть негодяй изрядный. Кроме
Того, урод. Он аденоме
Подвержен щитовидки. Вас
Он этим напугал. Зараз
Страшась, вы всё, видать, сказали
Про порку, как вы убежали
От оной, выболтав ему
Всё, что чужому знать уму
Не дóлжно. Он как исповедник
Вас допросил. Но тот передник
Всё ж носит, да, епитрахиль,
А он, ткач то есть, эту гиль[532]
По свету разнесёт теперча,
Как следует вас сверху перча».

«Вполне возможно, Раф. Но как
Остались мы вдвоём? Чертяк
Как унесло? Как я со страху
Не умер? Задал чёрт шараху
Мне по спине и заду. Боль
Аж до сих пор идёт оттоль».

Ответил Раф: «Мы оказались
Вдвоём, когда враги убрались.
Я знал, чертей боится всяк
Святой у нас, но чтобы так —
Не видел я досель. Сознанье
Вы потеряли. В назиданье
Скажу вам: в следующий раз,
Когда предстанет чёрт, вы пасс
Лишь сделайте крестом, и сразу
Он уберётся. Ткач-зараза
Чуть не убил вас. Если был
Он чёртом. Впрочем, не остыл
Ваш пыл, сэр, спорить. Мы б до драки
Поцапались, коль не чертяки».

Наш сэр внимательно взглянул
Назад: не слышен был ни гул
Погони, ни души чьей-либо
Присутствие. Был нем, как рыба,
Пейзаж. Хоть где они, куда
Их занесло, не знал он. Мзда
За трусость, думал он, всё это,
Но в мыслях до сих пор к паркету
Прижат был чёртом. Он мечтал
Отбросить страх, но тот достал
До ложечки в груди и цепко
Держал его, точь-в-точь прищепка.
Пытался сэр восстановить
То в памяти, как он поплыть
Вдруг умудрился головою,
Но помнил мало. «Нет, со мною
Что-то не так, – он думал, – раз
Я чувств лишился». Гудибрас
Стыда был полон. Он доселе
Не ведал отклонений в теле.
Готов он был помчаться вспять,
Дабы вдовице показать,
Каков он в деле, но далёко
Заехал он посредством скока.

«Ты, Раф, меня подвёл. Виной
Всему твой нрав, не волевой,
Как мой, а склонный к малодушью
В критический момент. Ты тушу
Мою взвалил на плечи, а
Дождаться стоило конца,
Как бы назвать, ну, вырубона,
Допустим. Вспомни, *fama bona*
Divitiis est potior[533].
А ты стащил меня, как вор,
И на коня, как тюк соломы,
Взложил, хоть вышел я из комы.

На нём ведь не было седла;
Его, наверно, унесла
Вдовица в дом, кусочек мыла
Под зад мне подложив, чтоб было
Скакать больней; я без моих
Остался терцеролей. Лих
Я биться был, но вместе с ними.
Моё ты опозорил имя.
Вся слава прежняя моя
Ушла, как сон. Из забытья
Меня ты вывел, но какого
Мы ляда дунули? Ни слова!
Я знаю, что ты скажешь: де,
Не дунь мы, то другой беде
Подверглись бы. Но в состоянье
Я был сражаться в новой брани,
Начнись она. К тому ж вдвоём
Мы были, чтоб сойтись с врагом».

«Всё правда, – Раф ответил, – только
Не трус я ни малейшей долькой
Своей души. Ведь я за вас
Боялся, потому и спас.
Не вытащи я вас из дома,
Враг бы похлеще костолома
Отделал вас, когда без чувств
Лежали вы. Моих искусств
В бою бы точно не хватило,
Чтоб урезонить гамадрила,
Будь чёрт он или ткач. Ему
Противостать мне одному,
Когда он с целой шайкой, вряд ли
Возможно. Удалось ведь падле
Такого смелого бойца,
Как вы, заставить спасть с лица.
Они удумали б иначе
Скакать на деревянной кляче

Вас посадить или меня
Взамен обычного коня[534]
Иль попросту отрезать оба
Вам уха, чтоб была стыдоба
Ещё ужасней, чем сейчас.
Они удрали, Гудибрас,
Меня завидев, чтобы пере-
Группироваться. Ваша пери[535]
И вызвала их, по всему.
Я одного лишь не пойму,
Как в дом они меня впустили,
А после заперлись. Но силе
Нечистой точно нас в силок
Хотелось заманить. Без ног
Вы были, без оружья, кроме
Меча. Распоряжаться в доме
Они умели. Лишь бежать
Был выход. Богу исполать,
Что это удалось. А сёдла
Найдём мы, стащенные подло,
На рынке где-нибудь. Вдове
Они зачем? Но в голове
Её предательство не может
Никак улечься. Коль вас гложет
Мысль, что удрали мы, отход
Не пораженье. Пушка вот
После пальбы всегда откатом
Страшна стрелявшим ей солдатам.
Отход есть стратегема. Враг
От нас не ждёт других атак,
А мы чуть поднакопим силы
И как нагрянем к вашей милой.
Землетрясенье ведь не взрыв,
Его не слышно, но, убив
Народу больше, всё ж страшнее
Оно, чем тот. Не всё в траншее
Решается; в земной проём

Вдруг слезший грунт вполне с огнём
Сравним прицельным. Почвы трусом
Врагам мы станем. Вот вы усом
Шевелите, но даже бой
Проигранный один судьбой
Войны нельзя назвать. Что лучше,
Спастись иль всем полечь до кучи,
Чтоб подвиг воспевали ваш
В газетках, жалок чей тираж?
Спастись, вестимо. Затаиться
На время, чтоб сочла вдовица
Вас побеждённым. Наконец,
В свой удалиться вам дворец,
То бишь именье, стоит. Дверки
Его открыты. Фейерверки
Пускать там, что шипят зело;
Порочить в местной церкви зло,
Сиречь правительство, вгоняя
Люд в ярость без конца и края,
Но губернатора никак
Не задевать; пить пиво, драк
Бежа, со всеми вместе в пабе;
Слать комплименты каждой бабе
За то, что родила солдат;
Te Deum[536] петь, хотя навряд
Вам это нравится, и тут же
Всласть богохульствовать, что хуже,
Мол, стала жизнь. Кто от врагов
Уходит в глушь, всегда готов
Потом сквитаться с ними, чтобы
Они бежали тоже. Злобы
Ничтожен всплеск, вам от него
Не пофартит. А вот сродство
С народом сделает вас крепче,
Как ни противен в церкви певчий.
Тем покорится марафон,
Кто тихо поджимают. Он

Бегущим быстро не под силу.
В именье благодать. В могилу
Сошли все предки. От и до
Хозяин вы. Полно бордо
У вас в подвале, плюс вы дока
Игристого из Лангедока[537];
А если сердце веселит
Вам бренди или аквавит,
То пейте их, хотя красиво
С народом дёрнуть пинту пива.
Спиртное отвлекает нас
От мрачных мыслей: мозг наш в пляс
Пускается, нет лучше средства,
Чтоб пережить любое бедство;
Оно к победе нас влечёт,
Всё прочее тогда не в счёт,
Кроме неё. Мехмед османов
Не пьёт. Венеция, нагрянув
На них, смела их флот, грозя
Константинополю. Ферзя
Однако не учла, визиря,
Но вечного нет в этом мире[538]».

На что ответил Рафу сэр:
«О битве ты больших галер
На море говоришь, а в нашей
Лишь группа наглых делибашей[539],
Так назову я их. Число
Их, сук, меня перемогло.
Что не бывает абсолютной
Победы, прав ты. В нашей мутной
Воде теперь всё *politique*:
Кромсают уши и язык
Отрежут скоро за беседы
Про пораженья и победы.
Никто не держится за честь,
Как раньше было. Битвам несть

Числа, но больше со стадами,
Что всё скуднее, но упрямей.
Теперь дерёмся мы за снедь,
За провиант; нет, чтобы взгреть
Скотин как следует рогатых,
Но бунт тогда начнётся в хатах.
Остались зубы лишь у нас,
Чтобы жевать остатки мяс,
Но и они для тех, кто деньги
Скопили в данной деревеньке.
Ран не страшится наш народ —
Лишь голодухи, что грядёт.
А раньше было – стратегемы,
Засады, вылазки, сплошь геммы
Военного искусства, но
Перевелись уже давно.
Сражаются лишь в кабинетах,
И стонут тьмы полураздетых.
За славу раньше бился наш
Народ, а нынче за фураж.
Коль нападёт он, сжавши вилы,
Лицом к лицу, ударят с тыла.
С народом игры в пикабу[540]
На нет свели его борьбу.
Свободные все, словно смерды,
Теперь, хоть и жестокосерды.
Война лягушек и мышей[541]
Идёт сейчас взамен траншей
Средь топей, ибо вязнут люди
В грязи. Надежд на правосудье
Нет никаких. От водных крыс
Рябит не в положенье риз,
А в абсолютно трезвом виде[542].
Не тот теперь герой, кто, выйдя
Вперёд полка, кричит «ура»,
А тот, кто сыт и кто добра
Скопил довольно. Глад не страшен

Богатым, а народ от брашен
И так отвык давно, но хоть
Какой-то нужен ведь ломоть.
Венаблес с Пенном на Ямайку
Зашли с военным кличем: «Дай-ка,
Испания, нам Новый Свет!»,
Но, кроме острова, побед
Не одержали[543], так что свинок
Нам не видать оттуда. Рынок
Не ломится теперь. Они ж,
Словно Калигула-тупыш,
Когда на нас он шёл войною[544],
Набрали крабов, что волною
Прибило к берегу, не дав
Моллюскам спуску. Так вот, Раф.
Калигула тогда омаров
Пленил, креветок и кальмаров,
А также тонну гребешков.
На нас он не надел оков,
Но тех пронёс в триумфе мимо
Великого народа Рима.
Морепродуктами с тех пор
Питался он, как и весь двор.
И наши войны обернулись
Пародией: уборкой улиц
Солдаты заняты теперь,
И нету никаких потерь».

«К тому, что вы сейчас сказали,
Могу прибавить я детали. —
Рёк Ральфо. – Но понять важней,
Как быть с вдовой, что делать с ней.
Возможно, вы войной хотите
Пойти, взять в плен. При древнем бритте
Так всё и было б, но война
Не в моде нынче, времена
Другие, с миром обжиманцы

У нас, остались лишь испанцы.
В романах только войны, там
Воюют за прекрасных дам,
И даже те, кто амазонок
В себя влюбляли, из ручонок
Сперва их выбивали меч.
Армида не боялась сеч
И тем Ринальдо покорила[545].
Но это раньше. Нынче сила
У слабых. Дам упрямых, как
Вдова, не мужеством атак
Берут, а чем-то похитрее.
Не можете вы биться с нею.
Нет, ваша, сэр, Иезавель
Кислит изрядно, как щавель,
Хотя для вас сладка. Тут надо
Судом бороться. Ваша лада
Дала ведь слово, когда мы
Во мраке крючились тюрьмы,
За вас пойти, не так ли? Стану
Свидетелем я, что к обману
Она прибегла. Двое слуг
Её меня поддержат: штук
Таких не любит суд, несчастье
Большое им за соучастье
Идти в тюрьму, а если в брак
Вы вступите, им самый смак:
Вы их за это наградите.
У нас ведь больше дырок в сите
Различных биллей, есть средь них
Наверняка и клятв двоих
Касающийся в деле брака.
Вам нужен он, ведь так? Вояка
Вы записной, конечно, но
Суд будет самое оно.
Зачем осадные вам башни?
Они давно уж день вчерашний,

Теперь решают перья, кто
Прав, а кто нет, и в сём лото
Бочоночек на вашей карте[546].
Не рвитесь к солнцу, не икарьте,
А сделайте всё, как закон
Велит. За вас ведь будет он.
Вдова утратила приличья.
Пускай перо выносит птичье
Ей приговор. А после вы
Смягчите гнев своей вдовы
Интимной лаской. В ваши руки
Уйдёт её земля, и муки
На этом кончатся. Война
Теперь в судах, и нам она
Взамен гражданской, сэр. Считайте,
Что вы в строю. Судебных мантий
На командирах нынче шёлк,
А не мундир, но полк есть полк.
Когда б могли, то в суд бы греки
На Трою подали, и реки
Кровавые бы не лились.
Что от вдовы важнее? Близь
Любовная или угодья?
То и другое? Так в природе
Бывает редко. Например,
Республику не любит, сэр,
Народ наш за раздрай меж нами,
Но подчиняется. И даме
Прекрасной вашей строй велит
Вам подчиниться. Плебисцит
Наш ложен. Всем рулят юристы;
Пусть многие и голосисты,
Они швейцарцы, и пойдут
За деньги хоть куда[547]. Маршрут
Задайте им, и всё готово.
Вдова наймёт себе такого,
Не сомневайтесь, но нюанс

Обета на победу шанс
Минимизирует. Хватает
В суде крючков, кто дело знают
И не одну статью найдут,
Чтоб в пользу вашу кончить суд.
Без диспутов теперь победы
Вам не добиться. Все ведь среды
Между собою спорят. Стен
Нет более глухих. Гален
Иль Парацельс главнее, спорят
Врачи[548], философы им вторят
И математики. Куда
Ни плюнь, такая ерунда.
Астрологи, одни за то, что
Сны вещими бывают; тошно
Другим от этого, и спор
Идёт о грёзах с давних пор.
И даже геральдисты бьются,
Чей герб фамильной славы блюдце».

«Юристы все мудры, не нам
Судить их. Любит чернь костям
Устроить их промывку. Это
Уже одно почти как вето
На критику со стороны,
Раф, нашей. Браться не должны
За дело мы, коль аргументов
Не будет на все сто процентов,
Ведь создадим мы прецендент,
На кой ссылаться контингент
Юристов станет дальше. Все же
Те группы, что назвал ты, еже
Плодиться, на любой подлог
Пойдут, но сим займётся Бог».

«Но вы же знаете, что те, кто
Лишь в собственную верят секту,

Закон песочат, не указ
Он им. Ведь принято у нас
Скорее верить Откровенью,
Чем государству. Всё ж решенью
Я бы доверился суда.
Вдова, как дьявол сам, горда,
Но суд унять её гордыню
Вполне способен. Нет, так ныне
Любовное письмишко ей
Черкните. Коль за пару дней
Она вам не ответит, можно
И в суд идти. Раз вам тревожно
Так за исход суда, письмо
Докажет многое само».

Наш рыцарь знал натуру Рафа
Аж до мельчайшего аграфа[549];
Все трюки, все его прыжки
Он изучил, и вопреки
Обычно действовал. Однако
Вдовы упорство в смысле брака
Вдруг Рафа придало словам
Весомость. Сэр наш был упрям,
Как и вдова. Решил совету
Последовать он. Не отпето,
Наотмашь действуя, а чуть
Иначе. Но осталась суть
Слов сквайра прежней: он напишет
Письмо вдове, а вот расслышит
Она его иль нет – вопрос.
Подумав, сэр наш произнёс:

«Совет твой в суд идти большая,
Раф, глупость: стать всего с ней края
Посмешищем – уж нет, уволь.
Прими я даже эту роль,
Отдать придётся адвокатам

Мне всё до пенни. Я ж богатым
Настолько не являюсь, чтоб
Швыряться златом, как набоб[550].
Я ведь рискую титул в схватке
Сей замарать, пойдут десятки,
Нет, сотни писем, что их сэр
Ведёт себя как *брако-ньер*.
А что, коль суд моя вдовица
Вдруг выиграет? Удавиться
Мне, что ль, тогда? Я буду как
Последний выглядеть дурак.
Свидетельство твоё и этих
Двух слуг сочтут за ложь и в клетях
Вас всех запрут. Ничем помочь
Я не смогу, изгой точь-в-точь.
Путь есть другой. Он, может, хуже
Ещё, чем первый, только в луже
Я с ним не окажусь. Вдову
Мужчины все на рандеву
Зовут в округе, значит, сдаться
Я не могу, смешней паяца
И так я у неё в глазах
Как испытавший адский страх.
Каков сей путь, тебе не надо
Покамест знать. Моя дриада
Не клюнула на титул. Что ж,
Попробуем теперь скулёж.
В суд всё равно идти придётся:
Ты помнишь этого уродца
Астролога? Так вот он иск
Решил подать. Он поднял визг
Ужасный, как мне доложили,
Что я его подвёл к могиле.
Избит был мною Сидрофел,
Когда ты в магистрат летел.
Он знает: первый, кто доложит
О преступленье, даже может

Рассчитывать на куш большой.
Пока не клялся он[551], я свой
Иск предъявлю ему за кражу.
Как видишь, всё гораздо гаже,
Чем думал ты. Церковный сход
Я посещу, спрошу народ,
Что тот считает в этом деле
Путёвым. Нету в Сидрофеле
Ни капли чести. Он уже
Юриста нанял, на верже[552]
Донос свой написал. Всем сходом
Решим мы, как мне быть с уродом».

«Ах, старый гад! Решил он в суд
Подать на вас, забыв, что люд
Всё помнит. Умное решенье
На сходе обсудить все мненья.
Вы посмотрите лишь, чем маг
Люд так чудовищно напряг.
При строе каждом этот гений
Был друг и враг всех преступлений:
Он иль потачку[553] им давал,
Иль обличал, от гнева ал;
Он попустительствовал шлюхам,
Но был за кнут и жертву ухом;
Телегу сводней он в тюрьму
Упёк за то, что те ему
Процент со сделок не платили
Неделю; сутенёры были
Ему всегда должны; привлёк
Констеблей он за то, что блок
Их всех враждебно был настроен
К его поборам; этот воин
За нравственность и лордов, и
Простых людей снабжал блядьми,
А если кто был против, тут же
Рапортовал жене о муже,

Что тот неверен ей; он драл
Проценты даже с обирал;
С мерзавцами, как кот, мяукал
Он сладко, а в театре кукол
На площади велел свою
Марионетку взять в семью
Других народных персонажей;
Он брал со всех, включая даже
Тех, кто на паперти стоят;
Короче, он весьма богат
С доносов и поборов; в оном
Он бизнесе на самогоном
Торгующих зуб поимел —
Те не платили; наш пострел
Так сделал, что искоренили
Их всех, а люди пьют, как пили,
Но гонят сами, втихаря.
Он другом был золотаря
Лишь одного, кто чистил место
Его отхожее, ареста
Боясь, вперёд других, но брал
С него процент за свой же кал.
Ростовщики ещё гордились
С ним дружбой, денежки водились
У них, и маг вступил в союз
С ростовщиками, чтобы вкус
Почувствовать, как это деньги
Вверх скачут аж на три ступеньки
Под месячный процент, и стал
Ссужать свой грязный капитал.
Он всех достал бесстыдным жором,
И даже коммивояжёрам
Несладко было: те за въезд
Платили в глушь сих клятых мест».

Всё выслушав, наш сэр юриста
Решил проведать. Больше свиста

О маге быть могло, чем правд:
Ему неясен был ландшафт.
Тот в комнатке сидел, мешочки
Монет расположив на бочке,
Которая ему была
Взамен рабочего стола,
Чтоб показать, каким он спросом
Здесь пользуется. Главным боссом
Его была корысть, но чист
Душой был в остальном юрист.

«Ну, что у вас?» – спросил он. «Дело
Моё по части Сидрофела.
Он утверждает, что его
Избил я. Это плутовство». —
«Отлично». – «Но меня сначала
Хотел убить он». – «Славно», – вяло
Сказал юрист. «Что обокрал
Его я, говорит он». – «Балл,
Сэр, в вашу пользу». – «Неужели?» —
«Отлично всё. Вы в самом деле
Его обчистили?» – «Да нет,
Сперва он в мой залез дублет,
А я лишь вывернул карманы». —
«Отлично, сэр. Вы под охраной
Закона. Будет он висеть
За это». – «Прóсто так? Но ведь
Он подал в суд. Его летрадос[554]
Оспорит это». – «Значит, надо-с
Его вину нам доказать». —
«Но как? Я бросил подыхать
Его на кухне». – «Иском встречным
Его смутим мы. Будет вечным
Процесс». – «Тут, мэтр[555], ещё одно:
Вдова, на коей я давно
Хочу жениться». – «Поздравляю». —
«Спасибо. На дороге к раю

Вдруг объявился Сидрофел,
И как-то он её сумел
Отговорить от обещанья,
Мне данного». – «Мы с этой дрянью,
Сэр, разберёмся». – «Да? Но как?
К тому же этот чёрный маг
Помог ей вызвать силы ада,
Чтоб приструнить меня». – «Мы гада
За это тоже приструним». —
«Меня избили». – «Будет им
Обоим наказанье. Сэр, вы
Бояться не должны сей стервы». —
«Меня там обокрали. Зло
Два терцероля и седло
Стащило и брус скользкий мыла
Взамен его мне подложило,
Чтоб я упал с коня, сломав
Себе хребет». – «На всё управ
Добьёмся мы», – сказал законник,
И успокоился наш конник.

Но рано. Встал юрист и рёк:
«Ваш иск к обоим будет в срок.
Вы не должны себя стыдиться:
Виновны оба, маг с вдовицей,
Они хотели вам конца.
Что же до мага-подлеца,
Его скорей всего повесят,
Коль он чего не начудесит.
Что ж до вдовы, придётся ей
Смириться с браком. Чудодей
Не помешает больше. Вроде,
Вам по душе её угодья
Не меньше, чем сама она.
Получите вы их. Сполна
Она расплатится. Не знаю,
Что лучше: брак или витая

Петля. Приходит со второй
Смерть, ну а в первом мук горой.
Запрещено юристам ссоры
Разогревать, мешаться в оры
Сторон, сэр, так что предстоит
Вам слушать их, но без обид,
Иначе вы рискнёте сами
Своими ценными ушами,
Как, впрочем, я. Ответчик, сэр,
Ведёт себя частенько, мер
Не зная: прыгает на стойку
И даже сальто крутит. Бойко,
Короче, проявляет гнев.
А коль истец, рассвирепев
От этих выходок, ярится,
То суд не может с ним мириться,
И он проигрывает бой.
Владеть придётся вам собой.
Вы принесёте клятву. Это
Проформа, ведь никто обету
Не верит правду говорить.
Лгут все. Вы можете, сэр, быть
Честней других, но в суть историй
Истцов не верят априори».

«Благодарю вас, – сэр сказал, —
За весь обзор. Встать за штурвал
Юстиции не все способны.
Клиенты ваши, верно, злобны
По большинству. К тому ж слепа
Фемида. Кто там у столпа
Позорного стоит, ей, честно
Так скажем, вряд ли интересно.
Хоть судьи главные, юрист
В суде ярчайший аметист:
Зависят лишь от блеска речи
Его уделы человечьи.

Фемида фокус-покус свой
Проделает, чтоб я вдовой
Смог, наконец-то, насладиться.
Она – Фемида, не вдовица —
Играет хоть вслепую, страсть
Чужую чтит, сама ведь впасть
В неё успела к громовержцу[556].
Она, я в том уверен, сердцу
Влюблённому поможет, коль
Возьмёте всё вы под контроль.
Плюс есть свидетели. Всё то, что
Нам нужно, в минимум мне кошта,
Мэтр, обойдётся. Как насчёт
Оплаты, после иль вперёд?»

«Не беспокойтесь, сэр. Частично
Вперёд, а, впрочем, безразлично,
И после можно. Надо нам
Сперва осилить мага. Дам
Черёд потом. Я вашу леди
В виду имею. Всё в победе
Решает маг. Он Банги[557], сэр,
Подобен. Если в интерьер
Суда он не напустит ада,
То с вами мы повесим гада».

«Прекрасно! – молвил Гудибрас. —
Пусть Банги он, я тьмы кирас,
Мэтр, навидался. Их защита
Лишь миф. Мы вздёрнем прозелита[558],
А уж потом займёмся ей».

«Сэр, – произнёс юрист, – сложней
Нам будет сохранить ей шею,
Коль вы в суде схлестнётесь с нею.
Попробуйте ей написать
Письмо любовное про стать

Её и прочие красоты.
Мол, мёдом пóлны ваши соты
И всё такое. Коль не даст
Она ответа, то контраст
Возникнет между поведеньем
Её и вашим. Мы заденем
Нутро конфликта. Если вдруг
Она ответит „нет“, ваш друг
Суду докажет, что божилась
Она стать вашей. Надо силу-с
Беречь нам. Если не милы
Вы ей, то ваши похвалы
Зачтутся в плюс. Короче, надо
Устроить ей письмом засаду.
Коль не прикажешь сердцу, стать
Ей вашей можно приказать.
Она откажет вам в постели,
Зато вы победите в деле.
Вон в Темпле рыцари сидят,
Поджавши ноги[559], вам, солдат,
На корточках молить придётся
Вдову признать в вас полководца
Её души иль в Линкольнс-Инн[560],
Как клином вышибают клин,
Петли для милой добиваться.
Меж вами пусть теперь прохладца
И пробежала, нам Господь
Велел прощать любую плоть.
Когда напишете посланье,
К услугам я для травли лани».

«Спасибо, мэтр. Я сам хотел
Черкнуть ей. Надписи лишь стел
Не портит время, остальные
Сотрутся. Но слова живые
Найду я. Ценен ваш совет,
Ведь я не знал, писать иль нет.

Я против ветра плыть решиться
Обязан так, чтобы вдовица
Письмом любовным разожглась
И подтвердила нашу связь
Хоть чем, пусть даже и насмешкой.
Да, я скажу себе: не мешкай,
Сэр Гудибрас, бери перо.
А вы, мэтр, настоящий про[561],
С меня мешочек. От поноса
Словесного страсть будет носа
Видней, расставлю я силки
Для милки, чтоб поймать-таки».
На этом сэр ретировался.
Придя домой, за дело взялся,
Собрал весь ум и сочинил
Эпистолу, в которой пыл
Продемонстрировал, такую.
Я привести её рискую.

Героическая эпистола Гудибраса его Леди

Я в битвах Цезарю, мадам,
Равнялся, и одной лишь вам
Славы моей было данó сор
Смести. Я Навуходоносор
Теперь, презренный всеми[562]. Льдин
Вы холодней, и я, один
Совсем, вам шлю письмо из ссылки
Своей в безвестность. Страсть мне жилки
Проела все, без ваших глаз
Мне жизнь не в жизнь. Прошу я вас
Прочесть письмо. В нём нету лживой
Ни строчки. Я склоняюсь ивой
К вашим ногам и вас молю
Решить навек судьбу мою.

Не отметайте так вот сразу
Моё посланье: в нём алмаза
Души моей скрыт уголёк.
Мадам, я знаю, что не смог
Вас покорить. Клянусь, однако,
Что вы мне драгоценней зрака
Или, как принято, ушей.
Коль лгу я, пусть мне их скорей
Отрежут. Знатностью своею
Я не бряцаю. Чернь умнее
Меня: коль провинится, то
Ложится вмиг под долото
Судьбы. Я тоже лёг: я порку
Себе устроил сам, и Орку[563]
Не снилось худшее битьё.
Честь пострадала, но моё
Осталось всё же чистым имя.
Не соревнуюсь я с другими,

Чтоб рядом с вами быть. Мой грех
Мне ясен. Пусть я хуже всех,
Но предан вам. Я знаю, впрочем,
Что невелик он. Чернь быть зодчим
Позора тщилась моего,
Но я всё ж сэр. Мне естество
Сие претит. Намного лучше
Кнута лежать при всех в падучей,
Как Цезарь, или камчугом[564]
Страдать, как многие, тайком.
Позорный столб для виноватых
Забыт, нет сожаленья в катах[565]
Невинным уши отрезать
Иль сечь до одури. Сказать
Хочу я этим, что лишь души
Невинные теряют уши,
А тот, кто накропал донос,
Куш получил за море слёз.
К тому я это, что меня вы
Лишили предыдущей славы
За рыцарство, ведь я один
Такой остался паладин,
Мне надо лишь ушей лишиться,
Чтоб вы могли возвеселиться.
Таков ваш план? И если да,
Я буду смирно ждать суда.
Для вас лишь я свои деянья
Вершил, чтоб покорить вас. Я не
Раскаиваюсь в них. За вас
Готов отдать был Гудибрас
Все органы свои, включая
Печёнку, сердце. Славы чая,
Он выделиться тем хотел
Из пестроты к вам льнущих тел.
Но ладно б только это – душу
Он заложил для вас. Нарушу
Я свой зарок молчать о том,

Поскольку наг я пред письмом.
Вы всё ведь знали, молчаливо
Одобрив суть сего порыва.
Но вместо воздаянья, брак
Имею я в виду, собак
Из ада на меня спустили.
Всё из-за глупой клятвы или
Не знаю, как её назвать,
Под черни бич для стада встать.
Но клятву понимать буквально
Нельзя. Её приносит шваль, но
Не исполняет никогда.
Быть знатью – это ведь беда:
Мы выполнять, мадам, готовы
Любое даденное слово,
Кроме абсурдного. Я дал
Его, когда вокруг подвал
Лишь тёмный был, и всё сгодится,
Чтоб выйти только из темницы.
Все клятвы клятвам рознь. Клинки
И закалённые таки
Сгибаются, но после с силой
Вдруг распрямляются двужилой.
Считайте, я такой клинок,
Что грань сломаться превозмог.
И так же клятвы наши: гнутся,
Но не ломаются. Минутца
Какая-то раздумий мне
Хлысту велела по спине
И заду, нет, не подставляться,
А клятву отложить. Оваций
За это я не ждал от вас,
Зато любовь свою упас
От ненависти к вам за данный
Правёж. Любовь была охраной
Мне от побоев. Не люби
Я сильно так, мои бои

Тяжёлые не увенчались
Победой бы. Любовь, анализ
Её мне говорит, суду
Не подлежит. И разве ту
Любовь, пылаю я которой,
Способен кто назвать притворой?
Да ни за что! В боях любой
Годится способ, чтобы свой
Триумф приблизить. Так же точно
В любви. Задействуем мы мочь, но,
Увы, успешны не всегда.
Порой должны пройти года,
Чтоб оправдались все усилья.
Так знайте же, что вы служили
Звездой мне путеводной. Страсть
Тот консервант, что держит часть
Души и тела в состоянье
Живом. А сколько всякой дряни
К нам липло б, если б не она!
Судьба ведь ей подчинена
И больше ничему. На небе
Одна любовь. Всем – от отребья
До знати – можно в рай попасть,
Коль на земле возвысить страсть
Физическую до небесной
Любви. В юдоли нашей тесной
Один простор – любовь. А там,
На небе, чувств порочных хлам
Отсутствует, и лишь глазами
Все изъясняются, кто сами
Отныне ангелы. Шестым
Живут там чувством. Разве с ним
Не лучше, чем с пятью другими,
Быть в браке, но и холостыми?
Гореть любовью, но при том
Не обжигать других огнём,
Как херувимы? Здесь мы любим,

Чтоб там предаться бóльшим глубям.
Грех существует для того,
Чтоб мы узнали, каково
Блаженство быть вдали от плоти.
Надеюсь, вы меня поймёте.
Коль прямо говорить, закон
На разуме стоит, лишён
Страстей, а деспотизм иначе —
Лишь страсть без разума[566]. В подаче
Такой закона смысл карать
Страсть воровать и убивать,
Но страсть любовная – другое:
Мы не преступники, изгои
Скорее, коль ответной нет;
Меняет страсть менталитет.
Из снисхожденья к страсти надо
Прощать страдальцев, а не яда
Им подсыпать. Мы разве крыс
Подобье, впав в любовный криз?
Нас презирать нельзя, мы жертвы.
Я знаю, пишете ответ вы
В уме, читая, но я наг
Пред вами, новобрачный как.
Я был солдатом, но лишь порох
Любви меня сломил и в порах
Остался, въевшись в плоть мою.
За это вы меня битью
Чуть не подвергли, как жестоко!
Потом, не дав мне даже срока,
Чтоб оправдаться, машкарат
Устроили из адских врат
И всё ж меня поколотили.
Кусок вы мыла подложили
Взамен седла мне, чтобы я
Расшибся, соскользнув с коня.
Моею бородой игреней
В тюрьме вы восхитились, пеней

Не услыхав, но тут же с грив
Её аналогом сравнив.
Меня побили ваши слуги —
Меня! Кого во всей округе
Чтут, – чтобы что? Унизить за
Любовь мою, хоть заглаза?

Вы ж умная с зубов молочных,
Скорей всего, но действий очных
Не признаёте. За спиной
Вершите замысел вы свой.
Коль это всё от неприязни,
Сказать должны вы вместо казни.
Я ж с вами к трюкам никаким
Не прибегаю, весь я зрим
Насквозь, а вы свои плетёте
Интриги – в день, но по щепоти
Мне перцу сыпете, куда б
Ни шёл я, ваш покорный раб.
Вы мне давали клятву замуж
Пойти, я хор – эпиталаму[567] ж
Кому-то надо петь – набрал
Уже из местных запевал.
Меня вы обвинили – клятвы,
Де, не сдержал я. На кой ляд вы
Тогда давали мне свою?
Всё баш на баш у вас. В бою
Вы как парфяне: удирая,
Те ранят больно. Видно, зря я
Вам верил. Женщины всегда
Обманывают, но нужда
Мужчинам в них, и терпим всё мы,
Хотя все трюки нам знакомы.
Румянец в палец толщиной
Они кладут, а пудры слой
Как знамя белое: сдаёмся,
Мол, вам. Раскраске мы клянёмся

В любви – не лицам. Сей реликт
От предков: был раскрашен пикт[568].
Косметикой покрывши лики,
Больше они, чем Карл Великий,
Мужей завоевали. Плюс,
На платье вырез наш конфуз
Усилил только. Покоряя,
Они ведут не к двери рая,
А прямо в ад: там мук таких
Нет, ка́к неразделённый вспых.
Им главное расширить список
Поклонников. От одалисок
До леди все они хотят
Брать, ничего притом назад
Не отдавая в смысле чувства.
Мужчины от сего искусства,
Будь даже бравый то солдат,
Сжимают зубы и молчат.
Любая из их уст команда
Закон и, как скоту дуранда[569],
Нам лакома, неважно что
Они потребуют: манто
Иль жизнь. Так я, мадам, был вами
Сражён, затоплен, как цунами,
Я стал рабом, но никогда
Не жаловался. Борода
Моя зарок, что вам не лгу я.
А то, что сделали вы, чуя
Мою к вам слабость, дурно, ведь
Вы свергли в ад меня – гореть.
Я с поркой не горжусь поступком,
Я мог пойти. Но коль уж ступкам
Дано над замком ведьмовским
Торжествовать, то, видно, им
Секуция моя от сброда
Была противна. Так я сходу
Могу отказ свой объяснить.

Коль нас не связывает нить,
Оправдываться мне нет смысла.
Тьма надо мной и так нависла,
Когда чёрт в вашем доме роль
Играл духовника. Позволь
Тогда ему я все секреты
Души узнать, то, разодеты
Чертями, ваши слуги вновь
Мне б дали палок. Я любовь
Свою храню от прикасанья
К ней пальцев всякой адской рвани,
Сказать я правду ей не мог,
Чтоб не попасться на крючок,
Ведь я считал их всех чертями.
Непонятым я буду вами,
Конечно. Коль вы не грешны,
Бросайте камень[570]. Сатаны
Я не боюсь, однако сила
Нечистая меня сломила:
Я в обморок упал. Какой,
Скажите, рыцарь, чтоб рукой
Своей разбить оковы дамы,
Шёл в квесте этом только прямо,
Не попадая то в капкан,
То становясь в тупик от ран?
Казалось чтó потерей чести
Его, вдруг устранялось вместе
С победою в конце пути,
Ведь так? Важней всего дойти.

Без женщин Рим был пуст – подранок
И только. Выкрасть сабинянок
Пришлось ему, насильем взять
Их всех, чтоб смог он процветать.
Никто не говорил, что надо
Галантным быть, что лишь досада
Знай в женщинах растёт, когда

Берут их силой без стыда.
Как скот, себя вели мужчины,
Кололись наждаком щетины,
Целуя в губы; меж колен
Им лезли, забирая в плен;
Похлопывали их по ляжкам
И заду в преступленье тяжком
И спаривались, не блюдя
Приличий. Ромул за вождя
Им был в тот день и даже знаков
Не подавал законных браков.
Юристов не было тогда,
Чтоб жалобу подать. Тверда
Была их воля женским чарам
Сопротивляться. Так угаром
Мужским из грязи Рим возник.
Ни танцев томных, ни язык
Глотающих свой ухажёров, —
Лишь мрачный и ядрёный норов.
Но допускаю я, что страсть
Всё ж обсуждалась ими. Всласть
Насытившись, они приватно
О ней шептались с жертвой статной.
Но в браке страсть всё ж меньше той
Животной, бешеной, крутой;
Любовникам до брака надо
Хотя б полгода, чтоб от глада
Избавиться, и чтобы стать
Вполне цивильными опять.
Поэтому и сабинянки,
Еленя страсть познав и ланки,
Собой явили лучший тип
Супружниц после. Кур в ощип
Попавший – это про измены
Теперь, в эпохе современной.

Все Евы созданы для нужд

Адамов. Взгляд хоть этот чужд
Вам персонально, но в Писанье
Другого нету толкованья.
А, стало быть, лишь у мужчин
Своих есть выбор половин,
А женщины, хоть дан им разум,
Не могут отвечать отказом.
Коль так, амурные дела
Не для того, чтоб спрохвала[571]
К ним относиться, а чтоб мчаться
В объятья, подавив прохладцу.
А дальше уж решает Бог,
Хорош ли сей союз иль плох.
Вас выбирают. Если много
Таких желающих, то Богу
Предоставляется решать,
С кем вам из них идти в кровать.
Мужчины лорды, а иначе
Мир вымер бы без жён раздачи,
Поскольку вы кривите нос,
Когда на вас завышен спрос.
Я повторюсь, стоит мужчина
Над женщиной, его из глины
Бог вылепил, а вы ребро
Его, как это ни старо.
И отрицать сие – природу
Перевирать себе в угоду.
Мужчина, выше стоя, знать
Обязан, чем жену занять,
Дабы она не заскучала,
Как милым быть, чтоб только жало
Не отросло в ней. Жизнь его
Шлифует в этом мастерство.
Дабы жена не провинилась
В измене, надо, чтоб трудилась
Она, не покладая рук.
Конечно, в мире много сук

И кобелей, и нужно чудо
Гармонии в семье, чтоб блуда
Избегнуть. Но отвлёкся я
От темы клятвы и битья.

Вы так прекрасны, что желанье
Быть с вами жжёт моё посланье.
Простите, темперамент мой
Порою верх над головой
Берёт: я не могу сдержаться,
Чтоб вами здесь не восхищаться.
Коль я чего не так сказал,
Простите. Вы мой идеал,
И вам все прочие красотки,
Нет, не годятся и в подмётки.
Готов, мадам, я ради вас
От неба отказаться, да-с.
Я раб ваш, вам душа и тело
Принадлежат, хоть их изъело
Желание изрядно. Коль
Всё дело в порке, я на боль
Её согласен. Лишь скажите,
И я жнецов, застрявших в жите,
И пастухов всех созову,
Чтоб высекли меня. Живу
Я лишь для вас. Оставят жатву
Они, а я исполню клятву.
Быть может, это даст мне шанс
На свадебный наш контрданс.
Короче, всё зависит ныне
От вас и вашей благостыни.

Три раза сэр перечитал
Письмо: в нём было всё – оскал
Животной страсти и смиренье.
Вдову теперь он держит в жмене,
Решил наш сэр. В письме видна

Была и сердца глубина,
И ум недюжинный. Вдовице
Осталось только покориться.
Он расписался и печать
Свою поставил. Прочитать
Его лишь оставалось. Сквайру
Доверил он письмо, чтоб сайру
Свою поймать в конце концов;
Тот лучшим был из всех гонцов.
Сказал сэр Ральфо выраженье
Её лица во время чтенья
Как можно лучше проследить.
Умчался тот письмо вручить.

Вдова его хотела тотчас
Порвать, но, чуть сосредоточась,
Решила всё-таки прочесть,
В душе своей лелея месть.
Эпистола ей развлеченье
Доставила. Теперь леченье
Ей страсти предстояло. Взяв
Перо, свидетелем был Раф,
Она своё в ответ посланье
Придумала. Вот содержанье.

Ответ Леди на эпистолу Сэра

То, что едите вы траву,
Как вол, на пользу[572]. Мне молву
Не надо слушать, чтоб про это
Узнать. Вас чуть ужмёт диета,
Надеюсь, сэр. Что до побед,
Сэр, ваших, это сущий бред:
Ваш меч сумела выбить звонко
Валькирия иль амазонка
Из ваших рук и встать на вас,
Как на помост. Ваш, сэр, каркас
Попрала девушка стопою
Пред всею местною толпою.
Что ж, браво Трулле. Вас в тюрьму
Подвала ввергли потому,
Что победили вас, вы были
В ней кротки, словно труп в могиле.
Когда бы я вас не спасла,
Сидели б в ней вы до числа
Своей кончины без воды и
Еды, и света. Вас святые
Проигнорировали в сей
Беде, что въелась, как репей.
Едва вы вышли на свободу,
Как слово данное вы сходу
Забыли, но должна же знать
Хотя бы клятвы исполнять.
Вы можете сто оправданий
Придумать, чтоб снискать свиданий
Со мною, и в последний раз
О порке лживым был рассказ.
Клялись вы снова, то есть дважды
Клялись огульно. Вашей жажды
Меня я утолить, увы,

Не в состоянье: *лжёте* вы.
Склоняйтесь сколько вам угодно
К моим ногам, пройдёт не год, но,
Наверно, вечность прежде, чем
Я вам хотя б словцо повем.
Дрожите за свои вы уши,
Поскольку врун вы. Малодушье
Такое свойственно врунам.
Я в суд на вас, сэр, не подам,
Живите, как и жили. Титул
Мне ваш не нужен, хоть капитул[573]
Весь соберись, чтоб бичевать
Меня словесно. Предлагать
Мне душу с телом, сэр, не надо,
Напрасна ваша вся тирада.
Мой пол в мужчинах знает толк,
Любой из вас, по сути, волк,
Мечтающий задрать ягнёнка.
В себя порой влюбляя тонко,
Вы обладать хотите всем,
Вот смысл всех ваших стратегем.
Ухаживанья ваши, сдаться
Так может, форма декламаций.
Вы попрошайки, кто хотят
Подачки, а потом грозят,
Коль в таковой им вдруг откажут,
И грязью наши спины мажут.
Любви вы требуете, как
Берёте крепость, белый флаг
Вам подавай, причём со всеми
Владеньями. По этой теме
Отдельный нужен разговор,
Ибо мужчина каждый – вор.

Вы бижутерию нам шлёте
Брильянтов вместо. Не в почёте
У вас природные власы.

Не индианки мы, в носы
Втыкающие что попало.
Сравнений нам, простите, мало:
Гранатом цвет зовёте губ,
А нам гранат на пальце люб;
Вы перлами зовёте зубы,
Нам же они на шее любы.
Вы навязали парики
Нам всем, теперь и старики,
И молодухи – все похожи.
Прикосновение не к коже
Вас привлекает, а к замкам
Тех сундуков, где деньги дам
Хранятся. Я уже по тону
Могу понять, кто больше к звону
Их склонен, нежели ко мне.
Сэр, мне понятен пыл вполне:
Вы небогаты, я же денег
И не считаю. Весь ваш денник[574] —
Один лишь конь, ну а в моём —
Их двадцать. Ясен мне приём
Ваш, сэр, заманивать. Я дале
Скажу: вы не на ту напали.
Вы не получите ни стад,
Ни плоти. Каждый был бы рад
Аж тыще годовых, но дело
Всё в том, что я, сэр, овдовела
Довольно рано и вошла
Во вкус безмужнего тягла.

Вы мне не пели серенады
И на балы, и маскарады
Не приглашали. Что же вы
Тогда хотите от вдовы?
Страданья ваши все впустую,
А я страдать не обязую;
Я не желаю в третий раз

Пустой обет принять от вас,
К тому же в церкви. Ваше слово
Не знает ничего святого.
Коль вам так хочется любить,
Любите. Мне не прекратить
Того, что свыше нам даётся.
Не сбавить скорость иноходца,
Что врождена ему. Любовь,
Однако, в своё сердце вновь
Я не впущу, хоть в глаз порою
Она вползает. Я не скрою,
Что много раз любила, но
Любовь проходит всё равно.

Она, когда вдруг есть, сравнима
Со златом и камнями. Схима
Монашеская, говорят,
Любовь к Творцу блюдёт, как клад.
Отсюда женщины на теле
Их носят. Всем нам надоели
Эпитеты и прочий хлам.
Блестящее дарите нам
В знак страсти, и мы вам ответим
Взаимностью, пленившись этим.
А нет, то нету и любви,
Чем вы нас только ни зови.

Как цацки детям, нам брильянты,
Иль словно судну мачты – ванты.
Чтоб выйти замуж, надо знать
Про деньги жениха, про кладь,
Если он к вам переезжает.
Женитьба же в себя включает
Приданое, и сколько в нём
Знать нужно, весь объём причём.
Как говорится, деньги к деньгам.
На свадьбе будет длиться день гам,

Потом разъедется народ,
Тогда начнётся денег счёт.
Пускай ваш муж урод, но сжиться
С ним посоветует кошница,
Поскольку только деньги власть
Дают нам, с ними не пропасть;
Они и красоту вам купят,
И всех врагов уконтрапупят[575].
Любовью заниматься, чтоб
Детей родить, вот брака кноп[576];
Потом женить их; брак, по сути,
Та ж проституция; хоть будьте
Вы всех богаче, но детей
Продать вам важно половчей.
Вот, сэр, и вся природа брака:
Прибавок денег. Мне, однако,
Хватает, а дрессировать
Кого-то, чтоб, как сеттер, знать
Он трюки мог, мне просто скучно.
Со мною брак кому-то куш, но
Мужчины либо предают
Обеты, либо, брачных пут
Отведав, ползают на брюхе.
Короче, все мужчины рюхи[577]
Иль подлецы. Так говорит
Мне жизнь. Мужчина – ипокрит[578],
Двуличен от природы пол их.
Так много шляп широкополых,
Чтоб лица лживые скрывать.
Дурное сделав, он признать
Проступка никогда не хочет,
А только голову морочит.
Но воры, отсидев своё,
Не тырят больше. А ворьё
В лице мужей не знает даже
Раскаянья. Уносит кражи
Оно в могилу, духовник

Ко лжи мужчин давно привык.
Мужчины редко сознаются
В грехе, хоть тот весь, как на блюдце.
Клянутся лихо, де, ни в чём
Не виноваты. Палачом
Отрезанные уши мало
Смущают их. Позор, опала
Не действуют. Как прежде, врут,
Легко забыв про Страшный суд.
Клянутся на Святом Писанье
Причём или на каждой ране
Христа, целуя ветхий том.
Всё это, чтоб сказать потом,
Де, выше женщин вся их братья,
Де, им вся власть, а нам объятья.
И чем назвать такой подход
Как не тиранством? От господ
Подобных ломится планета.
Хоть в женщинах тиранства нету,
Они способны весь ваш пол
Заставить егозить. Орёл
Такой, как Соломон, заправский,
И тот перед царицей Савской
Вилял хвостом, как спаниель.
Нам главное решить, в чём цель —
Унизить вас иль утвердиться,
А это тонкая граница.
Повелевать нетрудно нам,
Пока сродни вы кобелям;
Вас искусить легко, орудье —
Чуть ножку показать иль груди;
Вас это всех сбивает с ног,
И всё, заглочен наш крючок.
Нет стойких среди вас, вы сами
В ловушку рвётесь; ваше пламя
До тех лишь пор, пока весь трут
Не прогорит иль не дадут

Вам столь искомого. Короче,
Мы явно выше вас. Охочи
Пока до нас вы, не бывать
Другому. Всё вершит кровать.
Заполучить чтоб ваши души,
Мы носим серьги, банты, рюши;
Кладём косметику, как вы
Сказали, слаще пахлавы
Для ваших глаз; стекляшки вместо
Брильянтов носим, чтоб фиеста
Была всегда для вас, коль уж
На брюлики скупится муж.
Искусство наше совершенно,
Нам дом – театр, а бал как сцена.
Хлебнули, ох, немало мук,
Мы в постиженье сих наук,
Но, раз один их все усвоив,
Рабов мы деем из героев.
Перфекция, как небо, здесь
Недостижима, но мы весь
Ресурс свой, все свои красоты
Используем, как пчёлы соты,
Для накопленья наших прав.
Из ничего красу создав,
Мы обгоняем тем природу.
А вы слагаете нам оду
Как розам в утренней росе.
Без садоводства зёрна все
Растений вмиг бы стали сорго.
Заходитесь вы от восторга,
Не зная, что искусство лишь
Способно превратить пастиш[579]
В оригинал высокой кисти.
Роз красят их большие листья,
Шипы, однако, берегут,
И мы все преуспели тут.
Мир без искусства б превратился

В пустырь и в сорных травах скрылся,
А люди были б как скоты.
Свои обычные черты
Мы превращаем марафетом
В шедевры, не скатясь при этом
Ни в пошлость, ни в тщету. Адам
Съел фрукт от женщины, и к нам
Пришло познанье наслажденья
Физического. Стал он тенью
Прекрасной Евы. Коль она б
Не подала тот фрукт, масштаб
Наш никогда бы не развился,
А на двоих остановился.
Выходит, что мужчины нам
Обязаны тем, что их срам
Нашёл в природе примененье.
Где выбор ваш теперь? Решенье
Мы принимаем; стало быть,
И выбор наш. Вся ваша прыть —
Война и судопроизводство.
Стань нашей власть, и в мире скотства
Вмиг поубавилось бы, суд
Стал справедливым бы. Несут
Ответственность за зло мужчины.
Мы вас рожаем, пуповины
Лишаем, отпуская в мир,
Но мы лишь ваш ориентир.
Мы подчиняемся вам, чтобы
Взять власть. Нет в мире ни особы,
Которая была б от нас
Свободна, хоть бы напоказ.
Не афишируем мы власти,
Вид делая, что браки – счастье,
Что вы дороже нам себя,
Что мы смиряемся, любя.
Не лезем мы в дела мужские,
Но правим ими. Так морские

Суда подвластны рулевым.
Штурвальный редко в центре зрим
Боёв, бунтóв и абордажей.
Он не шумит, но он на страже
Всего большого корабля.
Когда кричат с высот: «Земля!» —
То это лишь его искусству
Благодаря. Шестое чувство
Руководит им, а не лишь
Компáс иль звёзды, так ведь? Мы ж
Все в вас вселяем впечатленье,
Что это вы залог движенья.
Мы, как пресвитер Иоанн[580],
Незримо правим: разных стран
Надеждой был он, все галдели
О нём, но никогда не зрели.
Ещё была, мужской наряд
Понтифика нося, обряд
Творя, папесса Иоанна:
Никто не распознал обмана,
И кардиналы все пред ней
Склонялись. А ещё ясней
Влиянье наше, если Жанну
Д’Арк вспомнить, кто из Орлеана
Попёрла англичан, броню
Надев мужскую. На корню
Они, папесса и девица,
Власть опровергли вашу. Мнится,
Таких примеров больше есть,
Но не хочу я в дебри лезть.
На самом деле все законы
Мы пишем, вы лишь эпигоны;
Решаем мы, хорош иль плох
Вам пост; карьеры вашей вздох
Обязан нам; у мира нету
Оружья против нас; совету
Внимает нашему любой.

Так кто главнее? Головой
Работаем мы. Церкви даже
Под нами: прихожанки в раже
Религиозном – их хребет.
У вас лишь из-за нас монет
Становится побольше, акций
Курс вверх идёт. Мы торговаться
Умеем много лучше вас.
Что продавать вам? На прикрас
Спрос наших изобилье вечно
Растёт с фатою подвенечной.
В публичных диспутах берём
Мы верх всегда, поводырём
Являясь вашим. В магистраты
Всех городков те, кто женаты
Ведь входят, – значит, наша власть
И там. Лишь стоит нам проклясть
Врагов своих, как те из дали
Ползут к нам на коленях. Стали
Посты все в государстве, пусть
Подспудно, нашими. Нам грусть
Неведома, лишь вы грустите.
Содержим в холе мы и сыти
Своих мужчин, без нас они
Все б разнуздались, как слепни.
Кто нас брюхатит, вы иль кто-то,
Решаем мы. Чьему помёту
Наследовать именье, мы
Постановляем. Хоть умы
И блекнут наши по сравненью
С философами, мы в уменье
Жить посрамляем всех их, сэр.
Мы открываем свой вольер
Частенько для французов или
Ирландцев, слуг вернее; были
И случаи, что их детей
Растили мы как богачей,

От вас зачатых. Но такое
Бывает лишь, когда плохое
Содружество являет брак.
Унизить трудно нас. Кулак
Вы поднимаете порою
В припадке яром домостроя,
Но мы за это так вам мстим,
Что вы не рады за прижим.
Так в пьесах нет карикатурней
Ролей, чем тип брутальных дурней.
Мы всё для вас. Осталось нам
Лишь обучиться чуть мечам,
И ваши функции сведутся
К нулям. Вы можете хоть дуться,
Хоть возмущаться, но и в том
Мы вас, конечно, превзойдём.
Пока ж вы режете гортани
За нас друг другу; смысла в брани
Другого, кроме женщин, нет;
Так поступает целый свет.
Мозги вы тужите, пытаясь
Решить задачи в сфере таинств,
А, значит, недоступных. Ваш
Любой прожект, словно паташ[581],
Ужасно медлен. Вы б хотели
Затмить нас, но вы еле-еле
Справляетесь и со своим.
Умом кичитесь вы большим,
Наш полагая воробьиным.
О, как желается мужчинам
Нас переплюнуть, но Бог дал
Им только вялый причиндал,
Что крепнет лишь при нас в наличье.
Чтоб утвердить своё величье,
Салический закон принять
Решили вы, при коем встать
Не вправе во главе мы дома[582].

Господство ваше всё ведомо
Лишь завистью. Что ж, шире пасть!
Вы узурпировали власть,
Поэтому она и ложна:
Быть лучше женщин невозможно.

Конец

Илья Кутик. Сэмюэл Батлер и его «Гудибрас»

Моя задача достаточна трудна – рассказать о поэте, о котором практически ничего не известно. Даже дата его рождения почти два века оставалась предметом дебатов: во-первых, нет сведений о том, когда именно он появился на свет; во-вторых, месяцем его крещения значится февраль 1612 года, из-за чего считалось, что Батлер родился тогда же, пока не выяснилось, что запись была сделана в 1613-м.

Отца его тоже звали Сэмюэлем, и был он мелким помещиком и церковным старостой. В семье насчитывалось шесть детей. Сэмюэла-младшего отдали в дом к сэру Уильяму Расселу, первому баронету Уитли, и он стал его клерком. Где именно Батлер учился – тоже предмет домыслов. Вроде, он закончил Королевскую школу в Вустере, основанную Генрихом VIII в 1541 году, что рядом со знаменитым Вустерским собором. Его дальнейшее образование вновь под вопросом. Похоже, он около шести лет ошивался в Кембридже (другие говорят, что в Оксфорде), но никаких доказательств его учёбы в этих университетах нет. Что же он тогда там делал? Существует мнение, будто он последовал туда за старшим братом и нахватался знаний через него. Но это опять-таки только догадки.

Так или иначе, автор «Гудибраса» был весьма образованным человеком. Что нам известно наверняка, так это то, что Батлер хотел стать художником. Но мечта не задалась: рисовал он плохо, и его рисунками затыкали оконные сквозняки. Он также изучал юриспруденцию, но собственной практики не открыл. В какой-то момент Батлер свёл знакомство с леди Элизабет Грей, графиней Кентской, а через неё подружился с делопроизводителем и юристом Джоном Селденом, который сильно повлиял не сочинения Батлера. После Реставрации 1660 года (возвращения короля на английский престол) он становится не то секретарём, не то дворецким Ричарда Воана, второго графа Карбери, известного роялиста и лорда-президента Уэльса, который периодически жил в своём замке в Ладлоу, на границе Уэльса и Англии. Батлер надзирал за реставрацией замка и как раз там писал «Гудибраса». Начал он поэму в 1658 году в

Лондоне, а продолжил в Ладлоу. Первая часть вышла в свет в 1662-м, когда Батлеру было под пятьдесят. Она сразу стала бестселлером. Вторая и третья части были опубликованы в 1664-м и 1678 годах, соответственно.

Батлер, безусловно, прославился; строки из «Гудибраса» ходили при дворе, и Карл II вроде бы пожаловал ему триста гиней или фунтов, но за этим не последовало никаких должностей. Правда, король дал автору стипендию – сто фунтов годовых, на которую тот и жил. Впрочем, не совсем так. Батлер женился на женщине с достатком, и они жили на её деньги, но в какой-то момент средства кончились – супруги плохо ими распоряжались, потому финансово Батлеры были весьма стеснены. В 1680 году он заразился туберкулёзом и вскоре умер. Его похоронили на кладбище церкви Святого Павла в Ковент-Гардене на деньги поклонников, хотя на момент смерти он и не был в долгах. В 1732 году Батлеру поставили бюст в Вестминстерском аббатстве. По этому поводу была написана следующая эпитафия. Вот она в моём переложении:

Несчастный Батлер, когда жил, нечасто
От пуза ел и рано склеил ласты.
Голодным умер он – живот был пуст,
Потом ему воздвигли этот бюст.
Поэт, которого жёг высший пламень,
Просил о хлебе, а достался камень.

Довольно архетипическая судьба поэта. Однако его творению досталась редкостная слава: оно стало классикой английской литературы, переиздаваясь уже триста с лишним лет. Чем же так привлёк читателей «Гудибрас»?

Это ироикомический эпос. А эпические произведения пишутся в Англии героическим стихом – пятистопным ямбом. Ещё Джон Драйден сетовал, что Батлер использовал четырёхстопный ямб вместо пятистопного. Он по-английски однообразен, монотонен, считал Драйден. Но в том-то и дело, что четырёхстопным ямбом длинных поэм не писали, а «Гудибрас» больше одиннадцати тысяч строк. Это было абсолютно новым тогда.

Чтобы как-то оживить монотонность английского четырёхстопника, Батлер прибегнул к рифмовке, которая прежде в таком количестве в британской литературе не встречалась: большинство его рифм составные (по-английски они называются «двойными»), а значительная их часть – ещё и каламбурные. Автор делает это виртуозно. Да и вообще, словарь его на редкость богат. Без этой находки Батлера многого в английской поэзии не было бы, «Дон Жуана» Байрона (1819), например, который откровенно наследует «Гудибрасу».

Каламбурно зарифмованный четырёхстопник (а все рифмы в поэме параллельные) производил ошеломляющее впечатления – создавал «нарастающее изумление», о котором в своём очерке, посвящённом Батлеру, писал ещё великий критик XVIII века Сэмюэл Джонсон.

Русское же ухо к четырёхстопному ямбу давно привыкло, поскольку им написано огромное количество нашей классики, да и одного «Евгения Онегина» (1833) бы хватило. Потому создать с его помощью то же впечатление, которое создаёт «Гудибрас» по-английски, по-русски уже невозможно. Что же до каламбурных рифм, мне удалось это кое-где, но не в таком количестве, как в оригинале.

Составные рифмы, мастером которых у нас в XX веке был Хлебников, писавший с ними целые поэмы, неизбежно перетягивали бы XVII столетие в модернизм и выглядели бы анахронизмом, хотя, повторю, я кое-где на это пошёл. В настоящей книге опубликован первый перевод-переложение «Гудибраса» на русский язык, и, смею надеяться, мне удалось передать живость оригинала.

Почему же у нас не переводили «Гудибраса» прежде, если на всех основных европейских языках он давно опубликован? Дело в том, что русская поэзия расцвела в пору романтизма, а тогда кумиры были совсем другими. Русские классицисты сочиняли ироикомические произведения, но предпочитали античные сюжеты. Романтики перелагали классицистов, но выбирали у них те поэмы, в которых речь шла о сильных чувствах. Так Жуковский переводил Поупа и Драйдена, но первого редактировал. Романтики же не переложили на русский язык даже «Дон Жуана» Байрона, не то, что Батлера. Поэму Байрона только в 1860-е годы перевёл Дмитрий Минаев – тот, кто написал

«Даже к финским скалам бурым / Обращаюсь с каламбуром». У Байрона, вслед за Батлером, было много каламбурных рифм.

Потом настала пора реализма, и было не до чужих классиков XVII столетия. В советский же период, когда переводили, казалось бы, всё, целый пласт английской литературы остался нетронутым. В особенности тот, что касался «буржуазной революции» – прогрессивной, по мнению марксистов – и дальнейшей Реставрации, которая была, по их же мнению, возвратом к регрессивному феодальному прошлому. Оливер Кромвель считался безусловным героем, и ничто, омрачающее его фигуру, не имело права звучать по-русски, тогда как вся поэма Батлера пропитана симпатиями к роялистам и презрением, пусть и снисходительным, к делам Кромвеля. Поэтому и оставался «Гудибрас» у нас не освоенным.

Обратимся к содержанию произведения. Английская критика сразу связала «Гудибраса» с «Дон Кихотом» Сервантеса (1605), перевод которого на язык Батлера вышел в 1612 году и стал первым переложением испанского романа на другие языки. Действительно, многое совпадает. Гудибрас (как Дон Кихот) и его оруженосец Раф-Ральфо (как Санчо Панса) путешествуют по стране, переживая нелепые приключения и соревнуясь в болтовне. Тот же Сэмюэл Джонсон находил недостатком поэмы то, что в ней слишком много разговоров и слишком мало действия. Хотя в XXI веке нам к диалогам в литературе не привыкать, их поводы и темы – разобщённость протестантских церквей и их положение в республиканской Англии накануне Реставрации – вряд ли можно назвать близкими нам. Тем не менее «Гудибрас» затягивает и читается с неослабевающим интересом.

Необходимо прояснить некоторые детали. В основе поэмы лежит раскол пресвитерианцев и индепендентов. Кто они такие? К моменту событий, описанных у Батлера, в Англии насчитывалось около двухсот протестантских сект. Из них основными были названные две. Пресвитерианцы – умеренные пуритане кальвинистского толка, фактически воспротивившиеся англиканской церкви, находя её слишком «папистской». До начала гражданской войны в Англии (1639–1649) их преследовали, но постепенно они захватили власть в парламенте, и Карл I был вынужден пойти на уступки. Впоследствии, уже во время гражданской войны, шаг за шагом их вытеснили

индепенденты, во главе которых стоял Оливер Кромвель. Эти не признавали никакой церковной иерархии, считая пресвитерианцев пособниками монархии и полагая, что те лишь заменили тиранию англиканских прелатов своей. Индепенденты победили в парламенте, вытеснив пресвитерианцев с их мест и возглавив армию. После казни Карла I в 1649 году и образования протектората страной управлял Кромвель, разогнавший лишних преторианцев в правительстве, хоть те и сражались на стороне парламента во время гражданской войны. Замечу, что в Советском Союзе период гражданской войны было принято называть английской революцией.

Сэр Гудибрас, получивший рыцарство за героизм в междоусобной бойне (за что именно, не сказано) – пресвитерианец, а Ральфо – индепендент. Так что их ораторское противостояние не всегда зависит от темперамента, оно ещё и политическое. Политике целиком посвящена одна из песен поэмы, несколько проигрывающая остальным разговорам в занимательности, однако, замечу, не в живости повествования.

Гудибрас и Раф дружат, но они – политические противники. В 1658 году Оливер Кромвель умер, власть унаследовал его сын Ричард, но продержался только восемь месяцев. В этот промежуток и происходит действие поэмы. В стране разброд. На этом фоне рыцарские приключения Гудибраса и Ральфо выглядят действительно смехотворными.

В первой части Гудибрас и Ральфо противостоят травле медведя собаками. Это самая эпическая из частей: действие постепенно замедляется, согласно Гомеру и Вергилию. Идёт длинный каталог «представителей народа», замешанных в травле, и даже некоторых псов. Потом сама схватка, откровенная пародия на античные образцы. Герои дерутся не на жизнь, а на смерть. Первую половину «битвы» выигрывают главные герои, но во второй удачливый Гудибрас терпит поражение от руки женщины Труллы. Некоторые критики называли её местной проституткой, но впрямую у Батлера ничего такого нет. Главное, она задаёт откровенно проженский пафос поэмы: женские персонажи в ней расторопнее и умнее мужчин, а также гораздо свободнее от условностей своего времени. Трулла запирает Гудибраса и Ральфо в тюрьму, а освобождает обоих прекрасная вдова без имени,

в которую влюблён Гудибрас и на которой мечтает жениться. Она – третий центральный герой поэмы.

Во второй части она освобождает Гудибраса под обет явиться на порку у позорного столба от местных жителей, после которой обещает ему подумать на предмет их брака. Сэр на порку не является, философски – в разговоре с Рафом – обосновывая нарушение обета и решив солгать вдове. Оказывается, что Гудибраса привлекают не только женские прелести, но и солидное состояние вдовы, хотя и он сам не беден, как мы узнаем впоследствии, но и не то, чтобы особенно богат.

Когда появилась первая часть поэмы, некий аноним быстро состряпал и опубликовал её продолжение – настолько «Гудибрас» был популярен! Батлер решил расправиться с нахалом весьма своеобразно: издательский конфликт он сделал темой той песни в следующей части, где Гудибрас посещает мага Сидрофела, ловя его на том, что тот выдаёт события, описанные в имитационном томе, за действительные. Астролог Сидрофел должен быть схвачен за воровство своего сообщника у неавторизованного Гудибраса. Это очень остроумный выход из положения!

Поведение сэра у Сидрофела, в общем, достаточно противоречивое. С одной стороны, он жаждет узнать свою судьбу, с другой, по прибытии сразу вступает в пререкания по поводу астрологии как таковой. Спор этот занимает половину песни и заканчивается потасовкой, из которой Гудибрас выходит победителем. Вторая часть венчается эпистолой главного героя Сидрофелу, которая была добавлена в поздние издания эпоса и имеет очень мало общего с развитием действия поэмы. Она носит целиком сатирический характер и направлена против Королевского Научного Общества Лондона, основанного Карлом II в 1662 году.

Третья часть «Гудибраса» открывается изменой Рафа и маскарадом вдовы с его участием, чтобы напугать сэра. Первая песнь преимущественно посвящена разговору вдовы с главным героем. Гудибрас врёт, будто его выпороли, тогда как вдова знает всю правду от Рафа. Она отрицает брак, сэр же изо всех сил его защищает. Заканчивается маскарад обмороком Гудибраса и его побегом из дома вдовы, обеспеченным Рафом. Далее идёт песнь, про которую я уже упоминал – о состоянии церквей и о разброде в стране. Последняя

песнь посвящена выяснению отношений между Гудибрасом и Рафом: сэр заподозрил оруженосца в участии в маскараде, устроенном вдовой. В результате главный герой идёт к юристу, чтобы узнать, каковы его шансы на привлечение женщины к суду за нарушение клятвы вступить с ним в брак. Он пишет длинное жалобное письмо вдове, на которое она отвечает своим. На тот момент литература ещё не пришла к созданию эпистолярных романов, их время настанет только в XVIII столетии, а Батлер уже применяет этот приём, венчающий его поэму. Из двух эпистол письмо вдовы, безусловно, интереснее: оно полно примеров женского превосходства над мужчинами и заканчивается тем посылом, что «быть лучше женщин невозможно». Это последняя строка эпоса.

Начиная с Джонсона, принято считать, что Батлер свою поэму не закончил. Мы не знаем, состоялся ли суд, и кто его выиграл. Джонсон полагал, будто Батлер охладел к продолжению «Гудибраса». На самом же деле, «открытый конец» делает поэму многоплановой: все характеры обрисованы, а чем закончатся их действия и разглагольствования, каждый может домысливать по-своему. Но правда в том, что к «открытым финалам» литература XVII–XVIII веков ещё не привыкла. Батлер и здесь оказался по-своему революционен.

Помимо «Дон Кихота» в поэме проглядывает и другой источник – мениппова сатира. Этот жанр назван в честь греческого философа-киника. Сатиры Мениппа до нас не дошли, поэтому, какими они были, неизвестно. Мы знаем лишь, что философские рассуждения чередовались в них с высмеиванием всего сущего. Несмотря на отсутствие образца, жанр был обозначен так римским философом и писателем Марком Теренцием Варроном (116 до н. э. – 27 до н. э.), сочинившим около ста пятидесяти сатир. Эти тексты дошли во фрагментах.

Варрон смешивал латынь с греческим, стихи с прозой. Его произведения были сверхпопулярны, им подражали. «Сатирикон» Петрония (I век) написан с оглядкой на Варрона. Как читатель уже знает, Гудибрас в поэме тоже часто смешивает языки: английский с латынью и греческим. По мнению Батлера, так говорили строители Вавилонской башни, пока Бог не разделил их наречия. Знал Гудибрас и древнееврейский, хотя в поэме это не отразилось.

В 1594 году во Франции был опубликован том, озаглавленный «Мениппова сатира», куда вошли произведения разных авторов, направленные против Католической лиги герцога Гиза. Авторы выступали за прекращение религиозных войн и против католиков. Эта книга оказала большое влияние на политическую жизнь Франции и, как утверждали современники, расчистила Генриху IV Наваррскому путь к трону. Батлер её, безусловно, читал.

«Гудибрас» можно назвать самой длинной менипповой сатирой, что никак не перечёркивает своеобразия поэмы. Более того, сочинение Батлера оказалось настолько заразительным, что в Англии принялись усердно ему подражать. Четырёхстопный ямб стал отличительной чертой поэм Джонатана Свифта (1667–1745), я уже не говорю о прямых перепевах Батлера в английской поэзии. Более того, появился новый термин – «гудибрастики», подражательные эпосу Батлера стихи. Известный журналист Нед Уорд (1667–1731) даже перевёл (хотя и не очень успешно) «Дон Кихота» гудибрастиками. Батлеру подражал и такой крупный, оригинальный поэт как Мэтью Прайор (1664–1721). О Свифте я уже упомянул. Без «Гудибраса», как было сказано в самом начале, немыслим и байроновский «Дон Жуан»…

И ещё одно. В английском стихе нет чередования мужских и женских рифм, которое, по моему глубокому убеждению, абсолютно необходимо по-русски, если речь идёт о классической поэзии. Бóльшая часть английских рифм – мужские. Эту особенность Батлер нарушил с невиданным дотоль успехом: в «Гудибрасе» женские рифмы если не преобладают, то, по крайней мере, распространены не меньше. Это тоже производило сильное впечатление на читателей. Достичь сходного эффекта по-русски сейчас невозможно. Женские рифмы по-английски комичны, тогда как в русском поэтическом тексте они – обычное дело. Так или иначе, первый перевод «Гудибраса» перед тобой, читатель, и только тебе судить, насколько он занимателен.

---

notes

Примечания

1

Имя Гудибрас Батлер взял из поэмы Эдмунда Спенсера «Королева фей», где тот известен за свою силу, а не за дела. Рыцарь этот скорее глуп, нежели сколько-нибудь умён.

2

У пуритан была привычка руками оттопыривать уши на церковных службах, они считали, что так они лучше слышат. Пуритане носили короткие стрижки, что делало их уши особенно заметными. Таким было объяснение самого Батлера этих строк. Под «трубачом Завета» подразумевается, вероятно, Оливер Кромвель.

3

Cartel *(фр.)* – вызов на дуэль.

4

Мишель де Монтень говорил: «Когда мы с кошкой играем, ещё вопрос, кто с кем играет – я с ней или она со мной».

5

Великий афинский оратор Демосфен.

6

Тихо Браге (1546–1601) – великий датский астроном, астролог и алхимик; предвосхитил Кеплера, но был против системы Коперника, неправильно высчитав расстояние до звёзд; считал Землю неподвижной. Эрра Патер – не существовавший астролог, хотя книга его правил ходила среди профанов. Помимо Батлера, его упоминает драматург Уильям Конгив в комедии «Любовь за любовь» (1694).

7

Фома Аквинский (1225–1274) – великий итальянский теолог, получивший почётный титул «ангельского доктора».

8

Психиатрическая лечебница в Лондоне, открытая в XIV веке.

9

В эпоху Батлера многие верили, будто тевтонский язык самый старый, и что на нём говорили строители Вавилонской башни.

10

Существовала легенда, что музыку изобрёл Пифагор, услышав звуки молотка в кузнице.

11

Сладкий пирог с начинкой из молотых фруктов, специй и жира. Восходит к XIII веку, когда крестоносцы вернулись из Святой Земли с тамошними рецептами. Пирог содержит христианскую символику даров (сладости, корица, гвоздика, мускатный орех), которые преподнесли библейские волхвы. Подаётся к Рождеству; имеет продолговатую форму яслей Христа.

12

Огненно-рыжей.

13

Монахи-францисканцы, которых так называли из-за того, что они подпоясывались верёвками.

14

Талиакотием в других странах называли итальянца Гаспаре Тальякоцци (1545–1599), одного из первых пластических хирургов, разрабатывавших ринопластику. Он поправлял дворянству носы, покалеченные в дуэлях, пересаживая кожу с частей тела простолюдинов.

15

Мужская верхняя одежда, распространённая в Западной Европе в период с 1330-х по 1660-е годы.

16

Сэр Уолтер Рэли (1552–1618), великий путешественник, бретёр, поэт, фаворит Елизаветы I, говорил: «Быть ударенным мечом, это по-мужски, но быть ударенным палкой, это по-рабски». Дворяне были готовы к ранам, но не к тумакам или пощёчинам.

17

Король Генрих VIII осаждал Булонь лично в 1544 году. К тому времени он был очень толст.

18

Говорят, у Оливера Кромвеля была доля в пивном деле. Во всяком случае, его постоянно высмеивали за это.

19

Маленький пистолет с кремнёвым замком.

20

Светоний утверждал, что передние копыта у коня Цезаря напоминали человеческие пальцы ног. Таким был монумент ему возле храма Венеры в Риме.

21

Дидоне предложили землю, которую может покрыть шкура быка. Её она разрезала на полоски, получив 40 квадратных километров территории. У Вергилия: «Прибыли к месту они, где ныне громадные видишь / Стены и где поднимается новой Карфа́гены крепость, / Землю купив (что зовут по названью события Бирсой), – / Столько, сколько бычачьей шкурой могли опоясать» («Энеида», глава I, ст. 365–368, *пер. В. Брюсова*).

22

Обычный розыгрыш автора. Швецы, как правило, сидели на корточках, занимаясь своим делом. Монументы рыцарей в Святой Земле часто изображали их сидящими на корточках.

23

«Адом» у английских портных называлось то место в мастерской, где были свалены обрезки дорогих тканей, кружева и тому подобное. Здесь также аллюзия на спуск Энея в Аид.

24

Глупый огонь *(лат.)* – термин для блуждающих болотных огоньков.

25

Агриппа Неттесгеймский (1486–1535) – знаменитый немецкий мистик, автор трактата «О тайной философии» (1510).

26

Под «антропософом» имеется в виду Томас Воган (1622–1666), английский священник-мистик, автор трактата «Antroposophia Theomagica» (1650), где он описывает жизнь человека после смерти; Якоб Бёме (1575–1624) – саксонский теософ, христианский мистик.

27

Порфирий (232/233–304/306) – философ-неоплатоник, утверждавший, в частности, что язык птиц можно понимать, что он содержит предсказания.

28

Род попугаев.

29

Платон, согласно Аристотелю, утверждал, что есть числа сами по себе, как бывают случаи без причин. Пифагор считал, что всё чувствующее состоит из чисел.

30

Ставшее нарицательным имя греческого оратора и философа, отличавшегося язвительностью и мелочностью.

31

Джордж Уизер (1588–1667) – плодовитый пуританский поэт, современник Батлера, автор пространных эклог, одна из которых, в восьми песнях, посвящена лондонской чуме 1625 года. Он ещё раз будет упомянут в «Гудибрасе».

32

По всей видимости, имеется в виду город Брентфорд, что в 13 километрах к западу от Чаринг-Кросс. Сейчас часть «большого Лондона».

33

Складной стул из слоновьей кости, на котором в древнем Риме сидели государственные лица: консулы, преторы, эдилы и так далее. Изначально, трон римских царей.

34

Фаросский маяк в Александрии, одно из семи чудес света.

35

Насколько возможно *(лат.)*.

36

Конец *(лат.)*.

37

Нос нюхает *(лат.)*.

38

Более, чем достаточно *(лат.)*.

39

«Хуже змеиной с пёсьей…» *(лат.)*. Выражение обозначает «крайнюю тревогу». Пошло от строчки Горация. В древнем Риме за отцеубийство человека сажали в мешок вместе с собакой, змеёй и обезьяной, после чего бросали в воду. Выражение употребляется для констатации ужаса, например, перед головой Медузы, а также является обозначением ненависти к чему-то или к кому-то.

40

Травля медведя, беар-бейтинг. Слово состоит из двух греческих: «χύνω» («собака») и «αρκτος» («медведь»).

41

Мы бы хотели стереть *(лат.)*.

42

Обожествление, идолопоклонство.

43

В Библии бог филистимлян.

44

В то же время *(лат.)*.

45

По божественному закону *(лат.)*.

46

В стольких же словах *(лат.)*.

47

Подобие *(греч.)*.

48

Чудеса медлительности *(лат.)*.

49

То есть *(лат.)*.

50

Такого же типа *(лат.)*.

51

Род, класс *(лат.)*.

52

Оливер Кромвель собственноручно убил двух медведей во время беар-бейтинга.

53

Сэр Сэмюэл Люк был членом городского совета и часто пускался в разные приключения, включая разгон медвежьей травли.

54

Александр Росс (1590–1654) – шотландский писатель и переводчик, был капелланом Карла I; перевёл Коран с французского на английский (1649); отстаивал идеи Аристотеля и не признавал гелиоцентрической теории Коперника. Греческий философ и поэт Эмпедокл жил за 2100 лет до Росса, считал, что мир основывается на притяжении стихий и на их соперничестве.

55

Имеется в виду Эдвард Сеймур (1500–1552), кто при своём племяннике, юном короле Эдварде VI, снёс две церкви и три епископских дома, чтобы построить Сомерсет-хаус – здание, занимающее целый квартал между Стрэндом и Темзой в Лондоне.

56

Во времена Батлера, как и раньше, бобров убивали не только ради шкур, но и из-за их тестикул, в которых якобы было скрыто чудодейственное лекарство.

57

Вид пингвинов из рода антарктических.

58

Намёк на битву при Фарсале 9 августа 48 года до н. э., решающую в гражданской войне между Юлием Цезарем и Помпеем Великим, которую выиграл Цезарь.

59

Небольшие дульнозарядные пистолеты с одним или двумя стволами.

60

Скрипач.

61

Имя образовано от английского слова «crowd» – «толпа».

62

Тяжеловооружённый греческий пеший воин.

63

Горшок.

64

Траяно Боккалини (1556–1613) – итальянский сатирик, автор знаменитой книги «Новости с Парнаса» (1613), которую своими словами пересказывает Батлер. Принцы обращаются к Аполлону, поскольку тот придумал трубы и барабаны, которые пугают врага, чтобы тот дал им избавление от сорных трав. Аполлон предлагает грабли и мотыги. Во время гражданской войны пуританские власти были озабочены отсутствием изобретений и сулили награды за новые патенты. Одержимость патентами началась с Якова I (1566–1625). Все они должны были быть представлены королю и совету до своего утверждения генеральным прокурором. При Кромвеле достаточно было одобрения парламентского клерка.

65

Согласно драме Еврипида «Ион», прародитель ионийцев был зачат царицей Афин Креусой после изнасилованья её Аполлоном.

66

Любитель медведей, неологизм от греческого «αρκτος».

67

Орсин происходит от латинского «ursinus», что означает «медведеподобный».

68

Войны *(фр.)*.

69

В Древнем Риме вручали венок за спасение жизни другого римлянина.

70

Гай из Уорвика – популярный герой романсов (романов) XIII–XVII веков. Одним из его подвигов было убийство гигантской буланой коровы, истреблявшей округу.

71

Аякс, впав в безумие, истребил стадо овец, а Дон Кихот принял его же за двух великанов.

72

Роджер Бэкон (1220–1292) – францисканский монах, философ, учёный, алхимик. По легенде, он создал медно-бронзовую голову, которая говорила и знала будущее. Считается изобретателем пороха, как Бертольд Шварц.

73

Британский мушкетный пистолет.

74

Двухсторонний барабан с мембранами из телячьей или бараньей кожи диаметром полметра.

75

Настоящее имя Мэри Карлтон. Она была очень знаменита в начале 1670-х как авантюристка и воровка. В 1671 году её сослали на Ямайку, но Мэри оттуда сбежала. Её поймали в Лондоне и повесили в 1673-м. Все называли её «Английская Молл».

76

Наряду с реданами, военные полевые укрепления.

77

Легендарная царица амазонок, пришла на помощь троянцам после гибели Гектора и была убита Ахиллом, который влюбился в неё после смерти. Её деяния описаны греческим поэтом VIII века до н. э. Арктином Милетским в эпической поэме «Эфиопида».

78

В Риме только мужчины могли клясться Геркулесом, женщины клялись Кастором. Впрочем, тем и другим позволялось клясться его братом-близнецом Поллуксом.

79

Ездить, сидя на лошади боком, английских женщин научила в 1388 году королева Анна, супруга Ричарда II. Прежде женщины сидели в седле так же, как мужчины.

80

Армида – героиня поэмы Тассо «Освобождённый Иерусалим» (1581); Фалестрида – согласно легенде, последняя царица амазонок, встречавшаяся с Александром Македонским во время его похода в Азию.

81

Батлер вольно пересказывает незаконченную эпическую поэму сэра Уильяма Давенанта (1606–1668) «Гондиберт» (1651), поклонником которой он являлся, равно как и её автора.

82

Крылатые сандалии, как у бога Гермеса.

83

Это выражение принадлежит известному медику и барочному писателю Томасу Брауну (1605–1682), автору оккультного сочинения «Вероисповедание врачевателей» (1643).

84

Принадлежит *(лат.)*.

85

От греческого «οιστρος» – «овод» и «безумие».

86

Неистовый.

87

Древние греки считали, что убитые не могут попасть в Элизий, пока они не отомщены. До тех пор они вынуждены скитаться в виде приведений. Также имеется в виду битва при Раундвей-Даун, что произошла в этих местах в августе 1643 года, когда роялисты разбили армию пуритан.

88

Карл I приказал арестовать шестерых лордов, членов парламента, за предательскую связь с шотландцами. Палата общин проголосовала против, и король лично пришёл в парламент со стражей, чтобы арестовать «изменников». Они знали, что это произойдёт, и сбежали. Таков первый случай открытого противостояния короля и парламента, приведший к гражданской войне.

89

Екклесиаст у греков – оратор в народном собрании или проповедник в общине.

90

Прощай *(лат.)*.

91

Изо всех сил *(лат.)*, буквально – «паруса и вёсла».

92

То есть, а именно *(лат.)*.

93

Пуритане разослали письма семнадцати протестантским церквям с призывом объединиться, но те на них не ответили.

94

И так далее *(лат.)*. Речь идёт о клятве, которую давало пуританское духовенство: не давать согласия на присутствие в церкви архиепископов, епископов, архидьяконов et cetera.

95

Указанный факт *(лат.)*.

96

То есть святые пресвитериан (пуритан) и анабаптистов.

97

Пуритане назначали своих представителей от лица парламента в народ, чтобы те заботились о его интересах, и чтобы наказывать провинившихся штрафом или тюрьмой. С ними ассоциировался термин «комитет».

98

Коров.

99

«Дон Кихот», том II, глава II.

100

Английские диссентеры (независимая группа внутри протестантов) считали, что если человек не праведник или святой, то он недостоин владеть землёй, поскольку на него не распространяется Божья милость. Диссентеры полагали, что государство слишком вмешивается в дела церкви и образовывали свои; многие перебрались в Новый Свет.

101

Яства.

102

Далее следует пародия на типичный для того времени роман о заколдованном замке.

103

Вольный перевод смысла первых шести строк старинной английской баллады: «What if a day, or a month, or a year / Crown thy delights…»

104

Герой «Баллады о Чевийской охоте», сражавшийся, стоя на одном колене. Битва произошла в 1388 году на англо-шотландской границе. Британский лорд, охотясь, пересёк её с очень внушительной свитой, что шотландцы восприняли как нападение. Лишь 110 человек выжили.

105

«Бранный был ведом ей труд и с ветрами бег вперегонки. / В поле летела она по верхушкам злаков высоких, / Не приминая ногой стеблей и ломких колосьев…» («Энеида», глава IV, ст. 807–809, *пер. С. Ошерова*).

106

Имеется в виду Альбрехт I Австрийский (1255–1308), впоследствии – король Германии (с 1298 года). Однажды после битвы он снял шлем, и ему в голову угодило копьё, срезавшее ухо. Альбрехт был эрцгерцогом, когда Австрией правил его брат герцог Рудольф II (1270–1290); потом они правили ей вместе.

107

До XIX века в Англии отрезали уши за лжесвидетельство (отсюда «юристы») и клевету (отсюда «пасквили»).

108

Urbi et orbi *(лат.)* – «к городу [Риму] и миру».

109

Музыкальный щипковый инструмент, похожий на лютню, но с дополнительными басовыми струнами; был очень популярен в XVII веке.

110

Красавец Гилас был ближайшим другом Геркулеса. Во время похода аргонавтов он ушёл за водой и исчез. По легенде, его похитили нимфы и превратили в эхо. Геракл остался на берегу искать Гиласа.

111

Нянька, старуха.

112

Считалось, что яйца муравьёв – антидот от любви.

113

Смелый *(лат.)*.

114

Трусливый *(лат.)*.

115

Я счастлив *(лат.)*.

116

Часть знаменитого высказывания «quocunque trahunt fata sequamur» – «куда бы судьба ни направляла нас, пойдём за ней»: «Сын богини, пусть рок, куда захочет, влечёт нас, – / Что б ни случилось, судьбу побеждают любую терпеньем» («Энеида», глава V, ст. 709–710, *пер. С. Ошерова*).

117

Анабаптисты считали, что второе крещение необходимо, чтобы стать святым.

118

Оливер Кромвель запрещал своим солдатам стрелять издали; им предписывалось подпускать противника на максимально близкое расстояние, чтобы стрелять наверняка.

119

В лицо, перед собой *(фр.)*.

120

Кольчуга с капюшоном и рукавами, обычно длиной до коленей.

121

Вооружённый слуга, дружинник на службе у знатного человека.

122

Ради чести *(лат.)*.

123

Солнце садится *(лат.)*.

124

Король Ричард III (1452–1485) погиб в битве при Босворте, оставшись, по Шекспиру, без лошади.

125

Согласно теории гуморов (четырёх основных жидкостей организма), разлитие жёлтой жёлчи свойственно холерикам.

126

Ход лошади, при котором она переступает одновременно переднею и заднею ногами с одной и той же стороны.

127

Пришёл, увидел, победил *(лат.)*.

128

Побеждать *(лат.)*.

129

Погибнуть *(лат.)*.

130

Спасти гражданина *(лат.)*.

131

Из чего следует, что Ральфо был диссентером. Его собратья откололись от пуритан, когда те возглавили правительство.

132

Иначе – белозём. Вид почвы, характерный для северных хвойных лесов.

133

В XII–XV веках значительная часть Франции контролировалась Англией.

134

В собственном праве *(лат.).*

135

Два комплекта *(лат.)*.

136

Питейный дом.

137

Кукушка.

138

Имеется в виду пуританский синод из представителей местных церквей, против которого выступает диссентер Ральфо.

139

Даниил 7:5: «И вот ещё зверь, второй, похожий на медведя, стоял с одной стороны, и три клыка во рту у него, между зубами его; ему сказано так: „встань, ешь мяса много!“»

140

Пуританские суды очень часто занимались физиогномикой: если человек не нравился им внешне, он мог быть осуждён без вины.

141

Такие головные уборы носили диссентеры.

142

Серебряная монета в Англии, равная двум шиллингам.

143

Пуритане ходили в чёрных одеждах с белыми отложными воротниками.

144

Григорий VII (1020/1025–1085) стал папой в 1073 году, католический святой; умер в изгнании. Бонифаций VIII (ок. 1235–1303) стал папой в 1294 году; по слухам, покончил с собой. Последний папа, стремившийся поставить власть церкви выше светской. После него начался период «авиньонского пленения пап», находившихся под контролем Франции.

145

В «Откровении Иоанна Богослова» ангел ведёт его в пустыню, где тот «увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами» (Откр. 17:3).

146

Быт. 7:5: «Симеон и Левий братья, орудия жестокости мечи их».

147

Миряне – последователи христианства, активные члены церкви, но не принадлежащие ни к клирикам, ни к монашествующим.

148

Принц был прелатом Льежа, а не воцерковленные епископы существовали в Германии.

149

В Третьей книге Моисея (книга Левит) запрещается мешать в одной одежде шерсть со льном.

150

Спеши медленно *(лат.)*.

151

Метод Сократа («повивальное искусство»), предполагавший, что собеседник сам находит истину в результате последовательных вопросов.

152

Энтимема – аргумент, недостающие части которого подразумеваются очевидными.

153

Одинаковы *(лат.)*.

154

Животные *(лат.)*.

155

Преступник, освобождённый перед Пасхой Понтием Пилатом вместо Иисуса.

156

Отрицается *(лат.)*.

157

Ср. у Овидия в «Метаморфозах» (кн. 15, ст. 379–381): «… родясь, он первые дни еле-еле/ Жив, он лишь мяса кусок – но мать его лижет и членам/ Форму даёт, и малыш получает медвежью наружность» *(пер. С. Шервинского).*

158

Рукоположение в сан, право проповедовать, совершать таинства и обряды.

159

Древнегреческое чудовище, порождение Тифона и Ехидны, с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом в виде змеи.

160

На ту же самую тему *(лат.)*.

161

Рантеры – религиозная секта в Англии периода гражданской войны; знамениты своим буйством, не признавали никаких доктрин и откровений. Большинство её членов были простолюдинами.

162

«Акт о супрематии» – два законодательных документа, изданных в 1534-м и 1559 годах, закрепившие разрыв англиканской церкви с католической, а также давшие монарху верховные полномочия в первой из них.

163

1 Цар. 17:38: «И одел Саул Давида в свои одежды, и возложил на голову его медный шлем, и надел на него броню».

164

Просто несопоставимы *(лат.)*.

165

Во времена рыцарства дам учили элементарной хирургии, чтобы те могли оказать первую помощь.

166

Этим грешили и Вергилий, и Шекспир. Дидона, если существовали, то в другое время, чем Эней. У Шекспира герои переносятся из Франции в Англию за четверть часа.

167

Брёвна, очищенные от коры, но ещё не отёсанные.

168

Считалось, что хамелеоны живут в воздухе, где они питаются насекомыми.

169

Почти каждая партия в Англии издавала свою газету под названием «Меркурий».

170

Демокрита Абдерского (ок. 460 до н. э. – ок. 370 до н. э.) называли «смеющимся философом».

171

То есть *(лат.)*.

172

Раба в древнем Риме освобождал либо претор ударом специальной палки, которая называлась *vindicta*, либо бывший хозяин, ударом *alapa* – открытой ладонью – по лицу или голове.

173

«Верили, что Пирр может доставить облегчение страдающим болезнью селезёнки, стоит ему только принести в жертву белого петуха и его правой лапкой несколько раз легонько надавить на живот лежащего навзничь больного… Говорят ещё, что большой палец одной его ноги обладал сверхъестественными свойствами, так что, когда после его кончины всё тело сгорело на погребальном костре, этот палец был найден целым и невредимым» (Плутарх «Жизнеописание Пирра», III, *пер. С. Ошерова*). Гудибрас совместил два этих чудодейственных качества в одно.

174

Титул эфиопских царей. Дальнейшее почерпнуто Батлером из «Путешествий» француза Леблана.

175

Будущий знаменитый конь Александра Македонского боялся своей тени, из-за чего его не могли приручить, но Александр заметил это и повёл его так, чтобы тень не ложилась впереди.

176

Перифраз английской пословицы, что птицу можно поймать, если насыпать ей на хвост соли.

177

Римляне часто клали лампы в гробницы. Одна такая, в гробнице Туллии – дочери Цицерона – светила полторы тысячи лет, видимо, из-за спёртого воздуха.

178

Клянусь *(лат.)*.

179

Кошт – стоимость, цена.

180

Оливер Кромвель изгнал из палаты общин нескольких представителей за промискуитет.

181

Слова из 125 псалма, переведённого архидьяконом Робертом Уиздомом (ум. 1568), одним из закопёрщиков Реформации.

182

Пасифая, дочь Гелиоса и жена критского царя Миноса, влюбилась в белого быка, которого тому подарил Посейдон. Ей сделали полую корову, в которую она залезла, и бык познал её. От этого соитья родился Минотавр – получеловек, полубык.

183

Ср. у Овидия в «Науке любви» (I, 285): «Мирра любила отца не так, как дочери любят…» (*пер. М. Гаспарова*).

184

Великан, людоед и чудовище Какус – сын бога Вулкана (Гефеста), живший на Палатине (на месте будущего Рима) в пещере. Он ввёл в своё жилище быков и коров Геркулеса (Геракла), которых тот добыл у гиганта Гериона, за хвосты, чтобы это выглядело, будто те вышли из пещеры, а не вошли в неё. Геркулес услышал их мычанье, ворвался в пещеру и убил Какуса.

185

Альберт Великий (ок. 1200–1280) – немецкий философ, один из самых крупных богословов Средневековья. Написал также сочинение «О женских тайнах» (ок. 1260), почему Батлер и называет его «ваш», то есть «проженский».

186

Луной алхимики метили серебро, а солнцем – золото.

187

Золото – это власть *(лат.)*.

188

Оракул Зевса в Эпире возле деревни Додони, считался вторым после дельфийского.

189

Так поступали герои «Неистового Роланда» Ариосто и «Дон Кихота» Сервантеса.

190

Калька с английского «bull’s eye» – «бычий глаз» – что в русском языке эквивалентно «яблочку» мишени.

191

Легендарная вавилонская царица. Весь дальнейший рассказ – выдумка Батлера.

192

Камбей – княжество в Британской Индии на территории современного штата Гуджарат.

193

Царь Ксеркс приказал выпороть море, которое разрушило его мост перед сражением при Саламине.

194

Роса моря *(лат.)*.

195

В античной теории музыки под лидийским и фригийским ладами понимались определённые звукоряды, каждый из которых, по представлениям философов, оказывал разное влияние на душу. Лидийский лад ассоциировался с мягкостью, грацией и даже расслабленностью, а потому считался мало пригодным для воспитания граждан. Напротив, фригийский лад, по Аристотелю (в «Политике»), возбуждал душу, пробуждал страсть, героизм и пыл, и потому подходил для воодушевления. В современной музыке лидийский лад – мажор с повышенной четвёртой ступенью, фригийский – минор с пониженной второй.

196

Дульсинея Тобосская (настоящее имя – Альдонса Лоренсо) – крестьянка, «прекрасная дама» Дон Кихота.

197

Роман Жоржа де Скюдери (1601–1667) «Ибрагим, или Великий Паша» (1641), написанный совместно с его сестрой Мадлен де Скюдери (1607–1701). Возлюбленную Ибрагима Изабеллу, принцессу Монако, берут в плен для гарема султана. Ибрагим становится рабом, чтобы проникнуть во дворец, и после множества приключений делается великим визирем.

198

Роман Боккаччо (1313–1375) «Филоколо» о любви Флорио и Бьянкофьоре. Они разлучены – Флорио отправляется учиться, а Бьянкофьоре продают в рабство. Сюжет позаимствован из чрезвычайно популярного средневекового идиллического романа «Флуар и Бланшефлор». Филоколо – псевдоним Флорио, означающий «измученный любовью».

199

Случай, произошедший не в литературе, а в реальности: один из королевских судей, лорд Мансон, был выпорот своей пуританкой-женой и её служанками за неугодные ей политические взгляды.

200

Ян Баптист ван Гельмонт (1580–1644) – фламандский химик, врач и мистик; отвергал Аристотеля и Галена, ввёл в химию термин «газ». Томас Уайт (1593–1676) – английский католик, священник и учёный, большой полемист; отстаивал идеи Аристотеля. Мишель де Монтень (1533–1592) – французский писатель и философ эпохи Возрождения, автор «Опытов», заядлый полемист и парадоксалист; был мэром Бордо. Марк Туллий Цицерон (106 до н. э. – 43 до н. э.) – крупнейший римский политик, философ и оратор. Имеется в виду его сочинение «Парадоксы стоиков» (46 до н. э.), в котором Цицерон, ради полемики и восхищения в кругу друзей, поддерживает самые нелепые пункты стоической доктрины.

201

Следовательно *(лат.)*.

202

Цветочная пыльца, складываемая пчёлами в ячейки сот, залитая мёдом и используемая ими в качестве корма. Ударение в слове ставится на «а», но Батлер издевается.

203

Польза, выгода, преимущество *(лат.)*. Здесь: высшее добро, из которого происходит всё остальное.

204

В биографии Зенона Китийского (ок. 334 до н. э. – ок. 262 до н. э.), основателя стоицизма, Диоген Лаэртский пишет: «Рассуждения свои он излагал, прохаживаясь взад и вперёд по Расписной Стое…, потому что искал места малопосещаемого; а именно здесь при Тридцати тиранах было погублено почти 1400 граждан. Сюда стали приходить люди послушать его и за это были прозваны „стоиками“…» (кн. 7, секция 5, *пер. М. Гаспарова*).

205

Метафора позаимствована у Франсуа Рабле (1494–1553), который называл омаров (лобстеров) кардиналами.

206

Иезуиты славились своей тщательностью, что вызывало нарекания пуритан. Когда пуритане захватили парламент, роялисты обвиняли их в том же. Здесь: задаваться ненужными вопросами.

207

Пурпурные знамёна с изображением пламени, носившиеся в крестовых походах.

208

Когда армия парламента встретилась с армией роялистов, Карл I спросил повстанцев, собираются ли они придерживаться достигнутых соглашений, на что те сказали, что будут поступать так, как им скажет Святой Дух в ту минуту. Пуритане действовали, исходя из того, что им велит Святой Дух, и часто нарушали свои прежние обязательства. Кромвель лично говорил, что считает предателями тех, кто руководствуется своими собственными интересами, но, если так повелевает Святой Дух и необходимость, он всячески это приветствует.

209

Лорд Роберт Деверё, третий граф Эссекс (1591–1646), был одним из самых доблестных командующих времён Восьмидесятилетней войны (1566–1648), членом Тайного совета (1641) и в оппозиции к Карлу I; был назначен главнокомандующим армии парламента. Будучи сторонником компромисса с королём, Эссекс не хотел ни побед, ни поражений. После проигранной битвы при Корнуолле (сентябрь 1644) Кромвель сместил его с поста и сам встал во главе армии. Вскоре после этого Эссекс, пользуясь всеобщим почётом, умер.

210

Британские солдаты.

211

Кромвель торжественно поклялся парламенту после поражения роялистов, что распустит регулярную армию, но сначала пошлёт часть её на подавление бунта в Ирландии. Армия сама была на грани бунта. Кромвель заверил парламент, поклявшись благополучием своей семьи, что армия сложит оружие. При этом он отправился в расположение армии и поклялся военным, что полностью разделяет их настроения. С помощью армии он заставил парламент принять все его дальнейшие условия.

212

Квакеры или Религиозное общество друзей – ещё одно протестантское христианское движение, возникшее в Англии в ходе гражданской войны.

213

Присциан Цезарейский (конец V – начало VI) – великий римский грамматик, ему принадлежат «Грамматические наставления» по латыни в 18 томах. «Разбить голову Присциана» означало допустить ошибку в латинском языке.

214

Квакеры всегда ходили с покрытыми головами и отказывались снимать шляпы даже в суде.

215

Многие религиозные течения в Англии исходили из того, что верующие не могут согрешить, что бы они не делали. То, что для других – зло, им просто не может быть свойственно, поскольку не действие характеризует человека, а человек – действие. Если человек благ, то он никогда не может поступить плохо.

216

Ещё одно религиозное течение, образовавшееся в 1651 году, названное так по фамилии их основателя Лодовика Магглетона (1609–1698). Ниже в поэме описываются их постулаты. Секта существовала вплоть до 1979 года.

217

Имеется в виду иезуитский «Трактат против лжи и притворства» (ок. 1603), который, несмотря на название, призывал при необходимых обстоятельствах прибегать к хитрости.

218

Волей-неволей.

219

Так назывались клятвы, данные в помещении суда. Буквально: [клянусь] добродетелью офиса [занимаемого положения] *(лат.)*.

220

Полностью, до дна.

221

Ешь, пей, веселись *(лат.)*.

222

В Англии верховный суд появился впервые для вынесения приговора королю в 1649 году, но расширился за счёт своих приверженцев к 1658-му. Часто законы трактовались не так, как должны, а так, как придёт в голову судье, который в тот день занимал президиум.

223

Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего.

224

Жрицы, как потом ведьмы, лепили из воска фигурки нежелательных им людей и утыкали их булавками.

225

Прощай *(лат.)*.

226

Во времена Батлера лапландские (скандинавские) ведьмы продавали мореходам упакованный ветер, чтобы тот дул им в паруса.

227

Алхимическая колба (реторта) напоминает грушу, но только с очень удлинённым и причудливо изогнутым верхом.

228

Лорды не клялись Богом, а только своей честью.

229

Действительный случай. Ральфо упоминает Новый Свет, поскольку туда уехали многие диссентеры.

230

Имя придуманное, хоть случай реальный.

231

По собственному желанию *(лат.)*.

232

Плащ с колоколообразными рукавами.

233

Персонаж из баллад о Робин Гуде. Он же – весёлый сторож из Уэйкфилда, дравшийся с Робином, Скарлетом и Джоном: «Ногою в камень упёрся он, / Спиною – в корявый ствол, / И так он дрался против троих, / Покуда день не прошёл…» *(пер. В. Сергеевой).*

234

Движимое имущество *(лат.)*.

235

Епископ Лондона во времена Марии I («кровавой Мэри», 1516–1558), старшей сестры Елизаветы I, который собственноручно порол протестантов.

236

Рост Гудибраса, как мы знаем из его разговора со вдовой, был чуть выше пяти футов, то есть чуть больше полутора метров (в исчислении того времени).

237

От греческого слова «μόρος» – глупец в Библии, то есть ярко выраженный дебил на современном языке. Пререкания такого рода встречаются в «Дон Кихоте», где главный герой поносит Санчо Пансу на разные лады.

238

Такая процессия в XVII веке называлась «шаривари» – повторная свадьба вдовца или вдовицы, предполагавшая весёлое шествие.

239

Знаменосец в римской армии.

240

Любовник императора Нерона, которого он наряжал в женское платье.

241

Женщина, якобы занимавшая папский трон под именем Иоанна VIII между папами Львом IV (ум. в 855 году) и Бенедиктом III (ум. в 858 году). В принятом ныне списке римских пап Иоанн VIII правил в 872–882 годах.

242

Помни о смерти *(лат.)*.

243

Яйца несли во время мистерий Диониса и Деметры.

244

Опять намёк на Спора, на котором император Нерон даже женился. Во времена Батлера считалось, что кролики и зайцы меняют пол за время своей жизни.

245

Церемония совершалась на праздник Вознесения: венецианский дож бросал в море обручальное кольцо. Церемония «обручения с морем» совершалась с 1000 года.

246

Здесь святыми, как и часто ранее, называются пуритане и диссентеры, которые себя считали таковыми.

247

У зверя из «Откровения Иоанна Богослова» было десять рогов и семь голов.

248

Пудинг из поджаренного хлеба, костного мозга и имбирного кастарда (заварного крема).

249

Кмет или кметь – сельский житель.

250

«Потом, когда он [Веспасиан] был эдилом, Гай Цезарь [Калигула] рассердился, что он не заботится об очистке улиц, и велел солдатам навалить ему грязи за пазуху сенаторской тоги, но нашлись толкователи, сказавшие, что так когда-нибудь попадёт под его защиту и как бы в его объятия всё государство, заброшенное и попранное в междуусобных распрях» (Светоний «Божественный Веспасиан», 5: 3, *пер. М. Гаспарова*).

251

Мужчины *(искажённый фр.)*.

252

Розенкрейцеры, члены ордена «розы и креста» (на их гербе роза распускалась из креста) – тайное мистическое общество, основанное в Германии Христианом Розенкрейцем (1378–1484). Розенкрейцеры ставили целью усовершенствование христианства, а также процветание государств и отдельных лиц. Повлияли на создание масонства; были предшественниками Просвещения.

253

Имеется в виду вечерняя служба, которую пуритане совершают при свечах. Существовало мнение, что жаворонка можно поймать только ночью, когда он не поёт.

254

Ауспиции – ритуальное гадание авгуров (римских жрецов) по поведению или внутренностям животных. Чаще всего – птиц.

255

Рот.

256

Повторная атака *(фр.)*.

257

Парламент послал некоего Хопкинса охотиться на ведьм в нескольких графствах.

258

По разным подсчётам, в период с 1640-го до Реставрации в 1660 году было убито порядка трёх тысяч ведьм.

259

Если женщина, связанная по рукам и ногам, всплывала, её признавали ведьмой.

260

По легендам, дьявол несколько раз являлся Мартину Лютеру: однажды он запустил в него чернильницей, потом тот предстал пред ним в саду в виде чёрного борова, ещё дьявол разлущил все орехи в комнате Лютера и разбросал их скорлупу по лестнице. Последнее случилось в Вюртбергском замке после ежемесячной конференции его последователей.

261

По свидетельству современников, Антверпенский собор был разгромлен чернью с помощью нескольких чертей в самое короткое время. Маскон – город в Бургундии, которая была оплотом протестантизма.

262

Парламент пытался учредить реестр королевских земель и подписать с королём соглашение об их использовании в Вудстоке. Солдат, похищенный дьяволом после тоста в его честь, фигурирует в поэме уже упоминавшегося выше Уизера.

263

Затмение произошло 29 марта 1652 года, и в тот же день случилось морское сражение у Дувра между английской республикой и республикой соединённых провинций Нидерландов, послужившее началом первой англо-голландской войны (1652–1654). В битве участвовало 47 голландских кораблей и 25 английских. Победили англичане.

264

В сражении при Корнуолле победил Карл II. Всё, что говорит Ральфо, свидетельствует о ложности предсказаний Сидрофела.

265

Представитель индийской аскетической секты, не носившей одежду.

266

Роберт Гроссетесте (чаще – Гроссетест, от фр. grosse tête – «большая голова», «умник») – английский философ, богослов и оптик, основоположник оксфордской школы. Жил приблизительно в одно время с Бэконом, написал несколько трактатов по астрономии и математике, остальные труды – по теологии.

267

Джон Ди (1527–1609) – великий английский алхимик и астролог, был в фаворе у Елизаветы I. В 1588 году наслал проклятье на «непобедимую армаду» Испании, что якобы дало Англии победу над ней. Был набожным протестантом. Эдвард Келли (1555–1597) – ассистент Ди; стал источником фольклорного образа алхимика-шарлатана. Ольбрехт (чаще – Альбрехт) Лаский (1536–1605) – польский дворянин и военачальник, интересовавшийся алхимией; был последователем Ди и представил того королю Польши Стефану Баторию в 1583 году.

268

Историки Тит Ливий и Диодор Сицилийский пишут, что один из рабов на Сицилии, сириец по имени Евн, решил поднять своих товарищей на восстание в 135 году до н. э. Ему было предсказано, что он станет царём. Он набил в орех серы и поджёг её, положив его в рот и произнося перед ними речь. Изо рта его, пока он говорил, вырывалось пламя. Все сочли это небесным знамением. Восставших набралось больше сорока тысяч. После захвата города Энны он был провозглашён царём. Интересно, что он отменил рабство только для своих сотоварищей. В 132 году до н. э. рабы потерпели поражение от римлян. Евн был взят в плен и вскоре умер от болезни.

269

Парацельс (ок. 1493–1541) – швейцарский алхимик и врач, утверждал, что люди могут рождаться без соитий.

270

В комедии Аристофана «Облака» говорится, как Сократ измерял прыжки блохи: «Воск растопивши, взял блоху и ножками / В топлёный воск легонько окунул блоху. / Воск остудивши, получил блошиные / Сапожки, ими расстоянье вымерил» *(пер. Адр. Пиотровского)*. Сидрофел умудрился «исчислить» прыжки длиной тела самой блохи.

271

Бактерии были открыты Левенгуком только в 1683-м, через три года после кончины Батлера.

272

Кровопусканию.

273

Никлас Фриск (годы жизни неизвестны) – астролог, по профессии – врач; жил на пенсию от парламента.

274

Долгое время считалось, что у *Paradisaeidae* – райских птиц – нет ног, что они проводят жизнь в воздухе и им питаются; водятся главным образом на Новой Гвинее.

275

Около 5,5 метров.

276

Ян Гевелий (1611–1687) – польский астроном, конструктор телескопов, был смущён переменчивостью Сатурна и не мог определить чётко его форму. Христиан Гюйгенс (1629–1695) – голландский астроном, открывший кольца Сатурна (1655), впервые определил его как круглую планету.

277

Гадание на «сите и ножницах», очень популярное в древней Греции, а такжн в Англии XVII века. От греческого слова «κοσκινομαντις», в свою очередь происходящего от слова «κόσκινον» – «сито». Ножницы кладутся на обод последнего, потом задаются вопросы, и сито, поднятое над поверхностью, начинает в какой-то момент двигаться, если ответ положительный. Древние мистики верили, что ситом управляет демон. Обычно это гадание применялось в любовных или юридических вопросах.

278

У Горация ведьма Канидия характеризуется, в частности, так: «И весь Неаполь праздный и соседние / С ним города уверены, / Что фессалийским сводит заклинанием / Она луну со звёздами…» (эпод 8, *пер. Ф. Александрова*), а в «Метаморфозах» Овидия ведьма Медея говорит: «Силой влеку и тебя, луна, хоть медью темесской / Твой сокращаю ущерб…» (VII, ст. 207–208, *пер. С. Шервинского*).

279

Вёдро – хорошая погода. Про вёдро вести – новости о хорошей погоде.

280

Винсан Леблан в своих «Путешествиях» (1660) пишет, как индийский раджа хотел узнать будущее, и его маг вырыл ямку и напрудил в неё, чтобы призвать духов.

281

Святой Дункан – в жизни архиепископ Кентерберийский (909–988) – покровитель кузнецов и ювелиров, согласно распространённой легенде, схватил дьявола за нос раскалёнными щипцами, когда делал в своей келье чашу. Дьявол искушал его изваять на ней женщину. Вопль дьявола был столь громким, что его слышали по всей округе.

282

Аггел – злой дух, слуга дьявола.

283

Злой дух, бес.

284

Парацельс лечил ртутью и лауданумом (опиумной настойкой), что считалось или шарлатанством, или наущением дьявола.

285

Джон Ди утверждал, что камень был подарен ему ангелами. Глядя в него, Ди и Келли предсказывали будущее.

286

Собака оккультиста Корнелиуса Агриппы Неттесгеймского, по убеждению современников, была чёртом, так как исполняла трюки, на которые псы обычно неспособны. Агриппа обходился с ней с величайшим почтением.

287

Гермес Трисмегист – пророк в герметической традиции, автор теософского учения, изложенного в приписываемых ему книгах. Если жил, то во времена Моисея; родоначальник алхимии. Греческий философ и математик Пифагор (ок. 570 до н. э. – ок. 490 до н. э.) много путешествовал по Египту и Вавилону, был посвящён в мистерии и принёс их в Европу; его учение считалось сокровищницей тайных знаний. Зороастр (Заратустра) – жрец, живший во времена Авраама; ему приписывается авторство Авесты, собрания священных текстов зороастрийцев. Аполлоний Тианский (1–98) – философ-неопифагореец, много странствовал по Востоку и Западу, проводя всё время в храмах; критик язычества, которое он пытался реформировать; совершал чудеса, воскрешая мёртвых, становясь невидимым; в Эфесе сообщил об убийстве императора Домициана в тот же момент, как тот был умерщвлён в Риме.

288

Бог времени Крон пожирал своих детей, но Рея, мать Зевса, спасла отпрыска от отца, завернув в пелёнки камень.

289

Намёк Батлера на то, что гражданские войны в Англии сделали многих бедных богатыми и разорили многих имущих.

290

Действуй, как указано выше *(лат.)*.

291

Ибн Рушд (1126–1198), известный как Аверроэс, был главным арабским (андалусским) комментатором Аристотеля, а также философом и астрономом. Перевод его трудов в XIII веке на латынь способствовал популярности Аристотеля в Европе. Был противником геоцентрической системы Клавдия Птолемея (ок. 100 – ок. 170), считая её эксцентричной.

292

Астиагу, царю Мидии (585–550 до н. э.), приснился сон, что виноградная лоза так разрослась, что покрыла собой всё его царство и остальные тоже. Маг расшифровал видение, сказав, что дочь царя Мандана родит сына, который завоюет всю Азию. Астиаг выдал её за перса Камбиса, и его внуком стал Кир II Великий (правил 559–530 до н. э.).

293

О затмении солнца, предшествовавшем убийству Юлия Цезаря, писали Вергилий, Овидий и Плутарх.

294

Светоний пишет: «Если утром он [Август] надевал башмак не на ту ногу, левый вместо правого, это было для него дурным знаком…» («Божественный Август», 92, *пер. М. Гаспарова*).

295

Анаксагор (ок. 500 до н. э. – 428 до н. э.) был первым философом, кто утверждал, что луна и солнце никакие не божества, и что порядок во вселенной поддерживается «нусом» (высшим разумом), за что был брошен в тюрьму, откуда его вызволил Перикл.

296

Анаксагор предсказал падение камня с неба, что и случилось – метеорит упал в районе реки Эгос, на фракийском Херсонесе. Об этом писал Аристотель в трактате «Метеорологика» (IV веке до н. э.).

297

Применительно к человеку *(лат.)*.

298

Парики с длинными волнистыми локонами.

299

Под «новым светом» подразумевался любой пересмотр принятой религии, которую называли «старым светом» (например, кальвинизм), что привело в Англии к большому числу протестантских сект.

300

Епископ Френсис Годвин (1562–1633) в юности написал под псевдонимом Доминго Гонзалес первый научно-фантастический и астрономический роман на английском языке от первого лица – «Человек на Луне» (опубликован посмертно в 1638 году), где героя возносят на неё в повозке некие «ганзы», гигантские дикие лебеди.

301

Якобштаб или посох Якова – один из первых астрономических приборов, служащий для определения высоты звёзд.

302

Шестым чувством у мистиков считается ясновидение.

303

Ср. с фрагментом 8 у Биона: «Вместо луны ты [Геспер] сиянье пошли, потому что сегодня / Чуть появилась она и сейчас же зашла. Отправляюсь / Я не на кражу, не с тем, чтобы путника ночью ограбить. / Нет, я люблю. И тебе провожать подобает влюблённых» *(пер. М. Грабарь-Пассек).*

304

Имеются в виду созвездье Корабль Арго в южном полушарии, отмеченное в звёздном атласе Птолемея, а также созвездье Волосы Береники в северном полушарии. Береника была женой Птоломея III Эвергета (правил в 246/245 – 222/221 до н. э.), одного из самых могущественных властителей Египта; она остригла волосы и принесла их в дар Афродите, чтобы богиня вернула её мужа живым из похода. На следующий день астроном Конон сообщил, что жертва принята и что он наблюдал ночью новые звёзды.

305

Имеются в виду созвездия Возничего и Кассиопеи в северном полушарии. Последнее имеет форму буквы M или W; названо в честь матери Андромеды; его ещё именуют «креслом», полагая, что Кассиопея вращается в нём вокруг Северного полюса головой вниз за то, что она хвасталась своей красотой перед Амфитритой.

306

Платон считал геометрию главной наукой, говоря, что божество «играет в геометра». По легенде, перед входом в платоновскую академию висела надпись: «Не знаешь геометрии – не входи!» Платону и его ученикам астрология помогала в измерении пространства вне земли.

307

Египетские жрецы рассказывали Геродоту, что за 11340 лет Солнце дважды восходило и заходило не в привычных местах. Египетский год тогда насчитывал 360 дней, и, возможно, именно это стало источником ошибки, которую Геродот воспринял как астрономический феномен. Он пишет: «В это время [11340 лет], рассказывают жрецы, Солнце четыре раза восходило не на своём обычном месте: именно, дважды, восходило там, где теперь заходит, и дважды заходило там, где ныне восходит. И от этого не произошло в Египте никакой перемены в смысле плодородия почвы и растений, режима реки, болезней или людской смертности» («История», кн. II, 142, *пер. Г. Стратановского*).

308

Юлий Цезарь Скалигер (1484–1558) – знаменитый французский астролог, врач и философ, считал, что за своё гелиоцентрическое учение Коперник (1473–1543) заслуживает порки. Был другом и покровителем Нострадамуса.

309

Число Зверя (сатаны), согласно Библии.

310

Жан Боден (1529 или 1530–1596) – французский географ, философ и юрист; полагал, что Земля придвинулась к Солнцу.

311

Джероламо Кардано (1501–1576) – итальянский астролог, математик, врач и философ; считал, что судьбы главных государств в Европе зависят от хвоста Большой Медведицы. Составил гороскоп Христа, за что был брошен в тюрьму. Предсказал день своей смерти, но, находясь в добром здравии, предпочёл уморить себя голодом, чтобы только не посрамить свою науку, и умирал целых три года после предсказанной даты.

312

Двенадцать знаков зодиака делятся на четыре тригона: огненные (горячие и сухие) – Овен, Лев, Стрелец; земные (холодные и сухие) – Телец, Дева, Козерог; воздушные (горячие и влажные) – Близнецы, Весы и Водолей; водные (холодные и влажные) – Рак, Скорпион, Рыбы.

313

Вавилонские жрецы.

314

С самого начала *(лат.)*.

315

Аспекты в астрологии – угловые расстояния между небесными телами, выраженные в градусах и отражающие их взаимное расположение на круге зодиака. Наиболее значимые аспекты кратны делениям круга: 0° (соединение), 60° (секстиль), 90° (квадратура), 120° (трин), 180° (оппозиция).

316

Созвездие Золотой Рыбы из 32 звёзд в южном полушарии можно наблюдать невооружённым глазом.

317

Созвездие Райской Птицы из 20 звёзд в южном полушарии тоже можно наблюдать невооружённым глазом.

318

Созвездие южного полушария неба, включённое в атлас Птолемея; носит имя Лернейской гидры, побеждённой Гераклом; насчитывает очень много звёзд.

319

Пояс Венеры – атмосферное оптическое явление: розовая или оранжевая полоса, возникающая во время захода или восхода солнца между тёмным ночным небом внизу и голубым небом вверху.

320

Сыровяленый свиной окорок.

321

Друиды часто брали деньги взаймы, чтобы отдать их в другой жизни.

322

Майское дерево, украшенное цветами или венками, устанавливается на Троицу; традиция идёт от римского праздника Флоралий с 28 апреля по 1 мая. Вокруг дерева водятся хороводы и устраиваются состязания.

323

Батлер высмеивает здесь анонимное продолжение «Гудибраса», опубликованное в 1663 году, после выхода в свет первой части поэмы. В нём описывались все упомянутые приключения, а также встреча с плутом, о которой ниже.

324

Судьям.

325

Лев – зодиакальное созвездие, символизирующее силу, власть и доблесть. Волопас в поэтической традиции – не столько пастух, сколько страж, наблюдатель, хранитель порядка. Вместе эти образы могут обозначать силы космоса, высшие моральные начала.

326

Древковое метательное оружие, разновидность копья.

327

«Сказки матушки Гусыни» были одной из самых популярных детских книг, начиная с XVII века.

328

Компания *(сокр.)*.

329

Сидрофел, по-видимому, занимался ещё и переговорами между ворами и обокраденными.

330

Джон Букер (1603–1667) – известнейший астролог. Сара Джиммерс (даты неизвестны) была популярной гадалкой.

331

Олаф Магнус (1490–1557) – шведский писатель, архиепископ Уппсалы, автор «Истории северных народов» (1555), где даётся набор историй о поведении лиса.

332

Данная эпистола не входила во все ранние издания «Гудибраса». Она была включена в поэму позднее, в 1674 году, и теперь печатается вместе с ней. Во-первых, эта эпистола серьёзная, в ней нет обычного для Батлера юмора. Во-вторых, характеры Гудибраса и Сидрофела изображены несколько иначе. Она была написана Батлером в момент его раздражения на одного из критиков, которого он здесь и вывел под именем Сидрофела.

333

Цапли гадят белым.

334

Аллюзия на слова Екклесиаста (1:18) «во многой мудрости много печали».

335

Быт. 49:14: «Иссахар осёл крепкий, лежащий между протоками вод».

336

Уильям Принн (1600–1669) – пуританский юрист, выдающийся полемист, принял Реставрацию.

337

На улицах Лондона и других городов кучера при езде дули в горны, чтобы не напрягать голосовые связки.

338

Максимиан Геркулий (250–310) – римский император (285–305), с 303 года преследовал христиан; отказался от престола, но в борьбе за власть своего сына Максенция вновь попытался сесть на трон. Пробовал захватить Галлию, но был разбит Константином и покончил с собой. Речь идёт о мученичестве святого Виктора Марсельского в 303-м или 304 году – римского офицера, которого казнили, положив между мельничных жерновов.

339

Батлер нападает на Королевское Научное Общество Лондона, основанное в 1662 году Карлом II, хотя действие «Гудибраса» происходит до Реставрации: тухлые яйца там практиковались.

340

Такая колесница с парусами существовала: её придумал в 1603 году некий Стевинус (или Стефин) в Голландии, она вмещала 28 человек, но была использована лишь раз с десятью пассажирами, покрыв 42 английские мили (около 106 километров) за два часа.

341

Намёк на то, что многие занимались не своим делом и преуспели: порох был изобретён монахом, например.

342

Сэр Пол Нейл (1613–1686) – сын архиепископа Йоркского Ричарда Нейла, политик и астроном; изготавливал телескопы, был одним из двенадцати членов-основателей Королевского Общества; заявлял, что Батлер не является автором «Гудибраса».

343

В XVII веке английская миля равнялась 5280 футам, а немецкая могла достигать 29731 футов (в зависимости от региона).

344

«По ночам, когда сияла полная луна, он [Калигула] неустанно звал её к себе в объятья и на ложе…» (Светоний «Гай Калигула», 22:4, *пер. М. Гаспарова*).

345

При пуританах осуждённых заставляли петь псалмы перед виселицей.

346

Плечах.

347

Матф. 18:18: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе».

348

По легенде медно-бронзовая голова сказала Роджеру Бэкону: «Время есть. Время было. Время прошло».

349

Дикарь и раб волшебника Просперо в шекспировской пьесе «Буря» (ок. 1610). Олицетворение природной грубости, невежества и низменных инстинктов. В английской культуре XVII века имя Калибана стало нарицательным для обозначения варвара, дегенерата или врага цивилизации.

350

Причуды *(исп.)*.

351

Мукуна жгучая – травянистое растение семейства бобовых. Имеет волоски, вызывающие зуд при касании.

352

Настойка из дурмана способна парализовать человека.

353

Мамикон – растение, названное «корнем сумасшествия» в «Макбете» Шекспира (1623), поскольку может вызывать безумие.

354

Серро-Рико – гора в Боливии, богатая металлами; добыча руд из неё началась в 1545 году под эгидой испанской короны. С XVI-го по XVIII век из неё добывали 80 % серебра в мире.

355

Сутенёр *(разг.)*.

356

Исх. 7:10: «И бросил Аарон жезл свой пред фараоном и пред рабами его, и он сделался змеем».

357

Персефона, дочь богини Деметры, была похищена Аидом и стала царицей подземного царства.

358

Крутильный (конический) маятник, как и спиральную пружину для регулирования хода, изобрёл выдающийся естествоиспытатель Роберт Гук (1635–1703) между 1656-м и 1658 годами.

359

Средневековый английский город в восточном Сассексе (Rye), до конца XVIII века был значительным портом.

360

Англикане клялись, целуя Библию. Пуритане считали это папистским предрассудком и при клятве поднимали правую руку.

361

Поворот судна против ветра.

362

Беременность спасала от наказания, даже от виселицы. Беременна женщина или нет – решал суд старых повитух.

363

Марк 12:25: «Ибо, когда из мёртвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах».

364

Закон гласил, что все бастарды признаются законными детьми, если их отец живёт на острове, который омывается четырьмя морями.

365

Если суд признавал человека рогоносцем, то с него «списывались» побочные связи.

366

Главная башня феодального замка.

367

Пифагорейцы считали растения и птиц одушевлёнными. Один из них – Гераклид Понтийский (387 до н. э. – 312 до н. э.) – утверждал, что помнит себя не только в человеческих, но и в растительных, а также животных перерождениях. Эмпедокл (ок. 490 до н. э. – ок. 430 до н. э.) же говорил, что до текущего появления на свет был сначала мальчиком, потом девочкой, потом растением, потом птицей, потом рыбой.

368

На монете 1554 года были изображены католические супруги Филипп II Испанский и Мария I Тюдор, глядящие друг на друга.

369

Жёлтая брачная вуаль у римлян называлась «flammeum». Вдова её сравнивает с разлитием жёлчи, что считалось воздействием злых духов. Когда римская женщина выходила замуж, из жертвенного животного на алтаре вынимали жёлчный пузырь и бросали его на землю.

370

Корни мандрагоры напоминают человеческие фигуры обоих полов. Считалось, что они к тому же говорящие; им приписывались магические свойства.

371

По английскому закону земля и титул переходили в наследство только к старшему брату; младший вынужден был жить на подачки от него, которые, впрочем, чаще всего были вполне достаточными.

372

Замужняя женщина *(фр.)*. Буквально – «покрытая [вуалью] женщина».

373

Щеголеватый, развязный и самодовольный человек.

374

Улица «красных фонарей» в районе Друри-лэйн; позднее была переименована в Чарльз-стрит.

375

Озёрная фея или Владычица озера (*англ.* «Lady of the Lake»), героиня артуровского цикла легенд, по одной из них похитила и воспитала Ланселота Озёрного (отсюда его прозвище), которого потом волшебник Мерлин привёл ко двору короля Артура.

376

Без маскарада *(фр.)*.

377

Хардекнуд (1018–1042) – сын Кнуда Великого и Эммы Нормандской, король Англии (с 1040) и Дании (с 1042); последний викинг на английском троне.

378

Гадание по числам и линиям, а также географическим чертежам.

379

Залог недвижимости в счёт долга. Ипотека существовала ещё в Древнем Египте и в Древней Греции с IV века до н. э., где так назывался столб, ограничивающий земельный участок. Ипотечные банки появились в XVIII столетии.

380

Когда Батлер писал эту часть «Гудибраса», чума 1665 года унесла 68586 жизней.

381

Пуритане отвергали моральное поведение, поскольку считали, что моральность, как и благодать, бывает только врождённой или заслуженной у Бога (посредством веры). Поскольку добродетель нельзя заслужить, они её тоже отвергали; считалось, что добродетель, по этой причине, бывает даже «нечистой».

382

Никколо Макиавелли (1469–1527) – выдающийся флорентийский политик, историк, автор трактата «Государь»; часто считается символом коварства. «Старый Ник» – одно из английских имён дьявола.

383

Луна.

384

Народное название колючей травы Scabiosa succisa – сивца лугового, использовавшегося для снятия порчи.

385

В Англии служанкам за хорошо убранный на ночь дом бросали в башмак пенни. Если дом не был убран, их щипал во сне дух дома.

386

Домашний дух, домовой в английском фольклоре. Пака называли ещё Робином Славным Малым (Robin Goodfellow).

387

В английском праве – договорное обязательство. Пуритане рассматривали ковенант как религиозный завет и клялись в нём, поднимая две руки к небу.

388

Так называемый регулятивный принцип разрешал пуританам кланяться только по прямому указанию Бога.

389

Диссентеры были против предрассудков.

390

Ложная этимология: слово «святой» в латыни не происходит от слова «sanguis» – кровь.

391

Батлер вновь критикует Королевское Общество (см. эпистолу Гудибраса Сидрофелу). Такая тележка была действительно представлена на его суд в 1662 году. Общество постановило подробно изучить чертежи и занести изобретение в свои анналы.

392

Эта песнь имеет мало отношения к предыдущим. В ней описан исторический период перед самой Реставрацией Карла II, когда страной правил сын Оливера Кромвеля, внезапно умершего в 1658 году, Ричард (1626–1712), который был вторым после отца лордом-протектором Англии (ушёл в отставку в 1659-м). По логике «Гудибраса» эта песнь должна была бы идти последней.

393

Об этом писал ещё Плиний в своей «Естественной истории» (77).

394

Диссентеры исправляли священные книги.

395

Имеются в виду зороастрийские жрецы-маги, принадлежавшие к мидийскому племени, имевшие влияние при дворе и на короткое время захватившие власть в Персии в V веке до н. э. Внутри клана были распространены браки между близкими родственниками, что считалось допустимым. Например, Катулл пишет (стихотворение № 90): «Да народится же маг от неслыханной связи любовной / Геллия с матерью: пусть персов изучит волшбу!» *(пер. С. Шервинского).*

396

Этот образ идёт из второй книги «Потерянного рая» Мильтона (1667), где Сатана познаёт некую богиню, теперь привратницу Геенны, бывшую его дочерью по имени Грех, и она рожает их дитя – Смерть.

397

Пресвитерианцы (пуритане), придя к власти, поссорились с индепендентами (диссентерами), анабаптистами и антиномианами.

398

В 1649 году после казни Карла I королевские и церковные земли были конфискованы в пользу народа. Наделы получили солдаты гражданской войны, повзводно образовывая нечто вроде корпораций (мы бы сказали, колхозов), выдвигавших своих представителей. Всё равно пошли многочисленные суды: люди судились из-за недостаточности их земельных участков для прокорма семьи.

399

Плебс в древнем мире был разделён на трибы (в Риме) или на филы (в Греции). Здесь: сообщество.

400

Пуританские представители были поддержаны государством, в отличие от других сект, а потому юристы брали с них больше денег за ведение дел.

401

Оливер Кромвель, находясь во главе армии и индепендентов (диссентеров), лишил пресвитерианцев власти в парламенте. Это случилось до казни короля. По сути, пресвитерианцы – это умеренные пуритане, а индепенденты – радикальные. Здесь они называются пуританами и диссентерами. Гудибрас – пресвитерианец, Ральфо – индепендент.

402

Обедневшие пресвитерианцы проповедовали индепендентам. Доктрина тех от этого сильно изменилась с течением времени.

403

Под влиянием пресвитерианцев вера индепендентов стала делиться на доктрину и на узус (обычай, употребление). В доктринальных книгах так и было написано на полях: «смотри доктрину», «смотри узус».

404

То есть, роялиста.

405

Анабаптисты называли себя «крещенцами»: стояли за двойное крещение; были враждебны пуританам, особенно радикальным, верили в непротивление злу. В Англии их было сравнительно немного, большинство жило в Германии, Швейцарии и Голландии.

406

После взятия османами Родоса в 1522 году рыцари-госпитальеры, вследствие долгих скитаний, поселились на Мальте. Сулейман Великолепный решил завоевать и её. Так началась длившаяся с мая по сентябрь 1565 года Великая осада Мальты, которая закончилась для турок поражением. Победа мальтийцев была воспринята в Европе как одно из ключевых событий XVI века.

407

Индепендент и военный Кромвель был успешным проповедником. Ходила долгое время написанная им проповедь, но оказалась фальшивкой.

408

Юрист и политик Клемент Уолкер именно так охарактеризовал их в своей «Истории индепендентов», изданной в 1647-м и 1651 годах, за что был брошен Кромвелем в Тауэр в 1651-м, где он и умер в том же году.

409

Бог смешал языки строителей Вавилонской башни, и они не смогли закончить её, расселившись по всей земле.

410

Ссоры.

411

Город Геф, один из пяти филистимских городов, упоминаемых в Библии; родина Голиафа.

412

Накануне смерти Оливера Кромвеля, 30 августа 1658 года, был невероятный ураган. Об этом есть знаменитое стихотворение Эдмунда Уоллера (1606–1687) «На прошедшую бурю и на смерть Лорда-протектора».

413

Питер Стерри (1613–1672) – индепендент, теолог, исповедник Кромвеля; произнёс речь на его похоронах, в которой заверил, что Кромвель «теперь сидит по правую руку Господа».

414

Стерри видел сон, в котором Кромвель попал на небо, перепутав таковое с крылом в Вестминстере. Батлер здесь издевается и над Стерри, и над Кромвелем. В Вестминстере, действительно, были два крыла: одно звалось Небом, другое Адом. Когда Кромвеля 30 января 1660 года эксгумировали, труп сначала повесили, а потом отрубили голову и водрузили её на кол как раз напротив крыла под названием Ад.

415

Плутарх пишет в «Жизнеописании Ромула» о его явлении после исчезновения: «…один из самых знатных и уважаемых патрициев, верный и близкий друг Ромула… по имени Юлий Прокул, пришёл на форум и… поклялся перед всем народом, что ему на дороге явился Ромул, красивее и выше, чем когда-либо раньше, в ослепительно сиявшем вооружении» *(пер. С. Маркиша)*. Из дальнейшего следует, что Ромул вознёсся на небо.

416

Имеется в виду Ганзейский торговый союз германских городов, сформировавшийся в XII веке и просуществовавший до 1669 года. Расцвет Ганзы пришёлся на начало XV столения, когда в него входили сто тридцать городов, из которых сто портовых. Во главе стоял город Любек. Ганза была лишена своих привилегий в Англии в 1398 году.

417

Ян Буккольт или Иоанн Лейденский (1509–1536) был предводителем мюнстерских анабаптистов. В 1533 году он прибыл из Лейдена в Мюнстер, где стал проповедовать устройство в городе «нового Сиона» – теократического сообщества на основе радикального хилиазма. После захвата власти он провозгласил себя «королём», узаконил многожёнство (у него самого было 18 жён) и устроил в городе режим религиозного террора. В 1535 году Мюнстер был взят войсками епископа Франца фон Вальдека. Ян был схвачен, подвергнут пыткам и казнён. Его тело, вместе с телами двух соратников, было выставлено в железной клетке на башне церкви Святого Ламберта.

418

Путаница.

419

Чарльз Флитвуд (1618–1692) – генерал, был женат на дочери Кромвеля (с 1652 года), командовал армией, выступившей на стороне парламента против Карла I. Джон Ламберт (1619–1683) – генерал, помогал Кромвелю усмирять Шотландию (1648–1651), способствовал его чину лорда-протектора, но когда парламент предложил Кромвелю корону, был яростно против этого; Кромвель считал его своим главным оппонентом. Джон Десборо (1608–1680) – генерал, был женат на сестре Кромвеля (с 1638 года), также был против принятия Кромвелем короны. После смерти Оливера он был, как и Флитвуд, противником Роберта Кромвеля и выступал от имени армии за его отставку.

420

Парламент с 1648-го по 1652 год состоял из сорока-пятидесяти человек и назывался «охвостьем», что случилось вследствие чистки «долгого парламента»: из него были изгнаны антиармейски настроенные депутаты-пресвитерианцы, о чём уже упоминалось. Кромвель разогнал этот парламент в 1653 году.

421

Ассирийский царь-тиран, возможный строитель Вавилонской башни, земной соперник Бога.

422

Имеются в виду дополнительные выходные для слуг, учёных и учащихся, которые полагались каждый второй вторник месяца. Что касается праздников и различных фестивалей, то они были отменены в Англии и Уэльсе указом от 8 июня 1647 года – тем же, что вводил дополнительные выходные.

423

Что и делал Кромвель (а также другие индепенденты), будучи лордом-командующим.

424

Стихарь – богослужебная одежда, прямая длинная риза с широкими рукавами.

425

В 1652 году, за восемь лет до Реставрации, все святые (включая апостолов), в честь которых были названы улицы и церкви, были официально деканонизированы, поскольку почитались и в католицизме.

426

Некоторые секты считали доктрину о чистилище целиком папистской и требовали отменить это понятие.

427

Чёрный пудинг делается из свиной или телячьей крови и овсяной или ячменной каши. Пряностью служит мята. Одно из главных блюд английского простонародья.

428

Откр. 19: 17–18: «И увидел я одного Ангела, стоящего на солнце, и он воскликнул громким голосом, говоря всем птицам, летающим по средине неба: летите, собирайтесь на великую вечерю Божью, / чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всех свободных и рабов, и малых и великих».

429

Перифраз Исайи 41:15: «Вот, я сделаю тебя острым молотилом, новым, зубчатым; ты будешь молотить и растирать горы, и холмы сделаешь как мякину», а также Захарии 14:20: «В тот день на бубенцах конской сбруи будет написано: „Святыня Господня“. Кухонные горшки в доме Господнем будут священными, как чаши перед жертвенником».

430

Король *(лат.)*.

431

Дик – Ричард Кромвель. Шесть видных представителей пуритан – Холлис, сэр Энтони Эшли Купер, Гримстоун, Эннсли, Манчестер и Робертс – были против его правления как лорда-протектора и расшатывали парламент, что и привело к Реставрации.

432

Сэр Энтони Эшли Купер, первый граф Шефтсбери (1621–1683) – выдающийся политик. Во время Гражданской войны был на стороне Карла I, однако потом перешёл на сторону парламента (1644). Был оппонентом Ричарда Кромвеля, тайно переписывался с будущим Карлом II. В мае 1660 года был отправлен в числе двенадцати парламентариев в Гаагу, чтобы пригласить Карла II на трон. В ходе этой поездки был тяжело ранен. Претендовал на польскую корону, отчего был прозван «Тапским». После Реставрации заседал в Палате лордов и занимал ответственные посты. Являлся одним из лордов-собственников провинции Каролина (названной так в честь Карла II), после ставшей двумя штатами: Северной и Южной Каролинами.

433

Купер был косоглаз. En face – в лицо, спереди, анфас *(фр.)*.

434

То есть Карла I, затем парламента, затем Кромвеля как лорда-протектора.

435

На тот момент Купер был женат уже дважды: первый раз он женился в возрасте девятнадцати лет на дочери барона, лорда-хранителя большой печати Карла I; второй раз, после смерти первой жены, на семнадцатилетней графине.

436

«Палочки Непера» в 1617 году были созданы шотландским математиком Джоном Непером (1550–1617), одним из изобретателей логарифмов. Прибор состоит из десяти палочек, каждая из которых поделена на восемнадцать треугольников и один квадрат. Приставляя их друг к другу, можно умножать любые числа на любое число до девяти.

437

По всей видимости, имеется в виду Джон Лилберн (1614–1657) – индепендент, подполковник во время Гражданской войны, до этого – переплётчик; не захотел подписать ковенант из-за того, что в армии было установлено пресвитерианство, и ушёл со всех военных постов в 1645 году, хотя ему предлагались самые высокие. Активный памфлетист и полемист, стал лидером радикальной секты «левеллеров» (уравнителей). Выступал за «старую добрую Англию» без королей и за предоставление населению самых широких демократических свобод. Поскольку события в этой песни разворачиваются перед Реставрацией и после смерти Кромвеля, то Лилберн к тому времени уже умер, а, значит, образ этот у Батлера собирательный, но, безусловно, он держал Лилберна в уме.

438

Ближайший советник царя Давида, участвовавший в заговоре Авессалома против него. В христианской традиции считается ветхозаветным прообразом Иуды Искариота.

439

Деревня под Лондоном, где проходили все казни лондонцев с 1196-го по 1783 год. Ныне – часть Вестминстерского округа города.

440

Действительные слова Лилберна на процессе, оправдавшие его.

441

Проститутка из знаменитой комедии Бена Джонсона «Алхимик» (1610).

442

Карл I был схвачен в ноябре 1648 года на острове Уайт, где его держали в заключении.

443

Суд над Карлом I готовился тщательно: собирались свидетельства его тирании, включая подложные: распространялись слухи, будто паписты собираются поджигать дома лондонцев и перерезáть им горло, когда те пойдут в церковь; что солдаты таятся под землёй, чтобы напасть во время суда; что Темза набита порохом, чтобы её взорвать, и прочие нелепости.

444

Имеется в виду та часть гражданской войны, когда королевские войска одерживали победы. После поимки короля пресвитерианцы хотели диалога с ним, опасаясь, что его казнь повлечёт репрессии для них.

445

В ковенанте были слова: «…Нашей истинной целью является, каждый бежа впереди другого, явить пример подлинной реформации».

446

Длинные ударные копья.

447

Парламент устраивал сходы на церковную службу во время поста. Постов было очень много: до двадцати пяти дней в месяц. Парламентарии сходились в церкви святой Маргариты в Вестминстере. Стоит обратить внимание на то, что Маргарита не называется святой, так как все канонизированные были лишены своего статуса.

448

Европейцы верили, что железный гроб пророка Магомета парит посреди Мекки, удерживаемый двумя огромными магнитами.

449

Святой Игнатий де Лойола (1491–1556), основатель ордена иезуитов, согласно легендам, парил в воздухе во время молитвы, отрываясь от земли почти на метр.

450

Сэр Ричард Уиттингтон (1344–1423) был трижды лордом-мэром Лондона и очень много сделал для города, включая канализацию. После смерти стал фольклорной фигурой.

451

Эдмунд Калами Старший (1600–1666) – один из влиятельнейших пресвитерианских проповедников, редактор солдатской карманной Библии; часто выступал перед парламентом; считал, что поднять оружие на короля, законно.

452

Джон Оуэн (1616–1683) – выдающийся теолог-кальвинист, вице-президент Оксфорда; произнёс речь перед парламентом на следующий день после казни короля; был исповедником Кромвеля. Филипп Най (ок. 1595–1672) – теолог-индепендент, главный советник Кромвеля по делам церкви.

453

Таков был доклад, предоставленный в Лондонском Королевском Обществе сэром Робертом Морэем (1608–1673) – военным и государственным деятелем, масоном и естествоиспытателем, который являлся одним из основателей и де-факто первым президентом Общества. Батлер не устаёт язвить по его поводу.

454

Папа для католиков обладал ключами от неба, как Пётр. Тройная тиара – знак папского владычества.

455

Рахит. Считалось, что козы больше других домашних животных подвержены заболеваниям. Плутарх приписывал козам эпилепсию.

456

В Италии XII–XVI веков гвельфы стояли за усиление папской власти, а гибеллины – за власть императора Священной Римской империи. К гибеллинам принадлежала феодальная знать, а к гвельфам – купечество, ремесленники и торговцы, хотя были и аристократы, обеспечивавшие военную силу. Гербом гибеллинов была лилия (крин).

457

То есть папство и все католические страны, включая Францию и Испанию.

458

Пресвитерианцев.

459

Идол, которому поклонялись жители финикийского города Сидона (сейчас в Ливане, называется Сайда); в Священном Писании – дьявол.

460

Сирийский идол, особенно почитаемый в Дамаске (4 Цар. 5:18).

461

Пресвитерианцы были вовлечены в несколько заговоров по восстановлению монархии, обвиняя индепендентов в том, что они заставили их согласиться с казнью короля.

462

В отличие от индепендентов, которые все были против монархии, большинство пресвитерианцев было за возвращение короля.

463

На все случаи *(фр.)*, произносится как «ан ту ка».

464

В 1637 году, до начала гражданской войны, за клевету на короля у позорного столба уши были отрезаны трём пуританским проповедникам и памфлетистам: Генри Бертону (1578–1654), Уильяму Принну (1600–1669) и Джону Баствику (1593–1654).

465

Основная часть гражданской войны, начавшейся в августе 1642 года, завершилась казнью короля в январе 1649-го, хотя ещё три года продлилась война с Шотландией, выступавшей за роялистов.

466

Число Зверя (антихриста) 666, полученное весьма спекулятивным расчётом.

467

Здесь: переодеваний.

468

Речь о торговцах и лавочниках, сражавшихся за пуритан.

469

Такие леди, как Люси Хэй, графиня Карлайл (1599–1660) – известная придворная красавица, участница многих интриг во время гражданской войны. Была за пресвитерианцев, но одновременно вступила в связь с принцем Чарльзом (будущим Карлом II), за что её посадили после казни его отца в Тауэр. В 1650 году была освобождена под залог. Умерла от инсульта сразу после Реставрации.

470

Платонический год равняется приблизительно 29 000 годам; это время необходимо для завершения полного цикла прецессии: вращения земли, при котором происходит запаздывание времени равноденствия.

471

Имеется в виду голосование в парламенте.

472

В 1644 году пресвитерианцы были смещены со всех ключевых должностей в государстве. А 7 декабря 1648 года, при поддержке армии, из парламента был силой выведен 41 депутат-пресвитерианец, ещё 106 парламентариев были исключены. Это событие получило название «чистка Прайда» в честь полковника Томаса Прайда, командовавшего армией.

473

Имеются в виду пресвитерианские памфлеты при Карле I.

474

Имеются в виду уже упомянутые Бертон, Принн и Баствик, которых после отрезания ушей сослали в разные части страны. Парламент сумел добиться их возвращения из ссылки, и оно было триумфальным.

475

Одна из главных святынь католичества – так называемый Дом Девы Марии, почитаемый как место Благовещения в Назарете. Согласно преданию, после изгнания крестоносцев из Святой Земли в 1291 году, дом был чудесным образом перенесён ангелами сначала в Трсат (ныне Хорватия), затем в 1295-м перемещён верующими в Реканати, а оттуда – в Лорето (на тогдашние территории Папской области). Святыня помещена внутрь базилики XV века.

476

Предыдущий и нынешний ораторы индепенденты, но первый умеренный, а второй радикальный.

477

Пуритане отменили Рождество, как и прочие праздники.

478

Имеется в виду англиканская церковь.

479

Разновидность игры в кости. Первый бросок (так называемый «каминг-аут») приносит игроку победу при выпадении 7 или 11, и проигрыш – при 2, 3 или 12. Иной исход броска называется «пойнт» – тогда игрок продолжает бросать, пока повторно не выпадет то же число (победа), либо 7 (проигрыш).

480

Пресвитерианский печатник пропустил «не» в седьмой заповеди: не прелюбодействуйте, за что был очень строго оштрафован.

481

Кромвель вернул евреев в Англию в 1655 году после трёхсотлетнего изгнания.

482

Считалось, будто глаз свиней способен угадывать плохую погоду в ясный день.

483

Деревня возле Лондона, где располагался дом для умалишённых.

484

Сэр Томас Лансфорд (ок. 1610 – ок. 1653) – полковник, роялист, герой гражданской войны. Карл I назначил его комендантом Тауэра в 1641 году, но парламент воспротивился этому. Во время гражданской войны пуритане распускали слухи, будто он садист и даже людоед, хоть тот был отважным солдатом. Был взят в плен дважды и отпущен в 1649 году под зарок уехать в Америку. Умер в Виргинии.

485

Пресвитерианцы утвердили закон, по которому пресвитерианки, если их мужья присоединялись к другой фракции, признавались изменницами всей стране. Далила предала Самсона, то есть здесь – страну, Израиль.

486

Дан. 7:7: «После сего видел я в ночных видениях, и вот зверь четвёртый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами; он отличен был от всех прежних зверей, и десять рогов было у него».

487

Суд. 5:23: «Прокляните Мероз, говорит Ангел Господень, прокляните, прокляните жителей его за то, что не пришли на помощь Господу, на помощь Господу с храбрыми». Мероз – город в уделе колена Неффалима недалеко от Кадеша; его проклинают за то, что он отказался участвовать в сражении с Сисарой, военачальником Иввина, правителя города Хацора. В войске Сисары было девятьсот железных колесниц. Двадцать лет владычества хананеев сделали жизнь израильтян невыносимой. Ополчение Деворы и Барака разгромило войско Сисары.

488

Вергилий «Георгики» (IV, 510): «Песнями тигров смирял и сдвигал дубы вековые» *(пер. С. Шервинского).*

489

Холм в Херефордшире, на реке Уай, который в 1575 году сам подвинулся на значительное расстояние, разрушив церковь и несколько домов. Причины тогда не были установлены, но народ считал это очередным знамением.

490

Финтий и Дамон (IV век до н. э.) – пифагорейцы из Сиракуз, ставшие символом мужской дружбы. Тиран Сиракуз Дионисий Младший приговорил Финтия к смерти за покушение на свою жизнь. Финтий попросил позволить ему выдать замуж сестру и оставил Дамона заложником. Когда он не пришёл вовремя, Дамона повели на казнь. Тут появился Финтий, и Дионисий был настолько поражён этой дружбой, что попросился к ним в друзья, но те отказались. Эта история рассказана у Ямвлиха, а потом у Цицерона.

491

Маммон в «Потерянном рае» Мильтона – один из главарей мятежных ангелов: «…Отряд / Маммон ведёт: из падших Духов он / Всех менее возвышен. Алчный взор / Его – и в Царстве Божьем прежде был / На низменное обращён и там / Не созерцаньем благостным святынь / Пленялся, но богатствами Небес, / Где золото пятами попиралось» *(пер. А. Штейнберга).*

492

Исламской религиозной общине.

493

После казни короля пресвитерианцы предложили Кромвелю корону, но он отказался, согласившись, впрочем, сделать свою власть лорда-протектора наследственной.

494

Рим. 6:1: «Что же скажем? Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак».

495

9 декабря 1644 года парламент принял так называемый «Закон о самоотречении», запрещавший членам парламента занимать военные и государственные должности. Формально – чтобы избежать конфликта интересов и эффективнее вести войну, но по сути – чтобы ослабить влияние пресвитерианцев. В результате этого закона пост главнокомандующего потерял граф Эссекс, и большинство пресвитерианцев оказалось отстранено от командования.

496

Политический *(фр.)*.

497

Перечислены некоторые из десяти казней египетских, насланных Богом в ответ на отказ фараона Моисею отпустить его народ.

498

Кушанье.

499

Карл I содержался под стражей на острове Уайт с ноября 1647 года и предпринимал попытки к бегству. Шотландский пресвитерианский теолог и политик Александр Хендерсон (ок. 1583–1646) выступал посредником на переговорах между королём и шотландским парламентом в 1646 году, когда Карл сдался шотландской армии. После переговоров Хендерсон направил в английский парламент письмо (подлинность которого вызывала сомнения), где выражал сочувствие и уважение к монарху. Вскоре после возвращения Хендерсон скончался. Так что Батлер ошибочно упоминает его в связи с пребыванием Карла на острове Уайт – Хендерсон умер за год до того, как король оказался там.

500

Оратор-индепендент, по-видимому, не знал, что Хендерсон был автором текста «Торжественной лиги и Ковенанта», заключённого в 1643 году. Этот документ должен был стать основой для объединения церковных порядков Англии и Шотландии на пресвитерианских началах и был подписан обоими парламентами.

501

Сэр Томас Прайд (ум. 1658) – полковник, чей полк стоял у входа в парламент и арестовывал всех несогласных с судом над Карлом I. Так парламент ужался до восьмидесяти человек, перед которыми и предстал король. Прайд был одним из судей на процессе и доверенным лицом Кромвеля, который посвятил его, бывшего развозчика пива, в рыцарство палкой из связки хвороста. Джон Хьюсон (ум. 1662) – полковник, бывший башмачник, один из самых близких Кромвелю военных и один из подписавших смертный приговор Карлу I. Поскольку официальный палач отказался выполнять свою работу, Хьюсон нашёл другого (до сих пор неизвестно, кто он был), а его полк обеспечивал порядок во время казни. После Реставрации сбежал в Голландию, где вскоре и умер.

502

Соглашения в Аксбридже парламент и король пытались добиться в январе и феврале 1645 года. Условия парламента были весьма мягкими: пресвитерианству отдавался юг Англии и под власть парламента передавался рекрутский набор, а также всё, что касается военных дел; король должен был принять ковенант. Монарх соглашался с рекрутским набором, но только на три года, и с продолжением своего правления под эгидой епископата. Однако тогда армия роялистов одерживала одну победу за другой, и король был неуступчив.

503

Парламент согласился заплатить шотландцам четыреста тысяч фунтов за выдачу короля.

504

Воды *(лат.)*.

505

Перевод латинской фразы «omne solum forti patria est», приписываемой Овидию.

506

По некоторым сведениям, индепенденты, находясь у власти, истратили на подкупы около двадцати миллионов фунтов.

507

Генерал Джордж Монк (впоследствии 1-й герцог Албемарл; 1608–1670), архитектор Реставрации, переманил на свою сторону армию и вошёл с ней в Лондон. Он сражался сначала на стороне роялистов, потом перешёл к Кромвелю, подавлял Ирландию и Шотландию, был губернатором последней; поддержал Ричарда Кромвеля, но быстро в нём разочаровался; выступил за его отставку. Был против военной диктатуры генерала Джона Ламберта (1613–1683), установленной в 1659 году сразу после отставки Кромвеля и разогнавшей парламент; был готов с ним сразиться, но армия Ламберта перешла на сторону Монка; восстановил парламент, и тот призвал Карла вернуться в страну из эмиграции.

508

Разделяй и властвуй (*лат.* «divide et impera») – политический принцип, согласно которому для эффективного управления разнородным государством или обществом следует поощрять соперничество и раздор между его частями, мешая их объединению против центральной власти.

509

Басня номер 254.

510

Вервие – верёвка или канат, опоясывающая престол храма – символизирует собой путы Христа, когда его вели на суд.

511

Имеются в виду двенадцать колен Израилевых, по числу сыновей Иакова, третьего библейского патриарха после Авраама и Исаака. Евреям было запрещены межнациональные браки.

512

Считалось, что главных монархий было четыре за всю историю, а пятая есть царство Божье на земле.

513

Протестантские секты в Англии обращались с Богом достаточно фамильярно, хотя боялись своих властей. Если что-то шло не так, они говорили, что «Провидение взбунтовалось».

514

Кукушка.

515

Имеется в виду храм Артемиды (Дианы) в Эфесе – одно из семи чудес света, сожжённый Герострaтом в 356 году до н. э. С тех пор неоднократно восстанавливался, однако в IV веке был разрушен окончательно в связи с распространением христианства.

516

Аристофан во «Всадниках» (424 до н. э.) даёт устами раба Демосфена такой совет колбаснику, идущему в политику (стихи 212–214): «Заправишь славно. Делай то, что делаешь: / Мели, толки, покруче фарш замешивай, / Подперчивай, подсаливай, подмасливай…» *(пер. Адр. Пиотровского).*

517

Этот оратор уже более конкретный: сэр Мартин Ноэлл – один из главных лондонских торговцев, составивший себе состояние на торговле плантациями и рабами в американских колониях. После Реставрации был произведён в рыцарство (1662) и заседал в Совете по плантациям. На этом сходе он присутствует, чтобы доложить о роспуске народом парламента-«охвостья», и что чернь приветствует данные меры.

518

В XVII веке палачей называли именем Дан. Здесь имеется в виду конкретно сэр Артур Хейзелриг (1601–1661), один из пяти членов парламента, которых Карл I пытался арестовать в 1642 году, с чего и началась гражданская война. Хейзелриг поддержал казнь короля, но был в оппозиции Кромвелю, учредившему протекторат в 1653-м. После Реставрации Хейзелриг был заключён в Тауэр, где и умер. Батлер называет его именем палача за свирепость во время гражданской войны. В описываемый момент Хейзелриг командовал армией, будучи одним из семи её генералов.

519

Батлер играет на сходстве фамилии Хейзелриг со словом «hazelnut» – фундук.

520

Имеются в виду чучела обоих. О Прайде см. выше. Джон Кук (ум. 1660) же был главным прокурором на суде короля и предъявлял ему обвинения в государственной измене. После Реставрации был четвертован за цареубийство. Кук был известным радетелем за бедных, убеждённым республиканцем и мужественным человеком.

521

До канонизации Игнатии де Лойола был испанским (баскским) дворянином. Он служил солдатом при героической обороне Памплоны от французов в 1521 году и был тяжело ранен: снаряд проскочил ему между ногами, сломав одну и покалечив другую. Французы восхитились храбростью Игнатия и вылечили его, перенеся на носилках в родовой замок Лойолу.

522

Пороховой заговор состоялся в 1605 году. Во время тронной речи в парламенте (палате лордов), где должны были присутствовать и члены палаты общин, произошло покушение на Якова I (1566–1625). Самый знаменитый участник заговора – Гай Фокс.

523

Позорная одежда осуждённых инквизицией: прямоугольный кусок жёлтой ткани с отверстием для головы длиной до пояса или колен. На одежде рисовали костёр или дьявола.

524

Первое «охвостье» было разогнано Оливером Кромвелем в 1653 году. Его сын Ричард собрал «новое охвостье» (или «восстановленное охвостье») в начале мая 1659-го. Оно было отстранено от власти армией в октябре того же года. Ричард Кромвель подал в отставку 25 мая 1659-го, он правил восемь месяцев. «Охвостье» насчитывало меньше десятой части «долгого парламента»: 42 человека из бывших 511 членов палаты общин. В данном фрагменте описывается короткий момент в мае до отставки Кромвеля.

525

Афанасий (Атанасиус) Кирхер (1602–1680) – монах-иезуит, египтолог, составитель первой грамматики коптского языка и словаря, бывшего основным в течение полутора веков. Занимался египетскими мистериями больше двадцати лет. Попытался первый расшифровать египетские иероглифы.

526

У пчелы два последних брюшных членика входят в состав жала, охватывая анальное отверстие. Пчела была эмблемой египетской династии Птолемеев. По-английски «охвостье» – «rump», то есть зад, круп.

527

Так считали великие еврейские теологи-раввины Авраам ибн Эзра (1092–1167) и Манассе бен-Израиль (ок. 1604–1657), утверждавшие, что в человеческом тазе есть косточка величиной меньше горошины, по которой при воскрешении мёртвых может быть восстановлен каждый человек. Бен-Израиль был знаком с Рембрандтом, выгравировавшим его портрет.

528

Один пуд равен 16,38 килограмма.

529

Скачки в XVII веке были знамениты во Флоренции и Риме.

530

Розенкрейцеры.

531

Сидонская (финикийская) принцесса, вышедшая замуж за израильского царя Ахава и пытавшаяся навязать евреям многобожие. Находилась в противостоянии с пророком Илиёй. Была свержена в результате восстания и брошена на растерзание диким зверям.

532

Вздор, чепуха.

533

Добрая слава лучше богатства *(лат.).*

534

Наказание кавалеристов в английской армии XVII века.

535

Восточная красавица.

536

«Тебя, Бога, хвалим» *(лат.)* – христианский гимн.

537

Первое шампанское (белое игристое) было произведено в 1535 году в Лангедоке. Британцы считали, что изобрели его они.

538

Мехмед IV Охотник (1642–1693) правил Османской империей с 1648-го по 1687 год. При нём империя понесла крупные территориальные потери, включая Венгрию и Трансильванию. В 1656 году венецианцы временно захватили Дарданеллы, но были остановлены, когда великим визирем стал Мехмед-паша Кёпрюлю (ок. 1575–1661), известный своей жестокостью и решительностью. В первой части поэмы Ральфо нередко «угадывает» будущее. Позднее, в 1683 году, армия Мехмеда IV безуспешно осаждала Вену и была разгромлена войсками польского короля Яна Собеского. Великому визирю Кара-Мустафе был послан шёлковый шнурок – традиционное средство казни. В 1687 году, после восстания, поднятого сыном Кёпрюлю Мустафой, султан был низложен и умер в заключении спустя пять лет.

539

Легкоконный воин турецкой армии, удалой наездник.

540

Игра с маленькими детьми: взрослый прячет лицо или прячется целиком, а потом или открывает лицо, или выскакивает с криком «пикабу!».

541

Имеется в виду ироикомическая поэма эллинистического времени «Батрахомиомахия» («Война лягушек и мышей»), долгое время приписывавшаяся Гомеру как самопародия на «Илиаду».

542

Подразумеваются голландцы, с которыми Англия при Кромвеле воевала в 1652–1654 гг. за владычество на море (первая англо-голландская война). При Карле II произойдут вторая, в 1665–1667 гг., и третья, в 1672–1674 гг.

543

Военная кампания Кромвеля 1655 года против испанских владений в Новом Свете закончилась неудачей, если не считать взятие Ямайки, но переросла в англо-испанскую войну, длившуюся до самой Реставрации, до 1660-го. Армией командовали адмирал Уильям Пенн (1621–1670) и Роберт Венаблес (ок. 1613–1687), один из покорителей Ирландии. Оба после неудачи были уволены, а Пенн брошен в Тауэр.

544

Британская экспедиция Калигулы весной 40 года породила массу анекдотов, поскольку была пародией на войну. Калигула расставил на берегу метательные машины, а потом заставил легионеров собирать морские раковины в качестве «добычи Океана», чтобы отправить её в дар Капитолию и Палатину. Потом он взошёл на триеру, проплыл в ней немного, вернулся и велел везти триеры в Рим по суше, как знак триумфа над Британией.

545

Армида – героиня рыцарской поэмы Тассо «Освобождённый Иерусалим» (1581); она участвует в битве на стороне сарацинов против Ринальдо, с которым до этого у неё был бурный роман, но тот признаётся ей в любви и провозглашает себя её рыцарем.

546

Игра в лото появилась в Европе в XVI веке. Игроки закрывают свои номера на картах деревянными бочонками, которые достаются втёмную из мешка.

547

Швейцарцы были известными наёмниками и служили разным странам.

548

Гален (129–216) настаивал на лечении травами, а Парацельс (1493–1541) химикатами.

549

Застёжка на женском платье в виде брошки. В буквальном смысле – «крючок».

550

Здесь: внезапно разбогатевший человек.

551

Дела в суде разбирались только после клятвы истца.

552

Полосатая *(фр.)*. Имеется в виду бумага с ярко выраженной, видимой на просвет сеткой. Считалась высокосортной и использовалась, например, в дипломатической переписке или для изготовления форзацев книг.

553

Потачка – снисходительное отношение, потворство, попустительство.

554

Юрист *(исп.)*.

555

Обычное обращение к адвокату в то время.

556

Фемида, богиня правосудия, титанида, была второй женой Зевса. По версии Эсхила – мать Прометея.

557

Томас Банги (ок. 1214 – ок. 1294) – монах-францисканец, известный алхимик. Считался волшебником, вроде Роджера Бэкона.

558

Прозелит – обращённый из одной веры в другую. В переносном смысле – человек, принявший новые убеждения и фанатично их распространяющий.

559

Имеются в виду могильные плиты тамплиеров, на которых они были изображены со скрещёнными ногами.

560

Юридическая палата Лондона, к которой относились все барристеры Лондона и Уэльса. Учреждена в 1310 году.

561

Профессионал *(разг.)*.

562

Навуходоносор II (ок. 634 до н. э. – 582 до н. э.) – могущественный правитель Нововавилонского царства. Захватил Иерусалим в 586 году до н. э., с чего начался «вавилонский плен» еврейского народа. В Библии имеет сугубо отрицательные коннотации. Бог за гордость наслал на него безумие. Дан. 4:30: «Тотчас и исполнилось это слово над Навуходоносором; и отлучён он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росой небесной, так что волосы у него выросли как у льва, и ногти у него – как у птицы».

563

Царство мёртвых. Здесь: ад.

564

Подагрой.

565

Палачах.

566

Гудибрас буквально повторяет за Аристотелем.

567

Поздравительная песнь новобрачным у греков и римлян.

568

Пикты – древнейший из народов Шотландии. Название от латинского «picti» – «раскрашенные».

569

Жмыхи.

570

Иоанн 8:7: «Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на неё камень».

571

Здесь: с прохладцей.

572

См. выше комментарий о Навуходоносоре.

573

Здесь: церковный сход.

574

Стойло.

575

Ср. у Горация («Послания», кн. I, 6, ст. 36–38): «Даст ведь царица деньги и с приданым жену и доверье, / Даст и друзей, красоту, родовитость; ведь тот, кто имеет / Много монет, Убежденье того и Венера украсят» *(пер. Н. Гинцбурга).*

576

Глухой круглый узел на конце верёвки *(мор.)*.

577

Дураки, свиньи.

578

Ханжа, лицемер.

579

Здесь: подделка.

580

Легендарный христианский правитель могущественного царства в Центральной Азии. Его образ и местонахождение по-разному толковались в источниках на разных языках, сочетая реальные и вымышленные черты. Через четыреста лет легенда постепенно исчезла из политического и религиозного воображения Европы.

581

Небольшое двухмачтовое судно. Из-за своей низкой скорости годилось только для прибрежной торговли и каботажного (берегового) плавания.

582

Салический закон возбранял наследование по женской линии. Французы распространили его и на передачу короны.